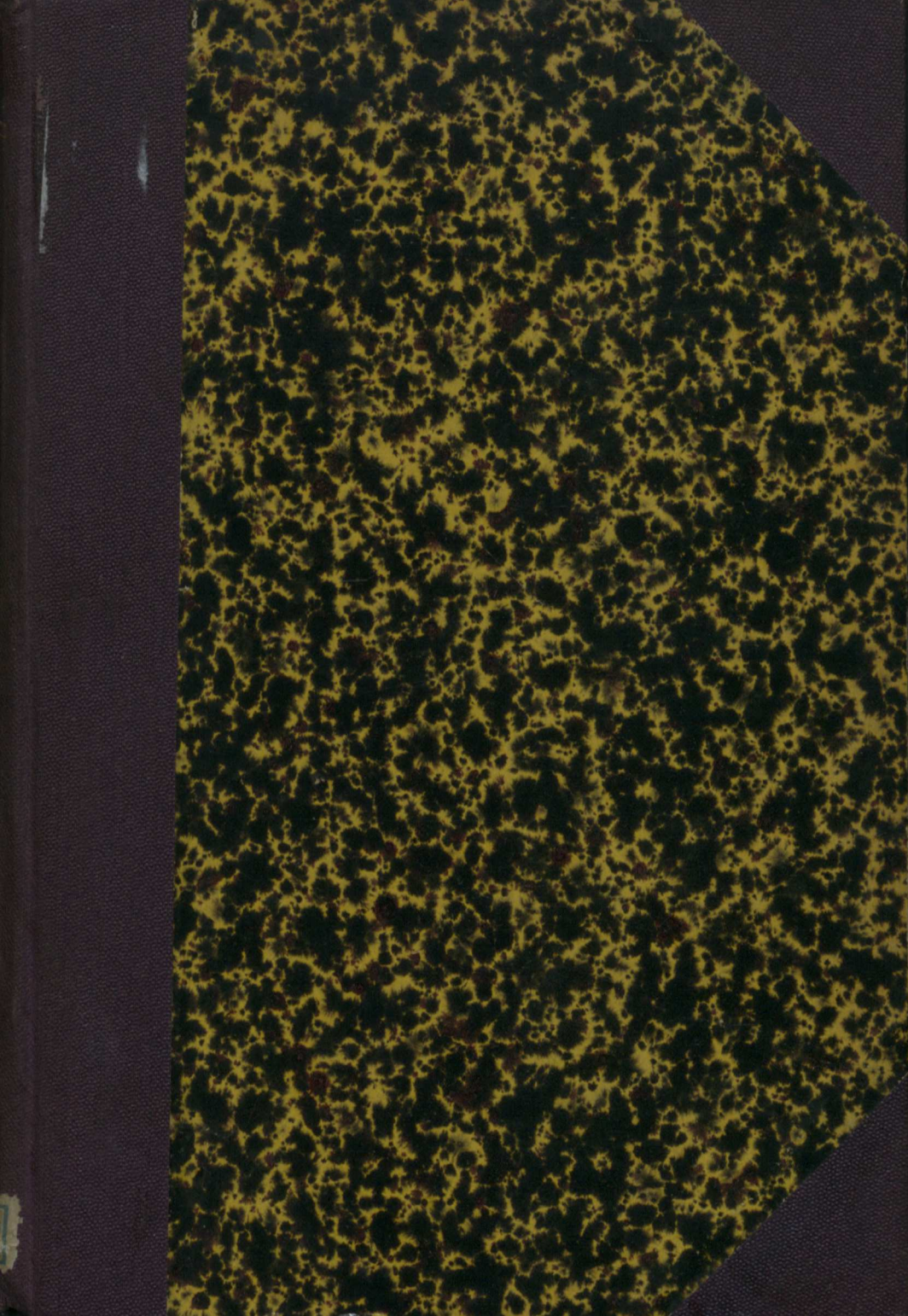

зала 38
шкафъ 26
полка 7
№ 6

НА СЪВЕРЪ ДИКОМЪ.

Церковно-историческая повѣсть.

П. А. Россіева.

книжный складъ
Стремянная, 12. соб. домъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина

книжный магазинъ
Невскій, 96, уг. Надеждинскі

Дешевая Библиотека Русскаго Паломника.

СВ. АДРИАНЪ И НАТАЛІЯ. Церковно-ист. пов. Д. Алексича. Изд. 2-е 139 стр., ц. 25 к.

АЛЪЕИ ИЗЪ НАЗАРЕТА. Виды и нравы галилейскіе во время земной жизни Христа Спасителя. 40 стран., ц. 10 к.

АПОЛОГИИ СВ. КІЕВСКИХЪ МОЩЕЙ. Соч. Арх. Ософана (Прокоповича). 36 стр., ц. 10 к.

АФОНСКИЙ ПОДВИЖНИКЪ. Разсказъ въ 2-хъ частяхъ изъ жизни на Афонѣ. Е. М. Байревой-Сперанской. 300 стран., ц. 75 к.

БИБЛІЯ И НАУКА. Историческія разсужденія къ Ветхому Заб. Проф. З. Раулинсона. стран., ц. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ библ. среди учебн. завед.

БОГОМЪ ОТМѢЧЕННЫЙ. Изъ жизни одного старца подвижника. Г. Стявцева, 164 стр., ц. 50 к.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕСТИНЫ. Соч. С. Кончиловича. 170 стр., ц. 25 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ учен. библ. среди учебн. зав. и въ безпл. народн. библ. и чит.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущено въ уч. библ. ср. учебн. завед.

ВѢРНЫМЪ ПУТЕМЪ. Повѣсть изъ современной жизни въ 2 част. А. Красничаго. 228 стр., ц. 50 к.

Его Импер. Выс. Гл. Нач. военно-учебн. зав. РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтен. въ библиотеки кадетск. корпус.

Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. допущено въ учен., старш. возраста, библ. среди учебн. завед. мин., въ библ. учит. семин. и въ безпл. н-р. чит. и библ.

„ГОСПОДЬ ВОДАРИТСЯ“. Десять картинъ славы Господа Иисуса Христа. В. Моно. Перев. С. Моложавого. 176 стр., ц. 25 к.

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВЪ (Святый). Избран. творен. и его жизнеоп. Сост. подъ ред. преосв. Никанора, еп. Смоленск. 262 стр., ц. 75 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. ОДОБРЕНО для учен. старш. возр., библ. всѣхъ среди учебн. зав.

ДВѢ РЪЧИ. Е. Дидона. Переводъ съ франц. А. П. Озерова. 34 стран., ц. 50 к.

ДНЕВНИКЪ Протоіерей Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго). 118 стран., ц. 25 к.

ДУША. Изъ твореній еписк. Юлія Миятѣя. цѣна 5 к.

ЖЕСТОКОЕ ИСПЫТАНІЕ. Бытов. пов. въ 2-хъ ч. А. И. Красничаго. 192 стр., цѣна 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ ученич., младш. и среди. возр., библиот. среди. и низш. уч. зав. и безпл. народн. читальни и библ.

ЖИЗНЕННЫЕ ВОПРОСЫ (по сочиненію Огмы Франка). Н. Дюгубскаго. Изъ содержанія: Есть ли у насъ душа? Оуществуетъ ли загробная жизнь? Что такое Богъ? 182 стран., ц. 50 к.

ЗА БРАТЪЕВЪ СЛАВНЪ. По поводу 25-лѣтія войны 1877—78 г. И. Преображенскаго. 188 стр., цѣна 50 к.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО. Сборникъ духовн. стихотвореній изъ соч.: К. Р., Хомякова, Тютчева, Майкова, Языкова, Полонскаго, Глинки и др. 128 стр., ц. 25 к.

ЗАЩИТНИКИ ХРИСТИАНСТВА. (Апологеты). Проф. Каз. дух. акад. И. И. Ревурсова. 224 стр., ц. 50 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ учен. стар. возр., библ. всѣхъ среди учебн. зав.

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ. Изъ душе-спасительныхъ поученій Платона, митромоск. Бол. томъ, болѣе 500 стр., ц. 75 к.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ. Его жизнь и дѣятельн. Сост. іеромон. Θεοδοсій подъ ред. преосв. Никанора, еп. Орл. 120 стр., ц. 25 к.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ. Его избранныя творенія. 228 стран., ц. 25 к.

ІОАННЪ ИЛИЧЪ СЕРГІЕВЪ (Кронштадтскій), протоіерей. Его жизнь и дѣятельность. Биографическій очеркъ С. А. Голованова, ц. 20 к.

КАЛЛИСТА. Повѣсть изъ жизни карвагенскихъ христіанъ. 195 стран., ц. 25 к.

КНИГА БЫТІЯ МОЕГО. (Изъ воспомин. о Востокѣ). Еп. Порфирія (Успенск.) 194 стр., ц. 25 к.

КОНЕЦЪ ІУДЫ. Древне-историческая пов. С. Кончиловича. 168 стран., ц. 25 к.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЕ МОНАШЕСТВО отъ основанія города до кончины Патріарха Фотія (330—898). Сочиненіе Аб. Марена. 305 стр., ц. 50 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ учен. старш. возр., библ. ср. учебн. зав. и въ учит. библ. низш. учил.

КУРСКАЯ СВАТЫНЯ. Маг. богосл. О. Четыркина. 16 стран., ц. 5 к.

МИЛОСТИ БОЖІЯ къ народу русскому и его правителямъ. Отъ крещенія Руси до татарскаго нашествія 988—1237 г. Мягкова. 200 стр., ц. 25 к.

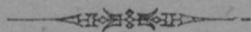
МИЛОСТИ БОЖІЯ отъ татарскаго нашествія до нашихъ дней. 200 стр., ц. 25 к.

МИНУВШІЯ СУДЬБЫ ПЕТЕРБУРГСКАГО КРАЯ (по поводу 200-лѣтія С.-Петербурга). Церковно-истор. оч. О. Четыркина. 167 стр., ц. 50 к.

НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ.

Церковно-историческая повѣсть.

П. А. Россіева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ ОКЛАДЪ: КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ:
Острянная, № 12, собств. домъ. Невскій пр., 20, уг. Набоковскіа.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 авг. 1904 г.

Типографія П. П. Сойкина. Сдб., Стремянная, 12.

I. Горькая пустыня.

Дальній сѣверъ. Дикая пустыня. Куда ни обратится глазъ, вездѣ видить топи да болота или голую землю, или громады голыхъ скалъ и горъ, вершины которыхъ всходятъ къ блѣднымъ небесамъ. Ничто не ласкаетъ глаза, ничто не лелѣетъ и слуха, потому что ни соловьи, ни жаворонки не залетають сюда. Зима долгая, лѣто короткое, такое короткое, что промерзающая земля не успѣваетъ отогрѣваться. Скупое улыбается солнце съ далекаго неба, по которому то и дѣло ходять сѣрыя тучи, подгоняемыя вѣтромъ; вѣтру тутъ раздолье широкое... Горы темнѣютъ, скрывая собою, можетъ быть, лазурные края, гдѣ ярко свѣтитъ солнце, гдѣ природа улыбается, гдѣ благоухаютъ цвѣты и легкій вѣтерокъ, порхая, шепчетъ что-то сладкое, пріятное... Лазурные края!.. О, нѣтъ, они далеко отъ этой дикой, безотрадной пустыни... Здѣсь все мрачно. Здѣсь жутко. Здѣсь вѣетъ холодомъ и смертью.

Залегли топи и болота... Въ рѣдкихъ мѣстахъ видится сосновый лѣсокъ, либо ельничекъ, либо корявая березка, пригибающаяся къ зеленымъ мхамъ... Въ лѣсахъ показываются медвѣди; помахивая длинными, пушистыми хвостами, бѣгаютъ песцы; сѣрые волки мелькаютъ межъ деревьевъ, сверкая глазами и скаля зубы на добычу. Въ болотахъ копошатся гады. На короткое лѣто залетають гагары. Чайка носится съ рѣзкимъ крикомъ, будто она ищетъ кого-то и не можетъ найти.

Велика эта пустыня. Протянулась она въ ширь и даль на сотни верстъ, обрывается у Бѣлаго моря—на закатѣ, у Ледовитаго океана—на сѣверѣ. Грозно Бѣлое море, студеное; страшенъ Ледовитый океанъ. Грозно море, когда на смѣну августу—серпеню приходитъ сентябрь—зарникъ и съ высокихъ горъ подымается буйный вѣтеръ, по здѣшнему: хвіюсь. Мечется, реветъ, воетъ онъ, носясь надъ пустыней, разгоняетъ чаекъ и гагаръ по теплымъ гнѣздамъ, бурыхъ медвѣдей, сѣрыхъ волковъ и голубоватыхъ песцовъ по берлогамъ и логовамъ, и кидается къ Бѣлому морю. Хвіюсь боломутитъ море, и оно бушуетъ безъ милосердія, будто грозитъ этой пустынѣ, разбивая ревучіе валы объ огромныя глыбы льдовъ, гуляющихъ во мракѣ сѣверной зимы; вѣдь, тутъ зима рано наступаетъ: съ зарникомъ. Закатывается солнце, что свѣтило почти три мѣсяца днемъ и ночью. Зябкая поросль пожелтѣла, свернулась подъ дыханіемъ хвіюса. Стало сиверко (холодно). Къ концу зарника—розсыпи (буруны). Снѣгъ покрываетъ пустыню, снѣгъ глубокій. Горы леденѣютъ. Начинаютъ завывать пурги (зимнія выюги). Ночь воцарилась и будетъ царить она до Омельяна-исповѣдника, который празднуется вскорѣ послѣ Крещенія Господня. До тѣхъ поръ и солнце не взойдетъ. Сполохи (сѣверныя сіянія), одни они станутъ теперь озарять это мертвое царство, переливаясь цѣлымъ моремъ всевозможныхъ цвѣтовъ и будто бросая безчисленныя искры на снѣжный пологъ тундры-пустыни съ ея толстиками (горными кручами), наволоками (мысами) и сланкою (очень мелкимъ кустарникомъ). Студеное море, бушуя, сливается съ Ледовитымъ океаномъ, по сѣрому лону котораго бродятъ стамухи (ледяныя горы). При лунѣ онѣ похожи на величественныя, сказочныя замки, будто созданныя таинственной рукой „сѣвернаго духа“ изъ разноцвѣтныхъ камней: красныхъ, голубыхъ, янтарныхъ, зеленыхъ, желтыхъ... И будто эти

камни-самоцвѣты переливаются радугами... На океанскомъ просторѣ среди этихъ ледяныхъ горъ видны тюлени, плавающіе со своими дѣтенышами на толстыхъ льдинахъ, качающихся на могучихъ волнахъ свободной стихіи. Сполохъ вспыхнетъ, озаритъ небо, тюлени выплываютъ на холодный берегъ и рѣзвятся. Они здѣсь одни: охотничья стрѣла не караулитъ ластоногихъ.

Хвѣюсъ то словно немного смиряется, то вновь начинается дуть со страшной силой, будить пургу, и снѣгъ кружится надъ пустыней и превращаетъ ее въ первозданный хаосъ...

Вслѣдъ за груднемъ (ноябремъ) пожаловалъ студень (декабрь). Затрещала Варюха; Савва заострилъ, Никола загвоздилъ; медвѣдь въ берлогѣ еще глазъ не открывалъ. Холодно!.. Спиридонъ по обыкновенію пришелъ,—солнцу бы поворотъ, а гдѣ оно солнце-то? Еще съ серпенемъ закатилось и до Омельяна не подыметъ со своей алой постели.

Но вотъ сухой воротился. Пришелъ онъ, мартъ, съ дождями, съ туманами, съ непогодью, да только ужъ вешнею... Запыхался мартъ, дышитъ тяжело, прерывисто. Но какъ ни дыхнетъ, все ужъ будто тепломъ.

Самъ хвѣюсъ какъ бы отъ него сторонится; знаетъ вѣтеръ буйный, что не онъ другъ и споспѣшникъ марта, а полуночникъ, шалоникъ, побережникъ,—вотъ какіе вѣтры. Сухій не на сиверко гнетъ, а на межонное время (лѣто). Пролѣтъе: Евдокея весну сряжаетъ. Герасимъ-грачевникъ... Алексѣй—съ горъ потоки...

Кураются туманы, падаютъ дожди. Снѣгъ рыхлѣетъ и понемногу осѣдаетъ. Къ цвѣтеню (апрѣлю), глядишь, зачернѣютъ проталины; надъ ними запрыгаютъ грачи, закаркаютъ вороны, отзовутся гагары, чайки, солдатъ-птицы, буревѣстники, ножеклювы и поморники.

Но Бѣлое море по прежнему бушуетъ, попрежнему разбиваетъ свои ревучіе валы о ледяныя громады, ко-

торья къ концу мая оно вынесетъ въ Ледовитый океанъ—на необъятный просторъ.

Май—травень. Весна, наконецъ, улыбнулась и дикой пустынь своею ласковой улыбкой. Тундра сбросила съ себя снѣжный покровъ. Улегся хвѣюсъ. Вонъ бѣлымъ кружевомъ стелется ягель, вонъ показалась и робкая травка. Корявая березка застѣнчиво прикрывается листочками, соснячокъ и ельничекъ, смахнувъ зимнюю дрему и пушистый снѣгъ, зеленѣютъ какъ-то особенно торжественно. И въ этомъ робкомъ, слабомъ проявленіи жизни растений заключается, увы, вся работа обширной пустыни весною. Ни селеній, ни хотя-бы одинокихъ избъ не видать. Живутъ-ли здѣсь люди? Или это край, забытый человѣчествомъ? Но, чу! раздался страшный крикъ... Онъ разбудилъ пустыню. Это не крикъ гагары, или чайки, или другой какой-нибудь птицы; это и не медвѣжій и не волчій голосъ. Въ отвѣтъ на первый крикъ послышался откликъ нѣсколькихъ маленькихъ существъ, въ оленьихъ шкурахъ и въ оленьихъ шапкахъ; они поднялись съ земли, на которой сидѣли въ кружокъ, и перевальчатой походкой направились въ сторону, откуда раздался первый крикъ. А окликнуло такое же странное, какъ и они, существо, стоявшее на колѣняхъ передъ оленемъ, посреди тундры.

Олень умиралъ.

Онъ лежалъ на мху, который сплошь покрывалъ гундру, и глазами, полными слезъ, смотрѣлъ на странное существо, одѣтое по примѣру ветхозавѣтныхъ людей. Вѣтвистые рога умирающаго животного были вакинута на спину. Олень не двигался; только заднія ноги его съ мягкими копытами время отъ времени дергались. Животное дышало медленно и прерывисто.

Стоявшій передъ нимъ на колѣняхъ челоуѣкъ не спускалъ съ него глазъ, и эти кроткіе сѣрые глаза также роняли слезы, бѣжавшія по смуглымъ щекамъ

и терявшіяся въ завиткахъ рѣдкой бороды. И судорога нѣтъ-нѣтъ да и сжимала его лицо. Казалось, этотъ человѣкъ навсегда разставался со своимъ лучшимъ, вѣрнымъ другомъ. Казалось, съ умирающимъ оленемъ этотъ человѣкъ терялъ все, что до сего времени его радовало и доставляло ему счастье.

Подошли остальные.

— Умираетъ олень?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

Стоявшій на колѣняхъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ; онъ даже не обернулся къ подошедшимъ такимъ же, какъ и онъ самъ, людямъ.

— Да, олень умираетъ... умираетъ...—произнесли нѣсколько голосовъ.

Олень доживалъ послѣднія минуты. Онъ было приподнялъ голову, но она безпомощно упала. Ноги его стали сильнѣе подергиваться. Слезы еще неудержимѣ потекли изъ глазъ животнаго.

Стоявшій на колѣняхъ человѣкъ подался всѣмъ тѣломъ впередъ.

— Ильмариненъ,—обратился къ нему одинъ изъ людей:—что же ты не собираешь его слезъ?

Ильмариненъ было имя стоявшаго на колѣняхъ.

Онъ вздрогнулъ и какъ то безразлично отозвался:

— Ахъ, да, да...

И, доставъ изъ-за пазухи долбленую чашечку, Ильмариненъ сталъ собирать въ нее слезы, текшія изъ глазъ умирающаго животнаго. По вѣрованію этихъ дѣтей сѣверной пустыни, слезы эти обладаютъ чудесной силой и помогаютъ въ минуты тяжелыхъ испытаній, которыя судьба посылаетъ людямъ на житейскомъ пути. Собравъ слезъ, Ильмариненъ сжалъ чашечку въ рукахъ, а самъ все смотрѣлъ въ глаза оленю. Наконецъ, тотъ потянулся, опять поднялъ голову, но она опять упала. Олень встрепелся и остановилъ на людяхъ помутившійся взглядъ: въ стадѣ однимъ оленемъ стало меньше.

Ильмариненъ обнялъ мертвое животное, погладилъ по шеѣ и со вздохомъ поднялся съ колѣнъ.

— Нѣтъ оленя,—промолвилъ онъ.

— Мало ихъ у насъ! Эна, сколько бродятъ!—отвѣчалъ хриповатый голосъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по тундрѣ бродило большое оленье стадо, пощипывая ягель. Высокія гранитныя горы стояли цѣпью, которая въ одномѣ мѣстѣ разрывалась, чтобы показать входъ въ Печенгскую губу. Миль на девять протянулась эта губа и, образовавъ колѣно, вдавалась въ материкъ. Вдали блеснуло зеркало озера. Кромѣ Печенгской губы, далѣе на западъ, прошла Паза-губа. Громоздятся острова. Утонулъ въ зелени мысъ, словно богатырь, загородившій входъ въ Пазу-рѣку. Изъ синеватой дали доносится шумъ падуновъ (водопадовъ). Могучая, гордая, но дикая природа!

Между тѣмъ, маленькіе люди, одѣтые въ оленью шкуру, отошли отъ мертваго животнаго и вскорѣ исчезли—одни въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей, другіе—подъ землею въ ямахъ съ острыми крышами изъ торфяника. Иныхъ жилищъ здѣсь нѣтъ. Эти маленькіе люди, кочуя по тундрѣ съ стадами оленей, не строятъ избъ. Шалашъ служитъ прекраснымъ убѣжищемъ въ непогоду; яма—отличное укрытіе отъ врага: разбойниковъ, вольницы, финновъ и новгородскихъ добрыхъ молодцовъ, которые не прочь заглянуть въ эту далекую, горькую пустыню и поживиться у простодушныхъ дѣтей ея, даже не имѣющихъ чѣмъ защищаться.

Занесетъ буйный хвѣюсъ чудъ разбойную,—пастухи и руки опускаютъ. Знать, кебуны (колдуны и жрецы) не умолили сѣвернаго духа предотвратить нашествіе, или чудъ сильнѣе, что-ли, этого духа? Но коли нашла она,—расплачивайся съ нею, разбойною. И пастухи отдають оленей, шкуръ оленьихъ и всякаго наличнаго

добра, сколько чужь потребуется... А новгородскіе добрые молодцы или бездомовая вольница явятся,—тоже на страхъ пустынь...

— „Стало“ пришли! Ой, „стало“ пришли!—съ ужасомъ повторяютъ маленькіе обитатели пустыни и уже прямо забиваются въ свои ямы,—оставивъ на произволъ судьбы стада. И сидятъ въ этихъ ямахъ ни живы, ни мертвы, пока „стало“ хозяйничаютъ около стада, или другими словами,—занимаются грабежомъ.

— Ой, страшны „стало!“

Почему страшны? Потому что „стало“—это, вѣдь, дюжіе молодцы, закованные въ сталь. Сами закованные въ непроницаемые доспѣхи, они приносятъ съ собою смертоносное оружіе. Гдѣ-же карликамъ бороться съ богатырями? Но кто они—карлики? Кого обижаютъ всѣ пришельцы съ мятежной душой и буйнымъ нравомъ?

Это „дикая лопь“. По нынѣшнему—лопари. И надъ этими дикарями-язычниками, и надъ этой-то дальней и суровой страной пролился свѣтъ вѣры Христовой. Новгородская область озарила этимъ свѣтомъ дальній сѣверъ.

Изъ города Торжка пришелъ апостолъ въ „народъ лопарскій“. То былъ Митрофанъ, теперь „преподобный отецъ нашъ Трифонъ, Печенгскій чудотворецъ“.

II. Дикая лопь.

Среди русскихъ того времени, къ которому относится нашъ разсказъ, т. е. конца пятнадцатаго и половины шестнадцатаго вѣка, ходили про дальній сѣверъ удивительные разсказы. Историкъ прямо говоритъ: увѣряли, „что тамъ, на берегахъ океана, въ горахъ, пылаетъ неугасимый огонь чистилища; что въ Лукоморьѣ есть люди, которые ежегодно 27 ноября, умираютъ, а 24 апрѣля оживаютъ снова; что они передъ смертію сносятъ товары свои въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди, въ теченіе зимы, могутъ брать оныя, за всякую вещь оставляя должную плату и не смѣя обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною разсчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ; что тамъ есть и другіе чудесные люди, покрытые звѣриною шерстью, съ собачьими головами, съ лицомъ на груди, съ длинными руками, но безногіе; есть рыбы человѣкообразныя, но только нѣмыя и проч.

Это говорилось про лопарей, тѣхъ самыхъ, что еще съ начала одиннадцатаго столѣтія платили дань „Господину Великому Новгороду“. Онъ раздѣлялъ ихъ на двоеданныхъ и троеданныхъ и бралъ съ нихъ сперва шкурками пушнаго звѣря и рыбою, а впослѣдствіи уже деньгами.

Къ „дикой лопи“ пріѣзжали новгородскіе пристава и собирали дань.

Нечего говорить, что люди въ звѣриныхъ кожахъ

не могли не казаться приставамъ дикими, и объ этихъ дикаряхъ они слагали всякія басни, которыя прикрашивались всячески досужими людьми.

Къ тому, что рассказывали о лопаряхъ „міряне“, монахи добавляли съ своей стороны мрачное, безотрадное. Въ Соловецкомъ монастырѣ сохранилась рукопись. Въ ней говорится: „Сии родове (т. е. лопари), яко звѣри дикіе, живутъ въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ; не имѣютъ ни храма, ни иного, потребнаго къ жительству человѣческому; но только животными питаются, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда-же—кожа оленей. Отнюдь Бога истиннаго, единого, и отъ Него посланнаго Іисуса Христа ни знать, ни разумѣть не хотятъ; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тотъ и Богъ для нихъ. И если иногда камнемъ звѣря убьетъ, камень почитаетъ, и коли палкой поразитъ ловимое,—палицу боготворитъ“.

Пристава новгородскіе говорили:

— Лопь—сыроядцы.

Не совсѣмъ, впрочемъ, правильно записалъ соловецкій лѣтописецъ. Когда надъ бушующими валами Бѣлаго моря воздвиглась Соловецкая обитель, то въ нее стали приходять и лопари.

— Что васъ привело сюда?—спрашивала у нихъ братія. И пришедшіе отвѣчали:

— Мы хотимъ остаться съ вами, братіе.

— Въ обители преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія?—удивлялись монахи.—Да что вамъ тутъ оставаться! Вы же привыкли къ тундрѣ, къ оленьимъ стадамъ, къ простору и вольной волѣ.

— Все оставляемъ, все выбрасываемъ изъ сердецъ нашихъ,—отвѣчали лопари.—Хотимъ, подобно вамъ, посвятить себя исключительно молитвѣ и посту.

— Какъ, вы хотите пріять иноческій образъ?!

— Да.

И принимали, и становились иноками лопари.

До Іоанна Третьяго они изъ года въ годъ, въ опредѣленное время, поджидали сборщиковъ дани, — и вѣрядъ-ли у какого-нибудь пристава хватало когда-нибудь духу сказать, что лопарь увернулся отъ дани или что онъ его, пристава, провелъ. Этого не случилось. Лопь—дика, но честна. Павелъ Іовій недаромъ говорилъ: „На самомъ дальнемъ берегу океана живутъ лапландцы, народъ чрезвычайно дикій, подозрительный и до того трусливый, что одинъ слѣдъ чужестранца или даже одинъ видъ корабля обращаетъ ихъ въ бѣгство; москвитяне не знаютъ свойствъ этого народа; торговля мѣхами производится безъ разговоровъ, потому что лапландцы избѣгаютъ чужихъ взоровъ. Слививъ покупаемые ими товары съ мѣхами, они оставляютъ мѣха на мѣстѣ, а купленное уносятъ, и такая заочная торговля производится съ чрезвычайною честностью“.

Начиная съ Іоанна III, лопари сами, въ лицѣ своихъ старшинъ, привозятъ дань, только ужъ не „Господину Великому Новгороду“, а покорившей его Москвѣ. Они имѣютъ уже дѣло не съ какими-то приставами, а съ великимъ княземъ и царемъ. Ибо Іоаннъ любилъ такъ называть себя. Лопь въ Москвѣ... Перекинуться въ Іоанновъ городъ изъ пустынной, голой, утрюмой тундры—было равносильно попасть въ рай. Извѣстно, что съ воцареніемъ Іоанна III собственно началось русское государство и вспыхнула заря новой жизни русскаго народа. Іоаннъ достигъ полнаго блеска верховной власти. Его перваго Русь сочла, а иностранцы назвали Великимъ. Пышность и великолѣпіе сопровождали этого кузнеца на тронѣ, мощно ковавшего Россію, которая все росла и росла, захватывая подъ свою власть сѣверъ, востокъ, югъ и западъ. При немъ Москва принарядилась, пріукрасилась и пышно расцвѣла подъ руками своихъ и иноземныхъ мастеровъ, призванныхъ по волѣ великаго государя.

Изъ Твери, Вятки, Рязани, Новагорода, Перми и изъ

старинныхъ русскихъ волостей, захваченныхъ было Литвой, шелъ селиться въ Москву служилый и всякій людъ и онъ несъ съ собой свои дарованія, свои вкусы, свои богатства и сокровища. До-ивановская Москва обветшала. Пустырямъ и пустопорожнимъ мѣстамъ, поросшимъ крапивою, отавой или бурьяномъ, приходилъ конецъ.

Изъ Пскова пришли на княжескій зовъ каменщики, все ученики нѣмцевъ; изъ Венеціи, изъ Милана, изъ Любека пріѣхали итальянскіе и нѣмецкіе палатные и стѣнные мастера. Прибылъ знаменитый зодчій, Аристотель Фиоравенти,—и закипѣла въ Москвѣ работа. Одна за другой строятся церкви. Гдѣ были пустыри, тамъ теперь тянутся улицы. На мѣстѣ лачугъ, гляди, красуются терема; гдѣ стояли палаты и терема, тамъ ужъ высятся дворцы. Фрязины (подъ коими подразумѣвались всѣ вообще иностранные мастера) съ какой-то лихорадочной поспѣшностью украшаютъ московскія зданія. Фряжская живопись на стѣнахъ храмовъ и дворцовъ и палатъ видится. Далматскій золотыхъ дѣлъ мастеръ дѣлаетъ для Іоанна сосуды. Все, что не пышно, не крѣпко, не выходитъ изъ ряда вонъ,—все и изъ московскаго обихода вонъ.

— Хоромъ-то, вишь, ужъ не строятъ на Москвѣ,—говорять заѣзжіе люди.

— Что-жъ, москвитяне безъ хоромъ, что-ли, обходятся?

— Взамѣсто хоромъ палаты воздвигаютъ...

— А какая разница? Хоромы, палаты—все равно, чай...

— То-то, что не все равно. Палаты — фряжское мастерство, непременно изъ камня, а хоромы, извѣстно, деревянные, съ вышками да сѣнцами, да гриднями. На Москвѣ нонѣ все вновь идетъ. Тѣсно ей стало въ самой себѣ, ну такъ...

— Такъ, что?

— Такъ, церкви старыя извѣчныя изъ города вонъ выносятъ...

→ Впрямь?

— Да-а. А монастыри старинные съ мѣстъ переставлены...

— Ахъ-ти! Да неужели?

— Истинно. А кости мертвыхъ выношены за Дорогомилово...

— Ай, и кости потревожены! О, Господи!

Посажены новые сады: Москва зазеленѣла. Городъ принялъ величественный видъ. Лопари, какъ ни дики они были, все-таки не могли не дивиться московской красѣ. Не имъ, невѣжественнымъ поморянамъ, было разбираться, какъ какой храмъ построенъ на Москвѣ, и что значить церковь крестчатая, или коробовая, или стрѣльчатая. Они и слыхомъ не слыхали о какомъ-то индѣйскомъ типѣ, или ломбардскомъ и мавританскомъ стиляхъ. Являясь въ Москву, лопъ просто впибалась глазами въ окружающія чудеса и только восхищалась, какъ восхищаются дѣти, простодушно, не скрываясь.

— Откуда такія чудеса у васъ?—опять таки съ чисто-дѣтской завистью спрашивали лопари у москвитянъ.

— Божье благословеніе, —отвѣчали тѣ.

— Великъ вашъ Богъ, щедръ и милостивъ!—говорили лопари.

— Каждому посылается по вѣрѣ его. Креститесь и вамъ Богъ пошлетъ отъ Своихъ щедротъ. У Него много всего. Онъ блакъ и всецѣдръ.

Лопари въ Москвѣ видѣли то, что имъ во снѣ не снилось. Глядя на москвитянъ и на ихъ жизнь, они чувствовали все свое ничтожество и убожество. Въ Москвѣ они воочію убѣждались, что ихъ существованіе такъ же бессмысленно, какъ и существованіе неразлучныхъ съ ними оленей. Въ концѣ-концовъ, раздѣлье

взяло ихъ. Дикарями мало-по-малу стала овладѣвать жажда иной жизни, жажда христіанства, жажда свѣта. Побывшіе въ Москвѣ рассказывали оставшимся въ тундрѣ про чудный городъ и про милости и щедроты христіанскаго Бога. Души вострепнулись. Ужъ отъ однихъ только рассказовъ вѣяло какимъ-то пріятнымъ, особенно сладостнымъ тепломъ. Вѣра въ боговъ поколебалась. Напрасно кебуны, узнавъ объ этомъ, грозили сѣвернымъ пастухамъ местию этихъ боговъ и злого духа; напрасно предсказывали гибель всѣхъ стадъ, если вѣроотступники не образумятся,—лопарі послали старѣйшинъ своихъ къ великому князю, „моля его дать имъ учителей христіанскихъ“. Въ это время княжилъ уже Василій, сынъ Іоанна III. Стоялъ 1527-ой годъ. Старѣйшины лопарскіе принесли обычную дань и мольбу отъ себя и отъ уполномочившихъ ихъ поморянъ. Великій князь, повелѣлъ новгородскому архіепископу Макарію (знаменитому въ исторіи русской церкви) отправить въ Лукоморье іерея тамошняго софійскаго собора съ діакономъ, которые и просвѣтили поморянъ истиной Евангельской. Новгородскій іерей съ діакономъ потрудились среди лапландцевъ, жившихъ при устьѣ рѣки Нивы *) и Кандалашской губы. Но кромѣ этихъ лопарей были еще кольскіе лопарі,—и они черезъ нѣсколько лѣтъ также изъявили Макарію желаніе креститься и „съ великимъ усердіемъ приняли священниковъ. Но, вѣруя во Христа, народъ продолжалъ обожать: солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ и, ходя въ церкви христіанскія, не измѣнялъ кумирамъ. Макарій послалъ туда умнаго монаха Ілію, съ настоятельной грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ своей ревности христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами“ **).

*) По пути между теперешними Кандалакшой и Колой.

**) Карамзинъ.

— Вотъ наши лѣса,—говорили лопари Иліи:—они священные. Мы поклоняемся имъ, такъ какъ въ нихъ обитають мстящіе духи. Они страшно наказали бы того, кто сорвалъ-бы хоть одну вѣтвь съ дерева въ священномъ лѣсу.

Илія зажегъ одинъ священный лѣсъ, другой, еще, еще...

Лопари пришли въ ужасъ:

— На что ты осмѣлился?—воскликали они.—Ты... ты не боишься кары лѣсного духа?

— Я боюсь кары истиннаго Бога,—отвѣчалъ монахъ.—Я не признаю никакихъ ни горныхъ, ни лѣсныхъ духовъ, ни русалокъ. И ваши лѣса — простые лѣса, созданные волею Всемогущаго Бога.

Лѣса горѣли. И что же! Илія остался цѣлъ и невредимъ.

— Кому вы молитесь?—обратился онъ къ лопарямъ.

— Мы поклоняемся кумирамъ,—отвѣчали они и указывали на грубыя каменные фигуры, сдѣланныя неумѣлыми руками кебуновъ.

— „Не сотвори себѣ кумира“, вотъ что говорится въ истинномъ священномъ писаніи, — промолвилъ монахъ Илія.

И онъ сталъ проповѣдывать слово Божіе. И проповѣдуя, сокрушалъ языческія жертвенники, бросалъ въ море истукановъ. Тщетно жрецы грозили ему мстью сокрушаемыхъ боговъ, напрасно они накликали на него смерть: Илія дѣлалъ и дѣлалъ свое дѣло, и возвѣщалъ слово Истины. Новгородскій монахъ поселился на Колѣ.

Колу основали новгородцы. Въ первый разъ она упоминается въ 1264 году, въ договорѣ ихъ съ княземъ Ярославомъ Ярославовичемъ Тверскимъ. Промышленнымъ новгородцамъ Кола нужна была. Постепенно обогащаясь торговлею съ нѣмцами, камскими болгарами и др., новгородцы больше всего обращали вниманіе

на мѣха. Это былъ самый главный источникъ богатствъ ихъ, такъ какъ въ ту пору мѣха составляли роскошь, и щеголять въ нихъ любила цѣлая Европа. А на сѣверѣ-ли не было звѣрья! Вѣдь, сѣверъ и сѣверо-востокъ поросли сплошь лѣсами. Подвигаясь дальше да больше, подходя къ океану, къ сказочному Лукоморью, новгородская предпримчивость строила по пути, гдѣ было удобно, города и колоніи и крѣпко держалась за нихъ. Съ расширеніемъ круга торговли, по мѣрѣ того, какъ росли благополучіе и богатства Господина Великаго Новгорода, — новгородцы все выше закидывали головы, все самостоятельнѣе и самостоятельнѣе держались по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что они разговорились съ тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ именно такъ:

— Князь Ярославъ! Требуемъ, чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ и родителю, утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ священный обѣтъ править Новымъ городомъ по обыкновенію, брать одни дары съ нашихъ областей, поручать оныя только новгородскимъ, а не княжескимъ чиновникамъ, не избирать ихъ безъ согласія посадника и безъ вины не смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены братомъ твоимъ Александромъ, сыномъ его Дмитріемъ и новгородцами. Въ Торжкѣ и Волокѣ будутъ княжескіе и наши тиуны (или судіи): первые въ твоей части, вторые въ Новгородской; а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, ни княгинѣ, ни боярамъ, ни дворянамъ твоимъ селъ не имѣть, не покупать и не принимать въ даръ, равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Новгорода: въ Волокѣ, Торжкѣ и проч.; также въ Вологдѣ, Заволочѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ, Югрѣ. Въ Руссу можешь ты, князь, ѣздить осенью, не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай своего рыбака и медовара по грамотѣ отца твоего, Ярослава. Дмитрій и новгородцы дали бѣжичанамъ и обонежцамъ на три года право судиться собственнымъ ихъ

судомъ: не нарушай сего временнаго устава и не посылай къ нимъ судей. Не выводѣ народа въ свою землю изъ областей нашихъ, ни принужденно, ни волею. Княгиня, бояре и дворяне твои не должны брать въ залогъ по долгамъ ни купцовъ, ни землевладѣльцевъ. Отведемъ сѣнные покосы для тебя и бояръ твоихъ, но не требуй отнятыхъ у насъ княземъ Александромъ *) и вообще не подражай ему въ дѣйствіяхъ самовластія. Тиунамъ и дворянамъ княжескимъ, объѣзжающимъ волости, даются прогоны, какъ издревле установлено, и только одни ратные гонцы могутъ въ селахъ требовать лошадей отъ купцовъ. Что касается пошлинъ, то купцы наши въ твоей и во всей землѣ суздальской обязаны платить по двѣ векши съ лодки, съ возу и съ короба льну или хмѣля. Такъ бывало, князь, при отцахъ и дѣдахъ твоихъ и нашихъ. Цѣлуй же святыи крестъ во увѣреніе, что исполнишь сѣи условія; цѣлуй не чрезъ посредниковъ, но самъ и въ присутствіи пословъ новгородскихъ. А затѣмъ мы кланяемся тебѣ господину-князю“.

Не мудрено, что они разговаривали такъ, а не иначе: вѣдь это было въ новгородскомъ обычаѣ. Приходилъ къ нимъ князь. Они, если принимали его, то только „на всей своей волѣ“. Иными словами: ставили князю свои условія. Согласенъ исполнять ихъ,—оставайся, а коли нѣтъ,—съ Богомъ...

— Вотъ наша воля,—говорили пылкіе, своевольные новгородцы.

— Тяжела ваша воля,—отвѣтствовалъ князь.

— Тяжела? — повторяли новгородцы: — иди куда хочешь; теперь не твое время.

И князь уходилъ. Ничего больше не оставалось ему дѣлать.

Однажды великій князь кіевскій Святополкъ II

*) Невскимъ.

снарядилъ въ Новгородъ посольство. Послы пожаловали и напрямикъ выложили, что, молъ, хочетъ великій князь посадить у нихъ, новгородцевъ, своего княжича-сына.

А Господинъ великій Новгородъ также прямо послалъ въ отвѣтъ:

— Скажите великому князю: „Князь Святополкъ! если у твоего сына двѣ головы, то пришли его къ намъ“.

Въ 1550 году селеніе Колу называли острогомъ, а въ 1553 году въ острогъ построена первая церковь.

Іеромонахъ Ілія, поселившись въ Колѣ, сталъ проповѣдывать лопарямъ-язычникамъ Единого Истиннаго Бога, Творца неба и земли, Единого Отца и Спасителя всѣхъ людей. Доброе сѣмя падало на камни, но западало также и въ добрую почву и мало-по-малу въ Кольскомъ присудѣ разливался свѣтъ христіанства. Новгородскій монахъ сѣялъ святое, сѣялъ съ ревностью, не щадя силъ. Однако язычество царило не въ одномъ Кольскомъ окружѣ—по рѣкамъ Колѣ и Туломѣ. Оно властвовало широко вокругъ. Берега рѣкъ Печенги, Пазрѣки и побережье Сѣвернаго океана, гдѣ бродили лопари со своими стадами, также жаждали свѣта. Но отъ Колы до нихъ, это—не рукой подать. Дикій народъ жилъ на пространствѣ 500 верстъ. Гдѣ же было иноку совладать съ этой могучей „горькой пустыней“ и озарить ее свѣтомъ христіанства. Тутъ требовался гигантъ духомъ, избранникъ самого Всемогущаго Бога, Который бы вложилъ въ Своего апостола силу, терпѣніе, выносливость и стремленіе къ подвигу необычайныя.

И такимъ избранникомъ былъ Митрофанъ. Онъ закончилъ начатое новгородскимъ Іліей, отъ котораго принялъ благословеніе и санъ иноческій...

Митрофанъ явился въ Колу, и первый, кого онъ тамъ встрѣтилъ, былъ новгородскій іеромонахъ.

— Благослови меня, святыи отче!—обратился къ

нему Митрофанъ. И когда благословившій его инокъ спросилъ, зачѣмъ онъ сюда пришелъ, — такой молодой, полный силъ и, можетъ быть, очень нужный родному городу Торжку, — Митрофанъ смиренно отвѣчалъ:

— Здѣсь мое мѣсто.

Илія удивился.

По прежнему смиренно Митрофанъ добавилъ:

— Мнѣ былъ гласъ: Митрофанъ, не въ Торжкѣ твое мѣсто: тебя ждетъ земля необитаемая и жаждущая.

— Чей это былъ голосъ?

— Мнѣ говорилъ Незримый.

III. Голосъ Незримаго.

Митрофанъ родился около 1485 года.

Его отецъ былъ священникомъ въ Торжкѣ. Смирный служитель алтаря, онъ старался воспитать своего сына въ правилахъ строгаго благочестія. Митрофанъ рано научился читать и писать и еще ребенкомъ любилъ посѣщать храмъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя отрадиѣе всего. Онъ первымъ являлся на зовъ церковнаго колокола въ домъ молитвы и послѣднимъ выходилъ изъ него. Дѣтскія игры и удовольствія не занимали его ума. Митрофанъ избѣгалъ ихъ. Онъ цѣлыми днями просиживалъ надъ священнымъ писаніемъ, словно отыскивая въ немъ то, чего не давала ему, ребенку, и потомъ—юношѣ, окружающая жизнь. Въ священныхъ книгахъ раскрывался смыслъ жизни и находился ключъ, отпирающій врата вѣчнаго блаженства. Сверстники звали Митрофана позабавиться, онъ отвѣчалъ отрицательно. Не для него-де забавы. Его звали на игрища.—„Зачѣмъ я пойду туда“?—словно говорилъ его умоляющій взоръ, который онъ обращалъ на сверстниковъ, и тѣ мало-по-малу убѣждались, что Митрофанъ какой-то странный, какой-то особенный. Но этого страннаго юношу никто изъ нихъ не рѣшался осудить. Его не понимали, но и не осуждали. Сосредоточенность, серьезность не по лѣтамъ, чѣмъ отличался Митрофанъ, приводила сверстниковъ въ недоумѣніе. Отчего онъ такой? Какими чувствами онъ полонъ? Чѣмъ полна его

чистая душа? Это трудно, больше того—не возможно было отгадать. И Митрофана молодежь предала забвенію. А этого онъ только и хотѣлъ. Онъ хотѣлъ одиночества, которое бы способствовало ему углубляться въ священное писаніе и парить мыслью къ Богу... Отцу по душѣ была Митрофанова скромность и отчужденность отъ мірскихъ забавъ. Соблазнъ, одинъ соблазнъ—эти забавы. Подальше отъ соблазна — лучше. Кристаллъ души такъ-то дольше сохранится, сердце больше останется не загрязненнымъ грѣховными помыслами. Красота внутренняя не увянетъ такъ-то. Въ храмѣ, во время богослуженія, іерей прислушивался къ пѣнію и чтенію своего Митрофана, и отца восхищаль звонкій голосъ его. Въ этомъ голосѣ звучали какія-то особенныя нотки, какая-то особенная проникновенность чувствовалась въ чтеніи каѳизмъ, апостола, часовъ Митрофаномъ. Когда наступало время пѣть Херувимскую или поліелей, словно у Митрофана вдругъ вырастали крылья и уносили его въ высь. Словно онъ въ эти минуты видѣлъ сонмы ангеловъ, среди раскрывшихся небесъ. И неземной восторгъ, охватившій юношу, придавалъ его молодому голосу неизъяснимую прелесть, неизъяснимое очарованье. Блестали его глаза, румянецъ вспыхивалъ на щекахъ, весь трепеталъ Митрофанъ. И, трепеща, разливалъ по убогому храму волны неизъяснимо-складкихъ звуковъ. И кого бы не захватило такое пѣніе и не оторвало отъ земли и житейскихъ мелочей? Отецъ не владѣлъ собою. Когда онъ дѣлалъ возгласы или читалъ молитву, слышно было, какъ дрожалъ его голосъ. Очевидно,—слезы подступали къ горлу іерея. Онъ возвращался послѣ службы домой и говорилъ:

— Хорошо, прочувствованно, трогательно сегодня пѣлъ ты, Митрофанушка, „Хвалите имя Господне“! Слеза прошибала, слушаая тебя.

Митрофанъ слушалъ и молчалъ. Только глаза его все еще блестали, только нѣтъ-нѣтъ да и затрепещетъ

весь, какъ голубь, или какъ орленокъ, который побывалъ въ поднебесьи, и что-то видѣлъ и слышалъ тамъ, чего не передать бѣдному словами языку...

По мѣрѣ того, какъ Митрофанъ росъ, всё его помыслы уходили далеко, далеко отъ окружавшаго его. Жизнь, какъ она билась въ городѣ, была чужда ему. И людъ, населявшій Торжокъ, нисколько не занималъ Митрофана. Точно онъ родился въ какой-то другой части свѣта, подъ другими небесами, среди другой природы, а сюда случайно попалъ и не надолго. И не понимаетъ тутъ никого и ничего. Укрыться отъ человѣческаго глаза было его любимымъ дѣломъ. И Митрофанъ прятался въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ отцовскаго дома, гдѣ читалъ или отдавался раздумью, или молился; а то уходилъ за городъ—въ лѣсъ или въ поле, и тамъ опять-таки молился, читалъ или размышлялъ. Онъ сроднился съ пустыней, постигалъ глубокий смыслъ пустынножительства и все настойчивѣе и настойчивѣе искалъ въ лѣсныхъ цѣлинахъ и на широкомъ полевомъ просторѣ отвѣтовъ на вопросы, которые заполняли все его юное существо. Поля, лѣса... когда бы онъ ни пришелъ сюда, никого не видать. Человѣческая нога какъ будто боится ступить здѣсь... Тамъ, въ Торжкѣ, жизнь, тамъ люди суетятся, волнуются, кипятъ въ котлахъ страстей и мелкихъ заботъ, чаще всего изъ-за куска хлѣба, а тутъ, какъ говорится, о-бокъ съ городомъ и пустынно, и мертво. Птицы—однѣ онѣ щебечутъ и поютъ, да насѣкомыя жужжать, а зимою по снѣжнымъ сугробамъ бѣгаютъ зайцы, рыскаютъ волки и лисицы. И только. Здѣсь хорошо созерцать небо, зажигающееся по ночамъ мириадами огоньковъ. Каждый огонекъ, каждая звѣздочка—вѣдь, это, говорятъ, око ангельское... Значить, сколько тамъ ангеловъ. И всё они глядятъ на землю, и на людей, и, стало быть, на него, на Митрофана. Какъ хорошо. Какъ отрадно. Какъ эти ангель-

скія очи согрѣвають душу!.. „Но здѣсь,—думалъ Митрофанъ,—человѣку пожалуй и нечего дѣлать. Бить звѣрей, ловить птицъ... зачѣмъ? Пролить хотя бы и звѣриную кровь, неужели это можетъ служить удовольствіемъ для человѣка? Между тѣмъ, какъ тамъ, въ пустыняхъ Лукоморья, у студенаго океана человѣкъ нуженъ... да, да, нуженъ. Но его и тамъ нѣтъ. Тамъ живутъ люди, какъ звѣри, и некому научить ихъ жить по иному. Они нивѣсть что ѣдятъ, нивѣсть кому поклоняются,—и никто-то, никто не стремится въ Лукоморье, чтобы озарить этихъ людей свѣтомъ Христовой вѣры... О, Господи!.. Отчего они не живутъ осмысленной жизнью, а пресмыкаются, какъ гады, или бродятъ во тьмѣ? Развѣ Ты ихъ создалъ не по образу и подобию Своему? Развѣ Ты не вдохнулъ и въ дикаря душу живу? Развѣ Ты не далъ и дикарю разума? Ты далъ, да, Ты далъ и дикарямъ душу живу и разумъ, и образъ Свой, но не указалъ имъ пути къ вѣчному блаженству, но не научилъ ихъ молиться Тебѣ, просить и благодарить Тебя, Подателя благъ!.. Когда они смотрятъ на небо, блещущее звѣздами, развѣ они видятъ ангеловъ? Развѣ эти звѣзды для нихъ—очи небожителей? Нѣтъ... И оттого-то ихъ души холодны, ихъ глаза не загораются огоньками радости. Они видятъ небо и не понимаютъ видимаго. Небесная твердь страшитъ ихъ, только страшитъ. Въ небесахъ они не видятъ, Тебя, Господи! Они въ страхѣ падаютъ на землю при блескѣ молній, при громовыхъ раскатахъ. Они говорятъ: то злой духъ гнѣвается... А и молніи, и громъ не оттуда-ли, гдѣ Твой престолъ?.. Господи, Господи!“

Среди волнъ Бѣлаго моря, на островѣ, былъ основанъ въ 1436 году Соловецкій монастырь. Инокъ Зосима построилъ деревянную церковь Преображенія Господня, обнесъ ее оградой. Эта церковь и послужила основаніемъ для будущей обители. Вскорѣ

вѣсть о новомъ монастырѣ разнеслась по Руси, и въ него стали стекаться богомольцы со всѣхъ концовъ государства. Въ 1471 году въ Соловки были перенесены мощи преп. Савватія, который первый пришелъ на Бѣло-море и поселился на Соловецкомъ островѣ, при горѣ Сѣкирной.

Чернецы, калики переходящіе шли черезъ Торжокъ въ Соловки и обратно—и Митрофанъ не упускалъ случая побесѣдовать съ ними о далекомъ сѣверномъ краѣ. Увидя калику на паперти храма или встрѣтивъ чернеца на улицѣ, Митрофанъ зазывалъ ихъ къ себѣ и, потчуя всѣмъ, что имѣлось въ домѣ, разспрашивалъ о новой обители, о людяхъ, далекій сѣверный край населяющихъ, о язычникахъ-кочевникахъ — въ частности. Въ свою очередь, побывавшему въ Лукоморьѣ паломнику хотѣлось подѣлиться вынесенными впечатлѣніями, которыя отличались яркостью или были блѣднѣе, смотря по паломнику. Простой горожанинъ не умѣлъ такъ складно, такъ красно, такъ много подѣлиться видѣннымъ, какъ болѣе развитой, грамотный инокъ или калика переходящій, много на своемъ вѣку потолкавшійся среди разнаго люда, много повидавшій, достаточно наслушавшійся на-вѣку всякихъ повѣствованій, розсказней и бывальщинъ, и кое-что заимствовавшій отъ языка краснобаевъ. А въ теплѣ іерейскаго домика, за столомъ, на которомъ яства дымятся и питія темнѣютъ въ привлекательныхъ посудинахъ,—языкъ еще больше развязывался и бесѣда лилась безъ конца. Митрофанъ слушалъ чернеца или калику и жизнь поморянъ рисовалась передъ нимъ. Все въ этой жизни не обычно, все по иному. Иной укладъ, иные свѣчаи и обычаи.

Митрофанъ спрашивалъ чернеца:

— А ты, отче, въ бытность свою у преподобнаго Савватія не видалъ лопи?

Чернецъ отвѣчалъ:

— Лопи-то... Нѣтъ, гдѣ жъ было ее видѣть! Она далече отъ обители. Во Христа не вѣруеть, такъ по что ей въ святую обитель приходить? Слышать слыхиваль. Сказывали тамъ людіе: живетъ-де та лопъ нечестивая, яко звѣріе дивіе. Кожей еленей прикрываются и всѣ токмо сыроядцы.

— И къ нимъ въ пустыню соловецкіе иноки не заходятъ?

— Господь вѣдаетъ. Можетъ, и апостольствуютъ.

— Не можетъ же, отче, эта лопъ пребывать всегда во тьмѣ!—воскликнулъ Митрофанъ съ какою-то горечью.—Вѣдь, не можетъ, скажи, не можетъ?

Инокъ развелъ руками.

— Въ Писаніи сказано,—отвѣчалъ онъ:—„Господь всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити“. За всѣхъ Онъ пострадалъ и потому всѣмъ отверзаетъ объятія Своей божественной любви. Истинно, будетъ нѣкогда день, когда вси языцы обратятся къ Нему—и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.

Отъ каликъ переходящихъ Митрофанъ узнавалъ больше про Поморье и поморянъ; правда, калики тоже не всегда и не всѣ видали „дикую лопъ“, но они не задумывались передъ вымысломъ, которымъ переливали правду. Инымъ изъ нихъ доводилось встрѣчать лопарей въ Москвѣ, куда всегда тянуло каликъ переходящихъ по той причинѣ, что нигдѣ они не находили столько благодѣтелей, какъ въ стольномъ градѣ. За рассказъ, за духовный стихъ калика тамъ получалъ не только обильную трапезу въ боярскомъ домѣ, но и ночлегъ на пуховой постели.

Митрофанъ любопытствовалъ:

— Встрѣчался-ли калика съ лопью—и гдѣ?

— Доводилось, охъ, доводилось,—отвѣчалъ тотъ и отвѣчалъ такъ, какъ будто со словомъ: „лопъ“ у него соединялось воспоминаніе о пережитомъ ужасѣ.

— Гдѣ встрѣчалъ-то ихъ?—допытывался Митро-

фанъ и сердце его билось тревожно.— Не въ Соловечкомъ-ли монастырѣ?

— Довелось и тамо-тко, — отзывался калика, — видѣлъ я лопъ, не къ ночи она будь помянута, и въ Москвѣ близъ великокняжескаго терема.

Митрофанъ насторожилъ слухъ, посунулся впередъ.

— Ну! Ну!

— Ну, инъ, образа она звѣринаго. Шерстью покрыта, ровно вотъ нежить какая. Руки длинныя-преддлинныя, а глаза съ зеленымъ отливомъ.

— Но вѣдь это люди, калика, а, люди?

— Прозываются людьми, а только человѣкоподобія въ нихъ мало.

— И не нѣмы, вѣдь, они?

— Какое нѣмы, — лопочутъ. Пристава, инъ, разумѣютъ ихъ. Пристава, знамо, въ тѣхъ мѣстахъ бывали. Народъ умудренный. Имъ не токмо лопъ, они съ птицей-сириномъ, и съ той могутъ толковать.

— И это кривда, каликушка, что у лопи той собачьи головы, а глаза на груди?

Бесѣдуй калика съ какою-нибудь любопытной боярыней, онъ навѣрно-бы подтвердилъ, что у лопи головы именно собачьи, а глаза именно на груди; да даже и не боярынь, а всякому другому такъ бы отвѣчалъ, но подтвердить ложь относительно лопи Митрофану калика не могъ. Онъ не рѣшился обмануть чистой души, которая отражалась въ Митрофанѣ.

Да и не повѣрилъ бы Митрофанъ, солги калика. Это чувствовалъ онъ. „Лопъ—такіе же какъ и мы, люди, только темные, всѣми забытые“, — такое убѣжденіе сложилось у Митрофана и никто бы не былъ въ состояніи разубѣдить его въ этомъ... Онъ разузнавалъ про Поморье.

И чѣмъ больше слышалъ о дальнемъ краѣ, тѣмъ очевиднѣе становилось для него, что это глушь, — непроходимая, дикая, безпросвѣтная. Митрофанъ прини-

малѣ къ свѣдѣнію все, что ему о далекомъ сѣверѣ рассказывали—и правду, и сказки. Онѣ все взвѣшивалъ по-своему. Правда больше знакомила его съ дикою лопью, сказки сильнѣе заставляли его придумываться надъ ея горькимъ существованіемъ и все больше и больше сочувствовать ей. Желаніе вывести дикарей на путь разумнаго существованія овладѣло всѣмъ существомъ Митрофана и этимъ желаніемъ онѣ жилъ и горѣлъ.

Но какъ вывести ихъ на новый путь?

Отвѣтъ подымался тотчасъ изъ глубины любящаго сердца: вывести поморянъ на новый путь—обратить ихъ въ христіанство... О, какой это великій и, дѣйствительно, достойный человѣка подвигъ—вывести ближняго изъ мрака заблужденія и указать ему, какъ надо жить въ Богѣ! Но именно оттого, что это великій подвигъ, онѣ страшить... страшить! Какъ приступить? Какъ дѣлать? Гдѣ взять глубины убѣжденія? Откуда почерпнуть духовной мощи и витійства? Передъ этими вопросами Митрофанъ останавливался безсильный...

Апостолъ Павелъ, проповѣдуя христіанство, производилъ своими рѣчами глубокое впечатлѣніе. Онѣ родились вдохновеннымъ. Онѣ, поэтому, увлекали мысль и чувство слушателей; Іоаннъ прозванъ Златоустомъ. Они умѣли жечь глаголомъ людскія сердца, зато и проповѣди ихъ служили къ вѣщшему торжеству христіанской церкви. А что могу сдѣлать я? Я духомъ нищъ, и жалокъ языкомъ. Мое слово не проникаетъ ни въ чье сердце и не вызоветъ ни въ комъ благодарнаго отклика, ни слезъ умиленія, ни радости—такой радости, какая до этого никогда еще не испытывалась...

Митрофанъ мучился; онѣ порывался къ добрымъ дѣламъ и въ то же время чувствовалъ свое полное безсиліе. А сѣверъ, далекій, глухой сѣверъ какъ

будто бы все настойчивѣе звалъ его къ себѣ и дикари, казалось ему, двигаясь въ темнотѣ, протягиваютъ руки къ Москвѣ, гдѣ сіяютъ величественные храмы и народъ молится истинному Богу, всемогущему, всещедрому, долготерпѣливому и многомилостивому. „Что дѣлать? Какъ быть? Какъ выступить на путь проповѣди Христа?“—думалъ Митрофанъ. Все, что было подъ рукою и что можно было достать изъ священнаго писанія, все это Митрофанъ прочелъ; Евангеліе, Дѣяніе Апостоловъ онъ заучилъ наизусть. Онъ читалъ и слышалъ о проповѣди апостола Андрея на мѣстѣ нынѣшняго Кіева, о трудахъ Равноапостольнаго Владиміра; мученія христіанъ при римскихъ императорахъ, иконоборство—и о нихъ ему рассказывали. Съ одной стороны—запасъ знаній былъ налицо, а съ другой—величіе миссіи какъ-то подавляло. И Митрофанъ совершенно терялся.

Онъ пробовалъ разговаривать съ отцомъ о проповѣди христіанства среди лопарей. Іерей и не подозрѣвалъ, къ чему этотъ разговоръ клонится. Ему казалось,—пытливый умъ сына хочетъ охватить все—и только. Ему и въ голову не приходило, что Митрофанъ болѣетъ душой за какихъ-то невѣдомыхъ тамъ людей, полудѣйствительныхъ, полусказочныхъ....

— Труденъ подвигъ проповѣдника?—допытывался Митрофанъ.

— Знамо, труденъ, сынъ мой, — отвѣчалъ священникъ.

— И надо имѣть для этого особенную подготовку, батюшка?

— Знамо, надо. Безъ познаній въ священномъ писаніи какъ же можно? А паче того вѣра. Слово безъ вѣры въ устахъ проповѣдника — камень, а не пища духовная. За вѣрующимъ самъ Господь. И чѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе вѣра, тѣмъ ближе Богъ. И помогаетъ Онъ вѣрующему. Извѣстно, что безъ вѣры пи-

чего истинно-великаго не совершилось. И не совершится. Христось простых рыбарей умудрилъ и сдѣлалъ ихъ ловцами человѣковъ. Смиранныхъ возносилъ Онъ до седьмого неба. И бывало, что цари падали во прахъ. Апостоль Петръ — кто онъ былъ, вспомни-ка. Ну, вотъ, то-то!

Отцовскія слова глубоко западали въ мятущуюся душу Митрофана. „Христось простыхъ рыбарей умудрилъ и сдѣлалъ ловцами человѣковъ“, да, да... Кого Онъ захочетъ вознести, вознесетъ...

А между тѣмъ, годы проходили и Митрофану исполнилось 28 лѣтъ. Онъ порывался въ холодную даль, а внутренній голосъ удерживалъ. Митрофанъ слышалъ этотъ голосъ... Онъ говорилъ ему: „Куда ты? Подвигъ труденъ. Совладаешь - ли съ испытаніями?“ И Митрофанъ опускалъ голову. И боль, острая боль терзала его любвеобильное сердце. Однажды, онъ вышелъ за городъ: на душѣ тяжело было. Онъ шелъ полемъ и другъ—слышитъ голосъ.

Митрофанъ встрепенулся. Кто-то говорить, а кто—неизвѣстно. Кругомъ никого не видать.

Голосъ говорилъ:

„Иди и возопи, ибо Я вспомянуль васъ милуя, и обрученіе Моей любви не уничтожится. Иди въ землю необѣтованную, въ которой нѣтъ путей, въ землю жаждущую, ибо не ходилъ по ней мужъ и не обиталъ человѣкъ“.

Митрофанъ схватился за грудь.

— Кто ты, Господи?—спросилъ онъ съ трепетомъ.

И послышался отвѣтъ:

— Я Исусъ, Котораго ты ищешь.

Митрофанъ устранился.

— Владыко - Господи! я невѣжда и малограмотенъ,—воскликнулъ онъ.

— Не говори противъ ничего, потому что на все пошлю тебя, и пойдешь, и все, что повелю тебѣ, ста-

нешь говорить; не бойся, ибо Я съ тобою, — изрекъ Спаситель.

И снова все стихло.

Но въ ушахъ Митрофана долго еще звучали таинственно-сказанныя слова... И Митрофанъ вздрагивалъ, и какой-то особенный восторгъ охватилъ все его существо, и какая-то неизъяснимо-сладкая теплота вдругъ повѣяла на него. „Иди и возопи... Иди въ землю необитаемую, въ которой нѣтъ путей... въ землю жаждущую, ибо не ходилъ по ней мужъ“... Боже, Боже! Да мнѣ-ли это?—Онъ опять оглядывается по сторонамъ. Нѣтъ, онъ одинъ здѣсь.

„Меня ждетъ земля... необитаемая... жаждущая... меня! Слабago!“ Ему вспомнились слова: „Пустыннымъ животъ блаженъ есть, божественнымъ раченіемъ воскриляющимся“. Онъ слышалъ ихъ за утренней... Плача отъ радости, которую называютъ неземною, Митрофанъ опустился на колѣни и сталъ пламенно молиться. Онъ молился долго. „Господи, благодарю Тебя, помози мнѣ тамъ—въ землѣ необитаемой и жаждущей! Подаждь ми силу и крѣпость! Святый Безсмертный, просвѣти умъ мой, да прославлю имя Твое до скончанія живота моего!“

Возвратившись домой, онъ разсказалъ обо всемъ, случившимся съ нимъ.

— Батюшка, благослови меня въ дальній путь! — заключилъ Митрофанъ свой разсказъ.

Старый священникъ всплеснулъ руками.

— Митрофанушка, да куда же ты собрался, сынокъ, насъ покидаешь—старыхъ! Куда ты?

— Туда, въ землю жаждущую.

Поплакали, поплакали домашніе, и отецъ благословилъ Митрофана... „Уяснивъ слова Господа, Митрофанъ сталъ дѣятельно подготавливаться къ исполненію призванія—благовѣствовать язычникамъ объ Искупителѣ міра—Христѣ. Еще усерднѣе сталъ онъ посѣ-

щать храмъ Божій, остальное же время проводилъ въ пустынь въ строгомъ воздержаніи. А затѣмъ онъ оставилъ родину и пошелъ, куда повелъ его Господь“ *) и именно — въ Кольскій присудъ, на рѣку Печенгу.

Съ роднымъ Торжкомъ и благами мірской жизни онъ разстался навсегда.

*) Иеромонахъ Никодимъ: «Преподобный Трифонъ, просвѣтитель лопарей».

IV. Лицомъ къ лицу.

Принявъ благословеніе отъ іеромонаха Іліи, Митрофанъ ушелъ изъ Колы на сѣверо-западъ, по направленію къ норвежской границѣ. Тамъ и кочевали лопари-язычники. Митрофанъ зналъ ихъ языкъ. Черезъ лѣса, по болотамъ, дикими мѣстами, по которымъ рыскали хищные звѣри, пробирался онъ, отыскивая первое кочевье.

Въ сумкѣ, висѣвшей у него черезъ плечо, былъ черствый хлѣбъ и долбленая чашка, чтобъ зачерпнуть воды изъ горной рѣчки или ключа — по пути. Долго пришлось идти. Лопари кочевали въ сѣверной пустынѣ на пространствахъ сотенъ верстъ. Прошло нѣсколько дней и ночей, прежде чѣмъ Митрофанъ увидалъ въ горной котловинѣ оленье стадо.

— Вотъ она — „дикая лопь“, — подумалъ онъ, и сердце его дрогнуло. Какое-то сладостное и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое чувство овладѣло Митрофаномъ и, не чувствуя усталости, которая еще минуту тому назадъ давала себя знать, онъ торопливо зашагалъ по направленію къ скупившемуся оленьему стаду. Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ стада, когда, наконецъ, его замѣтилъ одинъ изъ пастуховъ, лежавшій на землѣ. Онъ свистнулъ; вѣрнѣе — какъ-то дико прокричалъ, и на этотъ крикъ отозвались нѣсколько голосовъ въ противоположныхъ мѣстахъ. Олени бросились бѣжать по направленію, откуда послышался

первый свистъ, и нѣсколько мгновеній спустя, изъ-за вѣтвей оленьихъ роговъ показался человѣкъ, въ звѣриной кожѣ съ головы до ногъ. Онъ махалъ руками, чтобы Митрофанъ не приближался. Въ глазахъ пастуха виднѣлся страхъ.

— Не бойся, не бойся,—крикнулъ ему Митрофанъ по-фински,—я другъ вашъ.

Слова-ли родного языка, или кротость, чувствовавшаяся въ каждой нотѣ голоса незнакомца, произвели впечатлѣнiе, но на угрюмомъ лицѣ лопаря появилась сдержанная, непривычная улыбка, и онъ самъ пошелъ навстрѣчу Митрофану.

Это былъ Ильмариненъ.

Встрѣтясь лицомъ къ лицу съ Митрофаномъ, онъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы: Митрофанъ отличался высокимъ ростомъ; онъ былъ сутуловатъ; окладистая борода опускалась на грудь. Изъ-подъ густыхъ бровей его свѣтились ласкою глаза и, если они, дѣйствительно, зеркало души, то въ Митрофановыхъ глазахъ отражалась чистая, ясная душа. Изогнутый носъ его рѣзко, какъ будто сурово возвышался надъ щеками худыми, безъ румянца.

Ильмариненъ опять сдержанно улыбался.

— Кто ты?—спросилъ онъ у Митрофана и тотъ отвѣчалъ:

— Я купецъ изъ Торжка и пришелъ познакомиться съ вами. Можетъ быть, доведется намъ съ вами торговые дѣла завести.

Тутъ подошли остальные.

— Вотъ,—обратился къ нимъ Ильмариненъ,—купецъ изъ Московіи.

Двое изъ пастуховъ дружелюбно улыбнулись.

— Мы были въ Москвѣ, — сказали они, — хороша ваша Москва, хороша.

— Онъ называлъ себя нашимъ другомъ, — продолжалъ Ильмариненъ.

О, для друга лопарь ничего не пожалѣеть. Пастухи-оленеводы повели Митрофана въ одинъ изъ шалашей. Шалашъ этотъ былъ сдѣланъ изъ деревьевъ. Одно отверстіе сбоку служило входомъ, другое въ крышѣ—трубой.

Тамъ и сямъ на землѣ валялись кости оленей и остатки рыбы. Пахло гнилью и трупами. Свѣжему человѣку тяжело было дышать этимъ воздухомъ, но лопари, повидимому, привыкли. Они равнодушно проходили мимо падали. Гниющая рыба не вызывала въ нихъ брезгливости.

Войдя въ чумъ (шалашъ), лопари принялись потчевать гостя олениной и треской. Передъ Митрофаномъ появилась сырая пища.

— Московъ ѣстъ сырое мясо?—спрашивали лопари.

Онъ отвѣчалъ имъ:

— Никогда не ѣлъ, но если это доставить вамъ пріятность,—я стану ѣсть и сырое мясо.

— А кровь оленью пьешь?

— Нѣтъ, крови не пью. И не слѣдуетъ ея пить.

— Твой Богъ не велитъ тебѣ пить оленью кровь?

— Зачѣмъ пить кровь животнаго, если Богъ создалъ рѣки, озера и родники, вода которыхъ совершенно утоляетъ жажду!

— А мы пьемъ кровь оленей. Она теплая... пріятна...

— Я знаю, что вы пьете оленью кровь,—сказалъ Митрофанъ,—я знаю, что вы поклоняетесь камнямъ, горамъ, лѣсамъ, солнцу, лунѣ, звѣздамъ и боготворите всякую тварь—до гада болотнаго. Я знаю и говорю вамъ: вы заблуждаетесь. Есть только одинъ Богъ и Онъ—истинный Богъ. Это—Богъ, сотворившій небо и землю, лѣса, камни, горы, солнце, луну, звѣзды всѣхъ животныхъ, птицъ и человѣка. Онъ—единый Отецъ и Спаситель всѣхъ людей. Московы молятся только Ему—и благо имъ.

Юльскій вечеръ медленно переливался въ бѣлую ночь и она таинственно спускалась надъ пустыней и погружала тундру въ какое-то будто робкое серебряное сіяніе. Съ каждой минутой потухала алая заря. На синемъ небѣ догорали ея янтарно-пурпурные лучи. Отъ нихъ по горизонту разливался розоватый свѣтъ, и, чудилось, онъ трепеталъ, какъ трепещетъ крылышкомъ бабочка. Только въ одномъ мѣстѣ облачко, сиротливо затерявшееся въ поднебесьи, протянулось золотистой камкой, подернутой сверху маковымъ цвѣтомъ. А то сплошная синь небесъ. Вспыхивали тутъ и тамъ звѣзды, вздрагивали, мигали. Луна выплыла изъ-за горъ и точно замерла надъ ними. Пора бы спать. И, не будь Митрофана, лопари, навѣрное, ужъ спали бы въ своихъ шалахахъ и ямахъ, но теперь сонъ бѣжалъ отъ сѣверныхъ кочевниковъ.

Окруживъ пришельца, этого, какъ онъ назвалъ себя, купца изъ Торжка, „дѣти пустыни“ слушали его рассказы о житьѣ-бытьѣ въ Московскомъ княжествѣ и о чудесахъ святыхъ угодниковъ. Они слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, поражались чудесами, поражались и той божественной силой, которую носили въ себѣ Божьи избранники.

Митрофанъ не сразу перевелъ разговоръ на эту почву, а постепенно. И чѣмъ болѣе онъ убѣждался въ томъ, что рассказъ его захватываетъ слушателей, тѣмъ проникновеннѣе и убѣдительнѣе звучалъ его голосъ.

Въ эти минуты Митрофанъ забылъ всѣхъ и все въ мірѣ, кромѣ словъ: „Иди и возопи, ибо Я вспомянулъ васъ милую, и обрученіе Моей любви не уничтожится“. И они будто вновь звучатъ съ небесъ, синихъ, безоблачныхъ небесъ, которыя, вонъ, нависли надъ тундрой необъятнымъ куполомъ. И хорошо-хорошо чувствовалось Митрофану въ эти минуты, и онъ готовъ былъ говорить о Творцѣ вселенной и святыхъ долго,

безъ конца. Однако, на первый разъ промовѣдникъ побоялся утомить слушателей множествомъ впечатлѣній и поднялся съ земли, чтобы уходить.

Вдругъ нѣсколько голосовъ воскликнули разомъ:

— Куда же ты?

И грусть слышна была въ этихъ голосахъ.

Митрофанъ отвѣчалъ:

— Я не знаю куда. У меня, правда, нѣтъ здѣсь пристанища. Я пришелъ къ вамъ изъ Колы, но надо же уходить. Не у васъ же мнѣ оставаться.

Тѣ же голоса произнесли:

— А отчего ты не хочешь остаться съ нами?

— Вы разрѣшаете?

И радость затрепетала въ сердцѣ Митрофана.

Ильмариненъ положилъ ему на плечо свою руку.

— Если ты добрый человѣкъ,—сказалъ онъ,—ты можешь оставаться съ нами. Мы боимся „стало“, а ты не грозишь и не грозилъ намъ оружіемъ. И говорилъ ты, какъ добрый человѣкъ. Оставайся съ нами: тундра велика—всѣмъ много мѣста въ ней. Если захочешь ѣсть,—позови оленя, убей его и ѣшь. Бей на выборъ—намъ не жалко. Если захочется тебѣ пить... крови ты не пьешь, вѣдь... то близко тутъ протекаетъ рѣка. Ея вода чиста и вкусна. Въ той рѣкѣ и рыбы много. Московы ѣдятъ рыбу. Мы тоже ѣдимъ.

Митрофанъ остался среди лопарей.

V. Кебуны.

Когда Митрофанъ рано утромъ проснулся и вышелъ изъ шалаша, то онъ увидѣлъ передъ собою троихъ людей весьма страннаго вида. Это были старики съ суровыми, очень некрасивыми лицами, которыя оканчивались острыми бородками. Сѣрые глаза съ зловѣщимъ огонькомъ глядѣли изъ-подъ густыхъ, низко нависшихъ бровей ихъ; сѣдые волосы безпорядочными космами выбивались изъ-подъ высокихъ мѣховыхъ колпаковъ и падали на плечи стариковъ. Подобно лопарямъ, они были одѣты въ оленьи кожи. Кривыя ноги ихъ прятались въ большихъ оленьихъ же сапогахъ. Но на лопаряхъ была просто кожа оленя, а этихъ прикрывала кожа, почти сплошь увѣшанная колокольчиками. И на шеѣ они носили ожерелья изъ мелкихъ костей и череповъ животныхъ.

Изъ-за спинъ этихъ стариковъ выглядывали Ильмариненъ и другіе пастухи.

Одинъ изъ стариковъ, что постарше, обратился къ Митрофану.

— Откуда ты?

Голосъ его звучалъ глухо и враждебно.

— Развѣ они не сказали тебѣ про меня?—отозвался Митрофанъ, указывая на Ильмаринена и другихъ пастуховъ.

Старикъ еще болѣе сердито сдвинулъ брови и промолвилъ, порывисто и медленно дыша:

— Они сказали намъ, что ты купецъ изъ Московіи...

— И это правда. Я купецъ. Я изъ Торжка.

— А зачѣмъ ты пришелъ сюда?

— Я пришелъ къ вамъ, — отвѣчалъ на грубый вопросъ Митрофанъ мягко, — не зачѣмъ, чтобы васъ обидѣть. Я пришелъ къ вамъ зачѣмъ, зачѣмъ и ваши старшины иногда приходятъ къ москочамъ и новгородцамъ — купить соли, толокна, крупы. У васъ много оленей, вотъ я и пришелъ, чтобы завести съ вами торговля дѣла. Вы мнѣ будете продавать оленей и кожу ихъ, а я вамъ — нужное для васъ.

— А зачѣмъ, если ты купецъ, говорилъ вотъ съ ними о своемъ Богѣ? Не торговаго человѣка это дѣло. Коль ты впрямь гость (купецъ), — стало-быть, о своихъ торговыхъ дѣлахъ и толкуй, а ты ихъ смущалъ...

Старикъ сверкнулъ глазами и смѣрилъ Митрофана съ ногъ до головы; двое остальныхъ стариковъ — вдругъ заволновались и заворчали.

Митрофанъ, однако, не смутился.

— Я никого не смущалъ, — твердымъ голосомъ сказалъ онъ, смотря прямо въ глаза старику. — А что я говорилъ съ пастухами объ истинномъ Богѣ, Творцѣ неба и земли, то развѣ это грѣховно. О Богѣ надо говорить тѣмъ, кто не вѣдаетъ Его. О Богѣ надо напоминать тѣмъ, кто Его забываетъ.

Старикъ вздрогнулъ и выпрямился.

— Кто ты? — грозно закричалъ онъ, сжимая кулаки.

— Я сказалъ, — отвѣчалъ Митрофанъ спокойно. — Но кто ты? Тебя-то я не знаю, да и тѣхъ, что пришли съ тобой — тоже.

— Я слуга боговъ! — воскликнулъ старикъ.

— Мы — кебуны, — добавили двое остальныхъ.

— А, вы кебуны... Слышалъ, слышалъ я... — сказалъ Митрофанъ.

И вспомнились ему тутъ всѣ рассказы, которыми

удовлетворяли его любопытство чернецы и калики переходящіе въ Торжокъ. Воскресли въ памяти всѣ басни про „дикую лошь“. Сразу пришли на память эти люди-не-люди, „съ собачьими головами, съ лицомъ на груди, съ длинными руками, но безъ ногъ“. Ужъ не кебуны-ли,—подумалъ Митрофанъ,—способствовали своимъ видомъ сочиненію басенъ? Легко могло стать; потому что они, въ самомъ дѣлѣ, страшны. Словно адъ изрыгнулъ ихъ на пагубу людей... Вотъ они разгнѣвались—и пѣна заклубилась у рта.

И, обращаясь къ старѣйшему, онъ произнесъ:

— Ты назвалъ себя, старче, кебуномъ—слугою боговъ. Какъ же можешь ты служить богамъ, если Богъ одинъ?

Старики, перебывая другъ друга, что-то завопили. Вопли переходили, очевидно, въ проклятія. Трое изувѣровъ окружили Митрофана и готовы были растерзать его, какъ звѣря.

Ильмариненъ и другіе лопари, сколько ихъ было тутъ, поблѣднѣли и, сами не зная, какъ и почему, стали вдругъ между Митрофаномъ и кебунами; Митрофанъ съ благодарной улыбкой посмотрѣлъ на своихъ заступниковъ, на которыхъ „служители боговъ“ обрушились въ то же время всею тяжестью своихъ заклинаній и угрозъ. Митрофанъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Вы, кебуны, не сами-ли создали себѣ боговъ и поклоняетесь имъ? И заставляете также лошь поклоняться нѣвѣстѣ кому, и только потому, что не ищете истиннаго Бога.

— Молчи, пришлецъ! — топнулъ ногою старшій кебунъ.—Молчи, иначе не останься тебѣ въ живыхъ.

— Что же, я готовъ умереть за Господа моего, — отвѣчалъ Митрофанъ.—Но я бы хотѣлъ умереть не прежде, чѣмъ васъ озаритъ свѣтъ истинной, Христовой вѣры.

— Мы вѣруемъ въ своихъ боговъ и иного бога не хотимъ знать. Слышишь?

— Слышу. Но благо было бы вамъ, если бы вы вѣровали въ Бога, иже на небесѣхъ, и не творили бы себѣ кумировъ на землѣ. Кому вы поклоняетесь? Камнямъ, животнымъ, силамъ природы. Вы заблуждаетесь и ходите впотьмахъ. Сказано въ Писаніи: не сотвори себѣ кумира. Не кланяйся и не служи ему. Единъ Богъ, Единъ Господь Иисусъ Христосъ—и кромѣ Него нѣтъ никакого бога.

Кебунъ усмѣхнулся.

— А богъ, волнующій море и разбивающій суда? А богъ, гремящій надъ горами? А богъ, посылающій молнію? Бури, падежъ оленей, ночь и день—развѣ ихъ даютъ не разные боги? И солнце—не богъ? И луна, и звѣзды—по твоему, не божества?—проговорилъ старикъ насмѣшливо.

— Все, что мы видимъ и не можемъ или не смѣемъ видѣть,—возразилъ ему Митрофанъ,—все создалъ Богъ, въ Котораго вѣрую я и не вѣруете вы. Онъ посылаетъ грозу и ведро, Онъ же создалъ и солнце, луну и звѣзды. Онъ повелѣваетъ міромъ, караетъ и милуетъ людей...

— Довольно!—властнымъ движеніемъ руки остановилъ его старшій кебунъ. — Удались отсюда... Удались!..

Митрофанъ смолкъ. Опять,—видѣлъ онъ,—кебунами овладѣваетъ ярость. Опять руки ихъ сжимаются въ кулаки и глаза грозно сверкаютъ.

Митрофанъ поклонился всѣмъ и отправился. Грустнымъ взглядомъ провожалъ его Ильмариненъ. Не видѣлось отпечатка вражды на лицахъ и другихъ лопарей.

— Куда ты уходишь?—спросилъ Ильмариненъ Митрофана и осторожно положилъ ему на плечо свою мозолистую руку.

— Я возвращусь къ вамъ, — отвѣчалъ тотъ. — А теперь я удаляюсь въ пустыню.

Старшій кебунъ схватилъ Ильмаринена за плечо и шипя оттолкнулъ отъ Митрофана.

Съ горькой обидой взглянулъ на старика Ильмариненъ, но ничего не сказалъ.

Митрофанъ сталъ удаляться.

Кебуны играли видную роль въ жизни лопарей, которые весьма ихъ боялись и почитали. При жертвоприношеніяхъ кебуны вели себя, какъ бѣсноватые: подъ звонъ бубновъ они громко выкрикивали слова своихъ заклинаній, пѣна скоплялась у ихъ рта, зубы стискивались, волосы поднимались дыбомъ, глаза выдавались изъ орбитъ, сходились сѣдья, нависшія брови, тѣло все кривлялось, ноги стучали о полъ, ожерелья и колокольцы на одеждахъ звучали и увеличивали общую сумятицу, костры пылали, лилась кровь оленей... ужасъ охватывалъ при этомъ простодушныхъ лопарей и еще болѣе поработалъ ихъ этимъ изуверамъ.

Едва только Митрофанъ скрылся изъ глазъ, кебуны неистово заговорили съ лопарями и стали пугать ихъ всякими бѣдами за то, что они пріютили у себя человѣка, посягающаго на ихъ вѣрованія и преданія и разрушающаго, поэтому, весь ихъ строй. Грозныя рѣчи лилися изъ старческихъ устъ, руки обращались къ небу и призывали громъ и молнію на преступившихъ. Но синее небо не посылало ни грома, ни молніи; безпрестанно взирало оно на проклинающихъ и безумствующихъ жрецовъ; изуверы—они хулили христіанскаго Бога, они предсказывали страшныя бѣдствія и—диво-дивное!—не во всѣхъ уже лопарскихъ сердцахъ проклятія и предсказанія эти отзывались страшною болью и отчаяньемъ. Ильмариненъ слушалъ кебуновъ и ужъ не поработали они его, какъ еще день тому назадъ. Угрозы ихъ были

похожи теперь, въ глазахъ пастуха, на слабый отзвукъ далекаго грома. Не страшно. Не коробить всего существа, какъ прежде. Почему? Ильмариненъ не могъ прямо отвѣтить на этотъ вопросъ. Но очевидно было, что гость повліялъ на внутренній міръ лопаря, озаривъ свѣтомъ его евангельской любви... Стихійная натура дикаря сразу какъ-то, словно воскъ отъ огня, размягчилась отъ кроткихъ рѣчей—и на нее повѣяло ароматомъ чего-то далекаго еще, но достижимаго... И хорошо такъ сдѣлалось Ильмаринену.

И не одинъ онъ почувствовалъ это и безучастно ловилъ грозные выкрики и проклятія кебуновъ,—еще нѣсколько лопарей слушали ихъ также точно.

— Убейте его, если онъ опять придетъ!—кричали кебуны.

Какъ эхо, отозвалось нѣсколько голосовъ:

— Мы убьемъ его! Мы убьемъ его!

Ильмариненъ выступилъ впередъ:

— За что убивать москова? Онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ нами. Напротивъ—онъ желалъ намъ добра. Онъ говорилъ намъ хорошее, онъ возвѣщалъ намъ о царствіи Божіемъ.

— Вы должны его убить: онъ смущаетъ народъ!—негодовали кебуны.

— Кого онъ смущаетъ? Никого, никого,—отвѣчалъ Ильмариненъ:—нѣтъ, мы оставимъ его пока. Если же онъ, дѣйствительно, будетъ насъ смущать, если мы впрямь найдемъ въ немъ вину, тогда и умертвимъ его злою смертью.

Появленіе Митрофана въ тундрѣ было похоже на внезапный разсвѣтъ.

Кебуны—это грозовая ночь, или по народному: воробьиная. Сверкаетъ молнія, будто вызываетъ она громъ, но онъ гдѣ-то такъ далеко, что даже глухого, слабаго рокота его не слышно. И тьма адская. Голоса заклинающихъ и грозящихъ кебуновъ—это молніи.

Они хотятъ, чтобы съ неба грянулъ громъ и поразилъ не желающихъ впредь ослѣпляться ихъ изувѣрствомъ. Но громъ не раздастся. А ночь, темная ночь царить кругомъ. Ночь невѣжества. И вдругъ среди страшныхъ старческихъ голосовъ начинается брезжить свѣтъ.

Разсвѣтъ...

И таетъ мало-по-малу ночь, и слабѣе вспыхиваетъ молнія. Занимается утро, свѣтлое, солнечное, румяное. Оно идетъ и разгоняетъ ночныя тѣни. Солнце подымается со своей пурпуровой постели—и передъ лицомъ его замираютъ молніи. Уже золотятся и румянятся края и верхушки горъ. Уже рдѣетъ востокъ алыми цвѣтами—и все расплываются и расплываются они, все больше и больше охватываютъ небесный куполъ. Новая жизнь начинается. Ее будитъ прекрасное утро. Гради, благотворный свѣтъ! Слава тебѣ!

Какъ утро, разогнавшее тьму, появился Митрофанъ съ кроткой братской проповѣдью. И не грозно, какъ кебуны, а ласково заговорилъ онъ съ лопарями. И отъ этой проповѣди повѣяло на нихъ новымъ, чѣмъ-то доселѣ неизвѣданно-прекраснымъ. Не угрожалъ никому и не проклиналъ онъ никого и не страшилъ карою отъ злыхъ духовъ. А кебуны всегда только застрачиваютъ. Увѣщевать—они не увѣщеваютъ. Вразумить—не въ ихъ обычаѣ. Они лишь пугаютъ... Ихъ уста никогда еще не произносили кроткихъ, ласковыхъ словъ... Никогда! Они—что темная „воробьиная ночь“...

И эту ночь хочетъ разогнать свѣтлое утро—Митрофанъ.

Онъ сразу расположилъ къ себѣ дѣтскія души дикарей, и кебуны сразу почувствовали, что власти, страшной, могучей власти ихъ надъ лопарями, можетъ быть конецъ. Ее сломить сила христіанскаго ученія. Но потерять власть... о, съ этимъ вообще не легко

примириться. Кебуны же ни за что не разстались бы съ нею. Самовольно назвавъ себя „служителями боговъ“, они-де и любимцы ихъ. Только, молъ, черезъ нихъ—кебуновъ—боги возвѣщаютъ лопарямъ свою волю. Имъ—кебунамъ—дана власть воздавать лопарямъ по заслугамъ. Отъ кого же исходитъ эта власть? Отъ какихъ боговъ? Отъ камней, горъ, гадовъ, птицъ, звѣря и проч.

Дикаря провести легко. Дѣтская душа ко всему довѣрчива. Но ночь царить до тѣхъ поръ, пока не заалѣетъ востокъ и не „проснется“ солнце. Вотъ востокъ заалѣлъ, вотъ солнце Верховной Истины проглядываетъ уже сквозь тьму ночную. Власть начинаетъ уплывать изъ-подъ ногъ старыхъ изувѣровъ и кебуны цѣпляются за нее обѣими руками и не хотятъ выпустить.

— Смерть пришельцу!—кричатъ они.

Безуміе!.. Какъ будто можно погасить свѣтъ дикимъ окрикомъ!.. Какъ будто можно умертвить то, что сильнѣе смерти: проповѣдь царствія Божія и будущаго воскресенія!..

Но утопающій хватается за соломинку. И кебуны хватаются за убійство, какъ за соломинку, могущую спасти ихъ утопающую власть.

Ильмариненъ пожимаетъ плечами.

— За что же смерть?..

У кебуновъ нѣтъ вѣскаго отвѣта.

За что же, въ самомъ дѣлѣ, смерть Митрофану? Что онъ сдѣлалъ, достойное казни?

— За что же убивать невиннаго?—съ недоумѣніемъ повторяетъ Ильмариненъ.

Кебуны молчатъ. Лица ихъ передергиваются. Глаза сверкаютъ огнемъ. На губахъ пѣна. Они виѣ себя...

„Служители боговъ“ молчатъ, хотя отвѣтъ могъ бы быть ясенъ и простъ. Имъ—старикамъ—въ качествѣ кебуновъ очень ужъ сладко живетъ. И разставаться съ этой жизнью, которая течетъ вѣчной масленицей, не подъ силу

VI. Первые подвиги Митрофана.

Митрофанъ шелъ, куда глаза глядятъ. Не было у него убѣжища въ этой великой пустынѣ, не надѣялся онъ и встрѣтить никого, кто-бы позвалъ его къ себѣ, пріютилъ его и накормилъ. Но тѣмъ не менѣе отчаянье не овладѣло душой подвижника. Онъ зналъ, что отчаянье есть смертный грѣхъ. Не безъ печали удался онъ отъ лопарскаго кочевья, но безъ унынія. Уныніе проклято Богомъ, — думалъ Митрофанъ, — и, предавшись ему, воззову-ли я къ человѣку, котораго пришелъ найти среди этого мрака язычества? Предавшийся унынію, буду-ли я въ состояніи спасти его душу, хватить-ли у меня, унылаго, силъ, чтобы крикнуть ему: братъ, спасайся? бѣги изъ страшнаго мрака и погружайся въ свѣтъ христіанства! Открой глаза передъ святыней, прислушайся къ заповѣдямъ Христа!.. А вѣдь я пришелъ сюда, на крайній сѣверъ, — продолжалъ размышлять Митрофанъ, — проповѣдывать ученіе Христа. И надо проповѣдывать, не теряя времени. Жизнь коротка. Не успѣешь сотворить добраго дѣла, какъ пресѣчется она. А тамъ, въ надзвѣздной сторонѣ — Судія. И Онъ призоветъ къ отвѣту. Спроситъ: что сдѣлалъ для спасенія души своей? И не проститъ раба лѣниваго и лукаваго...

Нѣсколько разъ оглянулся онъ назадъ, пока горные великаны не скрыли отъ него кочевниковъ и стада ихъ. Опять онъ, Митрофанъ, одинъ. И вспомнилъ онъ,

какъ вчера приближался онъ къ лопарямъ и какъ испугались они. А потомъ отнесли къ нему такъ привѣтливо, накормили, напоили. Но что главное—бесѣда его о служеніи истинному Богу не была безплодна. Лопари не только слушали его со вниманіемъ, но и проникались словами его проповѣди. И казалось Митрофану, зерна христіанства запали въ души, если не всѣхъ ихъ, то нѣкоторыхъ, — и обѣщали дать полезные ростки.

Хотя бы этотъ Ильмариненъ,—думалъ Митрофанъ, идя тундрой.—Въ его-ль душѣ не вспыхнула какая-то новая искра? Онъ-ли не выразилъ своего расположенія ко мнѣ?.. Онъ разстался со мною, какъ другъ...

Митрофанъ остановился.

— „Куда итти?“ — Онъ раздумался. — „Искать-ли новыя кочевья лопарей или возвратиться въ Колу и рассказать іеромонаху Іліи о ночлегѣ у лопарей и первой встѣчѣ съ кебунами?“ Митрофанъ послѣ непродолжительнаго раздумья рѣшилъ отправиться въ Колу. И опять передъ нимъ болота, лѣса, дикія мѣста по которымъ рыскаютъ хищные звѣри. Опять продолжительный, тяжелый путь. Наконецъ, Митрофанъ достигъ Колы. Онъ явился въ избу къ іеромонаху Іліи и рассказалъ ему все, что произошло съ нимъ за это время. Оказалось, что въ Колѣ уже нѣсколько дней живутъ новгородскіе и московскіе купцы, пріѣхавшіе за пушнымъ товаромъ въ сѣверныя мѣста. Митрофанъ къ нимъ. Разказалъ, что знаетъ кочевье, гдѣ „лопъ“ отличается большимъ гостепріимствомъ, его приняла, какъ родного, и не прочь завязать торговые сношенія съ „московами“.

— Имъ денегъ не нужно,—говорилъ Митрофанъ,—лопари живутъ въ пустынь, гдѣ деньги не на что употребить. Оленей и всякаго звѣря, какой окажется у нихъ убитымъ, они охотно вымѣняють на потребное для нихъ: ячмень, крупу или толкно.

— Этимъ мы запаслись,—отвѣчали купцы.—Люди бывалые сказывали намъ, что лопи надобно. Слушая тебя, видимъ, что не зря намъ болтали.

— Итакъ, значить, поѣдемъ къ Печенгѣ-рѣкѣ?—сказалъ Митрофанъ и вновь радость охватила все его существо.

— Надо ѣхать,—отвѣчали купцы.

Сказано—сдѣлано.

Появились олени; вывели балокъ. Балокъ — это сани, на подобіе корыта, только съ верхомъ. Иеромонахъ Ілія велѣлъ позвать лопаря, который жилъ при немъ, и сказалъ ему, чтобы отвезъ Митрофана и троихъ купцовъ, куда они укажутъ. Лопарь исполнилъ приказъ, впрегъ трехъ оленей въ балокъ—и они поѣхали *). Захватили толокна и крупы.

Митрофанъ сказалъ дорогою, что онъ уже не вернется больше въ Колу, а останется среди лопарей, такъ что если этимъ—купцамъ или другимъ, какимъ вздумается сюда пріѣхать, явится какая-нибудь надобность въ немъ,—чтобы разыскивали его близъ рѣки Печенги. Разсказалъ онъ своимъ спутникамъ, откуда онъ и какимъ образомъ попалъ на дальній сѣверъ.

*) Вотъ какъ ѣздить въ Лапландіи на оленяхъ:

Лопарь беретъ оленя и запрягаетъ его въ кережку. Кережка—сани—тоже на подобіе корыта. Если надо ѣхать нѣсколькимъ чело-вѣкамъ, то кромѣ кережки берется еще балокъ.

Въ него впрягаются два, три, четыре оленя, тогда какъ въ кережку всего одинъ. Помѣститься въ балкѣ могутъ нѣсколько чело-вѣкъ, въ кережкѣ—одинъ.

Олений поѣздъ интересенъ. Когда оленей запрягли, лопари ста-новятся каждый у своего «экипажа».

Единственная возжа наматывается на правую руку, въ лѣвую берется предлинная палка—«хорей». Хореемъ олень направляется. Бить его считается преступленіемъ. Лопарь не ударитъ оленя.

Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли бить трудолюбивѣйшее и кроткое созданіе?

Передовой лопарь (райникъ) кричитъ:

— Готова райда?

— Э, да я и отца-то твоего знаю,—сказалъ одинъ изъ москововъ.

Митрофанъ встрепенулся:

— А неужто?

— Какъ не знать,—продолжалъ купецъ:—небось, поповъ-то въ Торжокъ не Богъ вѣсть сколько. На перечесть всѣ.

На оленяхъ не то, что пѣшкомъ. Переѣздъ показался и Митрофану, и его спутникамъ недолгимъ. Балокъ остановился, наконецъ, въ виду знакомаго намъ кочевья. Лопари выступили—глазѣютъ, кто, молъ, пріѣхалъ. Жмутся въ кучу—въ обычномъ страхѣ.

Митрофанъ отдѣлился отъ купцовъ и окликнулъ Ильмаринена.

И все измѣнилось вдругъ.

Лопари отозвались на окликъ, Ильмариненъ и еще двое идутъ на встрѣчу прибывшимъ. Привѣтливыя улыбки заскользили на ихъ лицахъ.

— Московы!—кричатъ.

— Друзья ваши!—отзывается Митрофанъ.

Встрѣтились и поздоровались, точно братья родные, которые увидѣлись снова послѣ разлуки.

Райда—олений поѣздъ.

— Готова,—отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

Райникъ въ мигъ въ балкѣ. Олени, закинувъ на спину вѣтвистые рога, рванулись и понеслись. За первыми—остальные, и вотъ весь поѣздъ уже мчится стрѣлой, ничего не разбирая на пути: круча, такъ круча, ровъ, такъ ровъ...

Вы сидите въ балкѣ и ничего не видите, такъ такъ передъ глазами одни олени рога: олени перемѣшались. Только слышенъ храпъ... Нѣсколько верстъ отмахали. Остановка. Райникъ выскочилъ изъ «экипажа» и воткнулъ въ землю или въ снѣгъ хорей.

Умное животное знаетъ, что значить остановка. И замираетъ на мѣстѣ. И такъ всѣ. Они разгорячились, глаза горять...

Земля вдругъ алѣетъ. Олень (если стоитъ зима) первымъ дѣломъ хватается снѣгъ окровавленными губами. Отдыхъ конченъ. Поѣздъ ѣдетъ дальше... (Изъ моихъ очерковъ Лапландіи. Авторъ).

Тотчасъ сказалось и гостепріимство.

Митрофанъ сообщилъ лопарямъ, зачѣмъ они къ нимъ пріѣхали и что привезли съ собою. Кебуновъ не было въ кочевьѣ, почему бесѣда, какъ потекла мирно, такъ и закончилась. Купцы пробыли у лопарей два дня и уѣхали, а Митрофанъ остался. Вдвоемъ съ Ильмариненомъ заговорили они о томъ, что составляло смыслъ жизни Митрофана и сущность его подвига. Ильмариненъ признался своему другу, что тотъ перевернулъ своимъ появленіемъ весь его внутренній міръ, что онъ почувствовалъ себя послѣ первой встрѣчи съ Митрофаномъ такъ, какъ будто вошелъ въ теплую тупу (избу) съ холода. Дрожь бѣжитъ по тѣлу, но это уже пріятная дрожь. Камелекъ пылаетъ—и дрожь прекращается мало-по-малу, все равно какъ таетъ снѣгъ подъ дыханіемъ горячаго вѣшняго солнца...

Митрофану нечего было страшиться за свою проповѣдь съ глазу на глазъ съ Ильмариненомъ. И онъ сталъ излагать ученіе Христа со всѣмъ пыломъ, со всей страстностью юности. Словно кристальный потокъ неудержимо несется съ горы,—лилась его вдохновенная рѣчь и не очаровывала, нѣтъ, а поработала она сѣвернаго дикаря: Ильмариненъ жадно ловилъ слова проповѣдника, и сердце его растоплялось и билось какою-то особенной радостью. Говорить Филаретъ: „Не легко умъ, отупѣлый отъ неподвижности привычекъ, загрубѣлый отъ копоты суевѣрій и страстей, навести на стези свѣта и истины. Еще труднѣе заставитьъ сердце разорвать связь съ привычками, заблужденіями, съ нажитыми привязанностями, съ застарѣлыми пристрастіями“. Но, очевидно, умъ Ильмаринена не отупѣлъ и не загрубѣлъ отъ копоты суевѣрій и страстей. Десятками лѣтъ наживались привязанности; казалось-бы, должны были застарѣть въ лопарѣ и „пристрастія“, но горячее, искреннее, вразумительное слово проповѣдника только что зазвучало и уже попало въ цѣль,

всколыхнувъ сокровенныя струны сердца. Митрофанъ училъ, какъ надо жить, какъ хранить добрыя нравы и какимъ путемъ итти къ вѣчному блаженству; Ильмариненъ слушалъ, трепеталъ, а на глазахъ у него дрожали слезы... чистыя, прекрасныя, какъ утренняя роса, слезы. Пришли другіе лопари; Митрофанъ продолжалъ рассказывать о Богѣ, о распятіи и воскресеніи Христа. На другой день тоже. И такъ вся исторія спасенія человѣческаго рода раскрылась передъ дикарями. Любовь, вездѣ и во всемъ любовь. Все ученіе построено на высшей, святой любви, и кротости. О, какъ оно не похоже на преданія, которыми питаютъ ихъ, лопарей, кебуны! Эти преданія—кровавы. Въ нихъ месть, месть, месть... Местъ и гнѣвъ боговъ на каждомъ шагу. Ни кротости, ни прощенія, ни любви...

Митрофанъ остановился.

— Ты говорилъ, другъ, и чужалось мнѣ что-то хорошее, отрадное,—взволнованно проговорилъ Ильмариненъ.

Митрофанъ взялъ его за руки.

— Братъ мой, скажи, что именно почувалось тебѣ?—сказалъ онъ радостнымъ голосомъ.

— Не знаю что, — отвѣчалъ Ильмариненъ, — но словно вотъ тяжелый, тяжелый камень давилъ мнѣ душу, а теперь онъ отпалъ и легче стало дышать.

— Увѣруй въ истиннаго Бога, братъ мой, — сказалъ Митрофанъ, — и тогда вздохнешь совсѣмъ уже полной грудью. Теперь душа твоя покрыта тиной суевѣрій и языческихъ заблужденій. Ставь христіаниномъ, ты тотчасъ растопчешь ихъ, какъ смраднаго гада, и глазамъ твоимъ откроется то, чего ты не въ состояніи узрѣть, пока пребываешь въ язычествѣ. Поклоняясь идоламъ, ты, однако, чувствуешь истиннаго Бога. Ты какъ бы сквозь смрадъ идолопоклонства почувствовалъ благовоніе христіанства. О, мой, братъ! ничтожны ваши идолы, ибо безчувственны они. И кебуны

обманываютъ васъ, когда грозятъ вамъ карой этихъ обожествляемыхъ камней, горъ, пресмыкающихся, птицъ и свѣтилъ. Безсильны ваши боги приносить добро или зло. О, отвернись отъ нихъ и пріими, слышишь, пріими единого Бога, Господа Нашего Иисуса Христа!

Ильмариненъ слушалъ его, опустивъ голову. Только при послѣднихъ словахъ Митрофана онъ поднялъ ее, и Митрофанъ видѣлъ, какъ пылаютъ щеки лопаря и блестятъ глаза его.

— Ильмариненъ! Ильмариненъ! Другъ мой! Братъ мой!—говорилъ Митрофанъ.—Но тотъ молчалъ, какъ бы не слышалъ ничего. Онъ обратился на Митрофана пытливый взоръ и долго смотрѣлъ; потомъ—окинулъ такимъ же взглядомъ лопарей и опустилъ голову.

— Ильмариненъ, ты молчишь?—сказалъ Митрофанъ съ тревогой.

Ильмариненъ глубоко вздохнулъ. Но опять ничего не сказалъ. Повидимому, въ немъ происходила борьба. Тьма боролась со свѣтомъ...

Внутренніе голоса, противоположные другъ другу, говорили. И онъ прислушивался къ нимъ. Казалось Ильмаринену, что въ душѣ его вдругъ вспыхнулъ огонь и хочетъ очистить ее отъ той тины, про которую недавно упоминалъ Митрофанъ. „Что же, будетъ больно, или нѣтъ?—думалъ лопарь.—Какъ-то совершится очищеніе, если это очищеніе?“

Митрофанъ было началъ:

— Ильмариненъ...

Но онъ устремилъ на него умоляющіе глаза и сказалъ:

— Нѣтъ, не говори, ничего не говори! Довольно.

И, быстро поднявшись съ земли, пошелъ отъ толпы.

— Куда ты?—воскликнули одновременно нѣсколько голосовъ.

— Я вернусь. Я вернусь, — отвѣчалъ не оборачи-

ваясь Ильмариненъ и удалялся къ темнѣвшимъ въ полутора-двухъ верстахъ горамъ.

Всѣ смотрѣли ему въ слѣдъ съ изумленіемъ.

— Что ты сдѣлалъ съ нимъ?—прозвучалъ одинъ укоризненный голосъ:

— Московъ, московъ!.. какъ эхо, отзывались другіе.

Митрофанъ произнесъ:

— Я ничего дурного ему не сказалъ. Я указывалъ ему житейскій путь. Что я говорилъ Ильмаринену, то же самое, вѣдь, говорилъ и вамъ. Вы слышали. За что же укоряете меня?

Старый лопарь угрюмо отвѣчалъ:

— Не всѣ тебя слушали...

— Ты не слушалъ?

— Нѣтъ.

— Послушай, я начну снова.

— Не надо!

Старику вторили нѣсколько человѣкъ:

— Не надо, не надо.

— Уходи отъ насъ,—сурово молвилъ старикъ.

— За что ты гонишь меня?—спросилъ Митрофанъ:

— Мы не хотимъ знать тебя. Ты притворился добрымъ, но ты, какъ Нойда,—врагъ нашъ. Ты погубилъ Ильмаринена. Онъ былъ хорошій пастухъ. Да, ты похожъ на Нойду. Уходи поэтому отъ насъ, а то мы убьемъ тебя. Уходи.

Записано такое преданіе: „Въ очень давнія времена при одномъ изъ лапландскихъ озеръ жили два лопаря, родные братья. Оба они были люди женатые, почтенные и уважаемые, и имѣли по одному сыну. Былъ у нихъ отецъ—Нойда (чародѣй), большой колдунъ, по прозвищу Сырнецъ. Онъ съ ними не жилъ, а помѣщался отдѣльно въ лѣсу и къ сыновьямъ ходилъ рѣдко, такъ какъ они его не любили за его жизнь. Кромѣ того, онъ никогда не ѣлъ съ ними, а всегда просилъ отдѣльно покормить его.

Однажды братья пошли въ тундру промыслять дикихъ оленей, а жены ихъ поѣхали на озеро смотреть сѣти. Уѣзжая, родители сказали дѣтямъ:

— Когда придетъ старикъ - дѣдко и запросить ѣсть, то вы не варите мяса, а возьмите для него въ амбарѣ рыбы, соленой или свѣжей, все равно. Если онъ попроситъ жареной рыбы, изжарьте ему.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда пришелъ дѣдко. Онъ поздоровался съ внучатами и сѣлъ на лавку.

— Усталъ я, — говорить: — старъ сталъ...

А потомъ, посидѣвъ немного, сказалъ дѣтямъ, что хочетъ поѣсть.

— Чего же ты хочешь, дѣдко? — спросили дѣти.

Сырнецъ подумалъ немного и попросилъ мяса. Дѣти помнили, что имъ варить для дѣда мяса не приказано, но сказать объ этомъ старику не посмѣли, а побѣжали въ амбаръ, принесли шею отъ дикаго оленя, сами разрубили ее на куски, положили въ большой котелъ и съ трудомъ подняли его на крюкъ. Старикъ ничѣмъ не пособилъ имъ, а только глядѣлъ на дѣтей и усмѣхался. Когда мясо сварилось, дѣти положили его въ деревянную чашку и стали угощать старика. Поѣвши, дѣдко поблагодарилъ ребятъ и потомъ сказалъ имъ:

— Скажите родителямъ, что сегодня я былъ у нихъ въ послѣдній разъ. Скажите имъ еще, что оленей будетъ много; дикихъ оленей они будутъ добывать счастливо; озера будутъ имѣть удачу, но при этомъ озерѣ никогда не будетъ болѣе двухъ домовъ и въ каждомъ домѣ будетъ только одинъ мужчина. Теперь я пойду на Учъ-Ойвъ, сяду тамъ и всегда буду смотреть на домъ вашихъ родителей. Еще скажите отцу и матери, — продолжалъ Сырнецъ, — что когда я зашумлю на Учъ-Ойвъ, тогда пусть они никуда не ходятъ и не ѣздятъ, потому что тогда будетъ большая буря. Когда же будетъ ясно и не будетъ шума,

пусть идутъ и ѣдутъ, куда имъ нужно, и всегда воротятся съ тѣмъ, съ чѣмъ поѣхали.

Сказавъ это, дѣдко ушелъ, куда хотѣлъ, и тамъ—окаменѣлъ.

Вскорѣ послѣ того возвратились домой матери дѣтей; увидавъ котель онѣ спросили: былъ-ли въ домѣ дѣдко

— Былъ,—отвѣтили дѣти.

— Что варили вы ему?

— Мы варили ему оленью шею; онъ просилъ мяса и мы боялись ему сказать, что вы запретили ему давать оленины.

Матери, услышавъ это, забранили дѣтей и хотѣли ихъ бить, но вдругъ сѣли на лавку и больше не могли встать.

Немного погодя, пріѣхали изъ тундры отцы.

Дѣти побѣжали имъ навстрѣчу и сказали, что матери не могутъ встать съ лавки.

— А дѣдко былъ у васъ?

— Былъ.

— Чѣмъ кормили вы его?

— Онъ просилъ мяса и мы варили ему мясо. Отцы побранили ребятъ, а меньшей братъ ударилъ сына по головѣ.

Старшій братъ пошелъ въ избу и, не говоря ни слова, ударилъ жену по спинѣ; потомъ ударилъ и другую, и обѣ женщины вскочили съ лавки.

Затѣмъ братья порѣшили сжечь камень-старика. Они нарубили смоляныхъ сухихъ дровъ и поѣхали на оленяхъ жечь камень. Доѣхали почти до мѣста, вдругъ поднялась буря и отбросила ихъ съ оленями домой.

И три раза такъ повторялось.

Братья махнули на камень-старика рукой:

— Сиди же ты камнемъ вѣчно!

Послѣ этого при озерѣ никогда не бывало больше двухъ домовъ, и въ каждомъ домѣ жило только по одному мужчинѣ.

Лопари по горѣ, на которой лежитъ камень Рептъ, узнають погоду.

Митрофанъ, не желая раздражать лопарей, удалился. Онъ направился въ ту же сторону, куда пошелъ и Ильмариненъ. Тревога запала въ его душу; Митрофанъ думалъ, что это вдругъ сдѣлалось съ Ильмариненомъ и какъ объяснить его молчаливый уходъ. Неужели онъ погибнетъ? Но изъ-за чего? Какія думы вдругъ овладѣли пастухомъ? Какія соображенія могли привести его къ ужасному рѣшенію? Митрофанъ искалъ глазами Ильмаринена—и не находилъ. Онъ откликнулъ его—тотъ не отзывался. Гдѣ же онъ? Куда онъ дѣлся?

Раздумывая такимъ образомъ, Митрофанъ дошелъ до рѣки. Это была Печенга; она бѣжала, образуя на пути заливы и островки, на которыхъ ютилось множество птицъ. Это морскіе попугаи, величиною съ голубя, съ пушистымъ бѣлымъ брюшкомъ, съ черной спиной и крыльями и съ красными ножками... Лѣса по берегамъ тянулись зелеными морями, перемежаясь полянами, и всходили на горы, верхушки которыхъ то болѣе, то менѣе острые, походили на монашескія скуфьи. Митрофанъ переправился черезъ рѣку и, ступая по густой травѣ, пестрѣвшей цвѣтами, пошелъ къ высочайшей изъ горъ. Когда онъ дошелъ до нея, то увидѣлъ пещеру. Она чернѣла въ горѣ, какъ пасть. Не сюда-ли скрылся Ильмариненъ? — мелькнуло въ головѣ Митрофана.—Онъ вошелъ въ пещеру. Пусто. Ни души. Митрофанъ сѣлъ на камень и осмотрѣлся. Пещера была невелика. На землѣ лежали сучья обгорѣлые и просто сухіе; повидимому, сюда заходили иногда лопари.—Какая тишина кругомъ!—подумалъ Митрофанъ. Пустыня, необъятная пустыня да блѣдно-синее небо. И эта тишина и пустыня напомнили Митрофану окрестности Торжка. Сердце екнуло. Какъ будто вдругъ тепло въ повѣяло изъ далекаго отчаго

дома. Старикъ-отецъ вотъ точно стоитъ передъ Митрофаномъ и плачетъ, провожая его въ даль невѣдомую. И весь Торжокъ словно открывается съ площадями, базаромъ, храмами. Жизнь течетъ, хотя и суетная, а все-таки жизнь. Въ церквахъ слышится чтеніе священнаго писанія. Поютъ человѣческіе голоса. На молящихся глядятъ безстрастные темные лики святыхъ. А здѣсь!.. Пустыня—голая, дикая... Изъ церкви выйдешь,—слѣпцы у паперти сидятъ и такъ-то стройно поютъ. Сердце надрываетъ ихъ пѣніе—это правда, зато сколько великаго смысла, сколько красоты въ духовныхъ стихахъ, которые они поютъ! Или—калика-перехожій попадаетъ навстрѣчу. Попроси — и чего только онъ ни расскажетъ. Вѣдь, какихъ только людей онъ, калика, ни видалъ, гдѣ только онъ ни бывалъ... Тамъ, въ Торжкѣ, есть съ кѣмъ душу отвести, есть отъ кого уму-разуму набраться, тогда какъ здѣсь...

Митрофанъ вздохнулъ.

— Одинъ я здѣсь,—продолжалъ онъ размышлять,—одинъ. И нуженъ-ли, впрямь, я тутъ?—и, сказавъ это, онъ содрогнулся.—Маловѣрный!—укорилъ онъ себя,—въ отчаяніе впадаешь, въ уныніе.

И Митрофанъ упалъ на колѣни.

— Господи, прости меня и подкрѣпи, дабы могъ я творить волю Твою. Ты восхотѣлъ, Господи, послать мя въ землю необѣтованную. Подкрѣпи мя, Господи. Помози мнѣ. Не отврати лице Твое отъ этихъ пустынныхъ. Да познаютъ они Тебя, Единаго Истиннаго Бога.

Онъ молился. Бѣжали часы, а Митрофанъ молился. Былъ день. Погасъ. Вечеръ уже переходилъ въ ночь... Луна взошла надъ пустыней. Ночныя тѣни стлались по уступамъ горъ и ползали по тундрѣ въ видѣ какихъ-то огромныхъ чудовищъ. Митрофанъ продолжалъ молиться, не чувствуя усталости. И, углубясь въ молитву, снова, какъ бывало, отрѣшась отъ міра, не слышалъ онъ, какъ кто-то подкрался къ нему и по-

лежилъ ему на плечо свою руку. Митрофанъ очнулся. Онъ быстро поднялся на ноги и обернулся.

Около него стоялъ Ильмариненъ. Лицо лопаря сіяло.

— Ильмариненъ!?!—въ то же мгновеніе воскликнулъ изумленный Митрофанъ.

Ильмариненъ торопливо, точно виноватый, опустилсѣ на колѣни и прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Митрофанъ... я... я хочу молиться... съ тобою... вашему Богу.

И, обнявъ колѣни его, лопарь сталъ цѣловать Митрофановы ноги; Митрофанъ поднялъ его и, обнимая, облобызалъ. Хотѣлъ говорить — не можетъ. Языкъ не повинуетсѣ. А Ильмариненъ въ это время билсѣ у него на груди и всхлипывалъ. Отъ чего? Отъ радости, отъ переживаемаго восторга!

Когда волненіе немного поулеглось, Ильмариненъ заговорилъ:

— Митрофанъ, я слушалъ тебя давеча. Ты говорилъ о своей вѣрѣ. И я поддавалсѣ силѣ твоихъ убѣжденій. Въ душѣ моей вспыхнулъ тогда огонь и сжегъ всѣхъ идоловъ, которымъ я до тѣхъ поръ поклонялся. Грозны и немилостивы наши боги. Многомилостивъ вашъ Богъ.

— Но, Ильмариненъ, и Господь Иисусъ Христосъ взыщетъ съ насъ за все и всѣмъ воздастъ по дѣламъ.

— Да, такъ, Митрофанъ, но вашъ Богъ,—ты говорилъ намъ,—правдивый Судія. Стало быть, за добро Онъ и воздастъ добромъ, отъ своихъ-же боговъ что мы видимъ? Итакъ, научи меня молиться истинному Богу и еще разъ вразуми, какъ надо жить, чтобы угодить Богу...

— Братъ мой!.. — обнимая его, только и могъ выговорить Митрофанъ.

— Да, отнынѣ я твой,—отвѣчалъ Ильмариненъ,—и пока я живъ, я твой другъ и защитникъ. Всякую

обиду, всякое поруганіе снесу за тебя. Понадобится умереть, и умру. Будемъ, Митрофанъ, дѣлить съ этого дня и горе и радости пополамъ.

Они провели эту ночь въ пещерѣ, а утромъ пошли въ кочевье. Не было границъ радости лопарей, когда они увидали своего сородича. И Митрофана встрѣтили привѣтливо. Даже старикъ, который наканунѣ гналъ Митрофана, и тотъ радушно поздоровался съ нимъ.

Лопари думали, что Митрофанъ спасъ Ильмаринена отъ гибели и привелъ къ нимъ.

— Ты нашелъ его, московъ?—сказалъ старикъ.

— Да, я обрѣлъ его,—загадочно отозвался Митрофанъ и взялъ Ильмаринена за руку.

Но радость лопарей смѣнилась изумленіемъ, какъ только торжественный, сіяющій Ильмариненъ объявилъ, что отнынѣ онъ не будетъ поклоняться идоламъ, такъ какъ увѣровалъ въ истиннаго Бога, которому молятся москвы и новгородцы. Поднялся крикъ. Голоса на перебой, то хриловатые, то звонкіе, старческіе и молодые вопили Богъ знаетъ что. Грозный старикъ подошелъ къ Ильмаринену и сказалъ не то съ укоромъ, не то съ сожалѣніемъ:

— Что ты дѣлаешь?

— Я уже сдѣлалъ,—отвѣчалъ Ильмариненъ.

Къ Митрофану подступили нѣсколько человѣкъ и грозили ему палками и хорейми.

— Не трогайте его!—закричалъ на нихъ Ильмариненъ.—Если вы дотронетесь до него, я уйду отъ васъ навсегда. Слушайте: что я сдѣлалъ, сдѣлалъ это по доброй волѣ. Мой отецъ и дѣдъ поклонялись сайде (священнымъ камнямъ) и вѣрили въ божественную силу кебуновъ. И я поклонялся тоже и вѣрилъ. Но Митрофанъ убѣдилъ меня, что я бродилъ впотьмахъ, и раскрылъ мнѣ глаза и показалъ мнѣ, гдѣ истинный Богъ и какъ надо по-настоящему молиться ему и жить. Я, какъ березка подъ хвѣусомъ, погнулся со

своими вѣрованіями передъ убѣжденнымъ словомъ Митрофана. И я увѣровалъ въ Христа. Вотъ и все... Если вы не хотите больше знать меня, скажите это ейчасъ, и я уйду отъ васъ далеко. Ну?..

Все стихло. Всѣ молчали, переглядываясь между собою. Не знали, что сказать Ильмаринену. Растерянные взгляды лопарей встрѣчались, но уста онѣмѣли.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ, одинъ изъ лопарей, молодой пастухъ, прервалъ его. Онъ сказалъ:

— Мы всѣ любили тебя, Ильмариненъ, и всегда считали умнымъ. Мы слушались твоихъ совѣтовъ и вѣрили въ твою правдивость. Теперь вотъ ты отшатнулся отъ вѣры отцовъ и хочешь вѣровать въ Бога москововъ. Не мнѣ судить тебя, Ильмариненъ, за то, что ты сдѣлалъ. Одно скажу, если ты сдѣлалъ худо, наши боги накажутъ тебя. Слышишь? Уходить-же отъ насъ... зачѣмъ тебѣ уходить? Мы не кебуны. Кебуны могутъ говорить съ тобою о душѣ твоей, а мы будемъ съ тобою попрежнему вмѣстѣ пасти оленей... Вѣдь, ты останешься добрымъ лопаремъ и не будешь обижать насъ?

Митрофанъ отвѣчалъ за Ильмаринена:

— Богъ не только запрещаетъ обижать кого-либо, но повелѣваетъ даже и обидчиковъ прощать.

— Слышишь?—добавилъ Ильмариненъ.

Четыре пастуха отдѣлились отъ кучки и стали около Митрофана и Ильмаринена. Казалось, они хотѣли такимъ образомъ выразить свое сочувствіе имъ. Старикъ сверкнулъ на нихъ глазами и что-то прошепталъ.

— Кебуны идутъ!—крикнулъ кто-то.

Жрецы подошли.

Присутствіе Митрофана вызвало въ нихъ негодованіе. Опять московъ здѣсь. Какъ, даже угрозы на него не подѣйствовали? Онъ даже смерти не боится. Или опять онъ прикидывается купцомъ?

И старшій кебунъ спросилъ надменно:

— Что, ты пришелъ опять покупать?

Не успѣлъ Митрофанъ отвѣтить, какъ послышался насмѣшливый голосъ старика-лопаря:

— Московъ купилъ много: онъ купилъ Ильмаринена.

Старый кебунъ отшатнулся:

— Какъ Ильмаринена? — тараща глаза, удивленно проговорилъ онъ.

— Ильмариненъ перешелъ въ его вѣру и будетъ отнынѣ молиться Богу, которому молятся москвы, — такъ-же насмѣшливо вымолвилъ старикъ-лопарь.

Какъ-то дико взвизгнулъ старый кебунъ. Двое другихъ кебуновъ, взмахнувъ суковатыми палками, ринулись на Митрофана; Ильмариненъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, сдѣлалъ шагъ на защиту его, но въ это время нѣсколько крѣпкихъ рукъ схватили его сзади, и лопарь упалъ. Кебуны съ ругательствами били Митрофана.

— Другъ!.. Братъ!.. Товарищи! — взывалъ Ильмариненъ къ лопарямъ. — Заступитесь-же за Митрофана. Спасите его.

Ни крика, ни стопа, ни оханья не издалъ тотъ. Онъ коротко, покорно сносилъ обиду.

— Убьемъ его! — кричали изувѣры-кебуны.

— Убьемъ его! — кричалъ старикъ-лопарь.

— За что-же? За что? Нѣтъ на немъ вины! — воскликнулъ Ильмариненъ.

Онъ вскочилъ на ноги и съ невѣроятной силой оттолкнулъ отъ Митрофана кебуновъ.

— Смерть и вѣроотступнику! — вскричалъ старшій кебунъ.

— Смерть имъ обоимъ! — повторили лопари, но не всѣ.

Четверо, что давеча отдѣлились отъ кучки, стали между пятью своими съ кебунами и Митрофаномъ съ Ильмариненомъ.

— Имъ смерть, то и намъ тоже!—крикнули они.—
Убейте и насъ!..

Кебуны какъ будто окаменѣли. Ушамъ своимъ не вѣрятъ. Такъ говорятъ лопари!?.. И остальные лопари поражены. Что за чарами такими обладаетъ Митрофанъ, что онъ покоряетъ сердца? Знать, и въ самомъ дѣлѣ великъ и могучъ Богъ Русской Земли. Что случилось съ пастухами? Что вдругъ восчувствовали ихъ сердца? Какую вѣсть принесло имъ Митрофаново сердце?

И пока одни находились точно въ столбнякѣ, а другіе, раздумывая, диву давались, Митрофанъ съ Ильмариненомъ ушли въ пещеру.

VII. Злое дѣло.

Кебуны не могли простить Митрофану обращенія Ильмаринена въ христіанство. Поведеніе четверыхъ другихъ лопарей, явно сочувствующихъ Митрофану и Ильмаринену, привело языческихъ жрецовъ въ смятеніе. „Если такъ пойдетъ дальше, — думали они, — мы останемся одиноки и что тогда станемъ дѣлать? Или около насъ останется двое-трое стариковъ, дряхлыхъ, доживающихъ послѣдніе дни... Это не утѣшительно“.

Кебуны собрались на совѣщаніе и долго обсуждали, какъ теперь имъ быть и какъ поступить съ „возмутителемъ“, явившимся ни съ того, ни съ сего изъ Торжка. Кто его звалъ? Зачѣмъ онъ тутъ? И кебуны рѣшили, что Митрофана лучше всего убить.

— Сами это сдѣлаемъ или повелимъ пастухамъ? — спросилъ одинъ изъ кебуновъ.

Старшій отвѣчалъ:

— Пусть убьютъ его пастухи.

Рѣшеніе было объявлено пастухамъ, но, какъ изумились кебуны, когда на повелѣніе пастухи отвѣчали, что, молъ, не за что убивать Митрофана. Таковъ былъ отвѣтъ большинства лопарей. Почва колебалась подъ ногами жрецовъ. Попробовали они, по обыкновенію, дѣйствовать угрозами, страхомъ и обѣщаніями идольскаго мщенія, но это ни къ чему не повело.

Молодой лопарь сказалъ:

— Убить Митрофана легко, но не вижу я вины на немъ. Если наша вѣра настоящая, а вѣра москова не настоящая, вы, кебуны, докажите это. Вызовите Митрофана на споръ и докажите, что онъ заблуждается. Если онъ будетъ посрамленъ, тогда мы изгонимъ его отсюда навсегда, а Ильмариненъ опять станетъ приносить жертвы сайде (священнымъ камнемъ) и чтить васъ, жрецовъ.

— Это ты хорошо придумалъ, — сказалъ другой лопарь, обращаясь къ молодому.

Согласилось и большинство.

Кебуны долго колебались, подчиняться-ли волѣ большинства и вызвать Митрофана на споръ, или не вызывать. Положеніе изъ трудныхъ. Съ одной стороны, если отказаться отъ спора, значитъ — показать свое безсиліе въ вопросахъ вѣры передъ московомъ, а съ другой — какъ вызывать Митрофана, какъ начинать съ нимъ споръ, если заранѣе чувствуешь свою несостоятельность и поражение? Однако, надо было рѣшиться на то или другое. И кебуны послѣ долгихъ размышленій согласились на споръ. Въ глубинѣ души каждаго изъ нихъ теплилась робкая надежда на то, что и Митрофанъ шатокъ въ своемъ ученіи и что удастся сбить его. Главное, — думалось жрецамъ, — молодъ онъ. А молодость часто не столько опирается на познанія свои, сколько на задоръ.

Митрофану передали объ этомъ.

— Докажи, что твоя вѣра правая, а наша нѣтъ — и мы всѣ, сколько ты насъ видалъ, увѣруемъ въ твоего Бога. Если же ты не сумѣешь доказать этого, то удались отъ насъ навсегда. Мы хотимъ въ мирѣ и покоѣ жить и не желаемъ проливать человѣческой крови. Но если ты будешь смущать насъ, мы должны будемъ, исполняя волю боговъ, убить тебя.

— Я говорилъ, говорю и буду говорить всегда, — отвѣчалъ Митрофанъ, — что единая истинная вѣра есть

вѣра христіанская. Вѣрующій во Христа спасется. Пусть ваши кебуны докажутъ, что я лгу, пусть же они нападаютъ на мое ученіе и попробуютъ разрушить его. Я готовъ встрѣтить ихъ, старыхъ, умудренныхъ опытомъ и будто-бы бесѣдующихъ съ богами... Я стану защищать Христову вѣру, а они пусть говорятъ въ защиту идолопоклонства. Правда не тонетъ. И она скоро всплыветъ, и вы убѣдитесь сами, что заблуждаетесь всѣ и что спасеніе и блаженная жизнь за гробомъ ждетъ тѣхъ, кто живетъ по заповѣдямъ,—да, по заповѣдямъ Господа Іисуса Христа. Я—одинъ. Кебуновъ трое. Итакъ, пусть они доказываютъ мое заблужденіе...

Начался споръ. Кипя ненавистью къ кроткому, любвеобильному проповѣднику, кебуны тщетно старались превзойти его въ спорѣ; Митрофанъ былъ спокоенъ и спокойно доказывалъ неправоту ихъ. Присутствующимъ лопарямъ становилось ясно, на чьей сторонѣ побѣда. Ихъ кебуновъ посрамляетъ молодой москowitz!—и они пресѣкли споръ.

— Ну что, видите теперь, чья правда?—говорили кебуны, обращаясь къ лопарямъ.

Тѣ молчали.

И это молчаніе краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорило языческимъ жрецамъ, что владычеству ихъ надъ непосредственными умами „дѣтей тундры“ приходитъ конецъ и что Митрофанъ уже овладѣваетъ этими умами. Оставшись одни, кебуны рѣшили избавиться отъ соперника. Убить его — и дѣлу конецъ. Планъ быстро созрѣлъ въ старческихъ головахъ, оставалось теперь привести его въ исполненіе. Кебуны обдумываютъ, гдѣ убить Митрофана. Наконецъ, рѣшаютъ выслѣдить, гдѣ онъ спитъ ночью, когда уходитъ отъ лопарей.

И они стали слѣдить. И выслѣдили.

— Митрофанъ проводитъ ночи въ пещерѣ, кото-

рая темнѣтъ посрединѣ пахты (горы), высящейся за рѣкой Печенгой.

Въ пещерѣ и убить его!

Но какъ? Кому убить Митрофана?

Рѣшено: втроемъ пойдутъ они—кебуны—къ пахтѣ и, выждавъ, когда Митрофанъ останется одинъ, покончатъ съ нимъ.

Наступила ночь. Жрецы крадучись направились къ пещерѣ. Уходя отъ лопарей, они узнали, что Ильмариненъ въ настоящее время находится около оленей. Стало быть, московъ одинъ и съ ними троими ему не справиться. Осторожно ступая, они добрались наконецъ до пахты. Вонъ и пещера. Надо узнать, спитъ или нѣтъ Митрофанъ. Если онъ спитъ, то расправа съ нимъ будетъ коротка. И троимъ тутъ нечего дѣлать. Кто-нибудь одинъ войдетъ въ пещеру и сильнымъ ударомъ оглушитъ спящаго. А потомъ—только добить. Но если московъ не спитъ, въ такомъ случаѣ придется всѣмъ имъ напасть на него, иначе для нихъ самихъ дѣло можетъ худо кончиться.

Старшій кебунъ подползъ къ пещерѣ и заглянулъ въ ея отверстіе. Заглянулъ и невольно отпрянулъ: стоя на колѣняхъ, спиной ко входу, Митрофанъ молился передъ крестомъ, который висѣлъ на стѣнѣ. Молящійся даже и не обернулся,—такъ онъ, очевидно, углубился въ молитву. Кебунъ подалъ знакъ своимъ, чтобы они какъ можно тише подкрались. Старики спрашивали глазами: что дѣлаетъ Митрофанъ. Старшій кебунъ отвѣчалъ имъ тѣмъ-же.

Лишь только два младшихъ кебуна приблизились, старшій кивнулъ имъ, и втроемъ они съ крикомъ ринулись—было въ пещеру, но тутъ-же, у входа, упали и забились въ судорогахъ.

Увидалъ ихъ Митрофанъ—и удивился.

— Зачѣмъ вы здѣсь?—спросилъ онъ ихъ.

Отвѣта не было.

Несчастные лежали уже безъ движенія, точно мертвецы.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Что съ вами?—со страхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ участливо произнесъ Митрофанъ.

Вмѣсто яснаго отвѣта послышался стонъ. Кебуны шарили около себя руками, что дѣлають обыкновенно слѣпые, когда ищуть что-нибудь. Они хотѣли и, очевидно, не могли ничего сказать. Силятся подняться съ земли—тоже не въ мочь. Митрофанъ вышелъ изъ пещеры и недоумѣвающе смотрѣлъ на стариковъ. Главный жрецъ что-то пробормоталъ, обращаясь къ Митрофану. Тотъ не понялъ ничего, но наклонился и помогъ ему стать на ноги. Кебунъ зашатался. Изъ старческихъ глазъ его закапали слезы. Митрофанъ поддержалъ его. Кебунъ воздѣлъ руки и заговорилъ что-то, прерывисто, запинаясь. Ясно было, что языкъ ему не повинуется.

Свершилось, между тѣмъ, дивное событіе: Богъ покаралъ нечестивыхъ, злоумышлявшихъ на жизнь ни въ чемъ неповиннаго человѣка.

Митрофанъ понялъ, наконецъ, что произошло за его спиной въ то время, какъ онъ стоялъ на молитвѣ, и сталъ просить Бога смилостивиться надъ кебунами невѣдающими, что они творять. Онъ еще молился, а они ужъ могли стоять на ногахъ, хотя ноги ихъ то и дѣло подкашивались. Зрѣніе вернулось къ жрецамъ, вернулась способность говорить.

Жрецы сперва со страхомъ смотрѣли на „таинственнаго“ москова, а потомъ этотъ страхъ смѣнился какою-то покорностью. Эта покорность напоминала покорность хищнаго звѣря, который долго проявлялъ свою могучую, страшную силу, и въ концѣ концовъ долженъ былъ все-таки покориться болѣе слабому, чѣмъ онъ, человѣку.

— Вы пришли сюда...—началъ Митрофанъ.

Главный жрецъ прервалъ его и съ какой-то горечью вымолвилъ:

— Убить тебя.—И опустил онъ свою сѣдую голову.

Морщинка вдругъ упала между Митрофановыми бровями и дрогнула его нижняя губа. „Они приходили, чтобы убить меня. Богъ не попустилъ. Но что я сдѣлалъ имъ дурного? Неужели проповѣдь истины не можетъ быть совершаема безъ кровопролитія и смертей? Неужели человѣкъ долженъ стать убійцей, чтобы въ концѣ концовъ все-таки преклониться предъ величіемъ христіанства и стать овцой стада Христова?“

Съ нескрываемой печалью взглянулъ Митрофанъ на своихъ враговъ и только молвилъ:

— Идите туда, откуда вы пришли. Идите съ миромъ.

И, поклонившись кебунамъ, онъ воротился въ пещеру и снова сталъ молиться. Теперь онъ уже благодарилъ Бога за свое спасеніе.

Слабой походкой, точно послѣ продолжительной болѣзни, направились кебуны отъ пахты. Ночь еще не начинала таять... Еще вѣтерокъ, предвѣстникъ утра, не леталъ надъ тундрой, которая спала мертвымъ сномъ пустыни. Кебуны возвращались къ лопарямъ—пришибленные только-что совершившимся. Неудача, мало того, что угнетала ихъ, но также страшила. „Что можетъ быть,—думали они,—когда лопари узнаютъ объ этомъ? Не повредили-ль мы сами себѣ? И, въ свою очередь, Митрофанъ не отомститъ-ли намъ?“

Такія и подобныя мысли лѣзли въ голову каждому изъ жрецовъ—и трепеть овладѣвалъ ими все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ лопарскому кочевью.

Они вошли въ свою палатку, куда обыкновенно никто изъ постороннихъ не входилъ, улеглись на оленьихъ шкурахъ, но долго не могли заснуть. Страхъ за послѣдствія неудавшагося убійства гналъ прочь отъ нихъ сонъ. Кебунамъ казалось также, что разъ они уснутъ, Митрофанъ подкрадется и убьетъ ихъ. То есть, онъ отмѣритъ тою же мѣрою, какою они мѣрили ему.

Ночь проходила, но и Митрофанъ, и никто вообще не являлся. Страхъ какъ-будто сталъ затихать. Въ душу жрецовъ стало прокрадываться спокойствіе, но прокрадываться робко-робко. Усталость брала свое. Мало-по-малу кебуны начинаютъ погружаться въ дремоту. Засыпають—наконецъ... заснули.

А въ это самое время Митрофанъ молился за враговъ своихъ. И никто не узналъ, даже Ильмариненъ, никому изъ лопарей не сказалъ Митрофанъ, что произошло въ эту ночь.

Ночь ушла—и унесла, Богъ знаетъ, куда свою тайну...

VIII. Божье дѣло.

Лѣтъ 15 прошло съ тѣхъ поръ, какъ Митрофанъ поселился въ Лапландіи. Въ теченіе этого времени ему удалось многихъ обратить ко Христу, а во многихъ поколебать вѣру въ могущество и божественную власть кебуновъ. Лопари все больше и больше убѣждались, что Митрофанъ желаетъ имъ только добра и что единственною цѣлью его проповѣди служить желаніе освѣтить и осмыслить ихъ существованіе. Число друзей и приверженцевъ его росло и росло. Располагали лопарей къ Митрофану его смиреніе и любвеобильное сердце.

Область его проповѣдничества все увеличивалась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, росло число отступниковъ отъ язычества. Митрофанъ трудился, не зная усталости; онъ трудился, боясь, что хотя одинъ день въ его жизни пройдетъ даромъ. Лопари приходили бесѣдовать къ нему; онъ же разбиралъ всякія недоразумѣнія, возникавшія среди лопарей-христіанъ. Во многомъ ему помогаль Ильмариненъ, который глубже другихъ проникся христіанствомъ и толково разъяснялъ своимъ соплеменникамъ, какъ надо поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Но хотя сторонниковъ новаго ученія насчитывалось уже не мало, однако—и язычниковъ оставалось еще очень много. Не у всѣхъ лопарей доставало мужества отрѣшиться отъ вѣры отцовъ и отвергнуться отъ кебуновъ.

Жрецы еще властвовали надъ большинствомъ.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, проповѣдникъ христіанства плылъ на утлой ладѣ по Нявдемской губѣ. Свѣтлыя, чистыя воды ея бѣжали межъ гористыхъ, то зеленыхъ, то сѣрыхъ береговъ къ острову Шалима. Съ Ледовитаго океана дулъ вѣтерокъ и подталкивалъ ладью. Митрофанъ плылъ къ лопарямъ, кочевавшимъ по этому острову, чтобы побесѣдовать съ ними, какъ вдругъ онъ видитъ: на горѣ Акко собралось множество лопарей. Отъ ихъ голосовъ далеко шумъ стоитъ.

Акко возвышалась надъ островомъ. Ея вершины уходили въ синюю высь—туда, гдѣ плаваютъ только орлы.

Митрофанъ вздрогнулъ.

„Что это,—подумалъ онъ,—они собираются приносить жертвоприношеніе?!“ И въ толпѣ лопарей онъ вскорѣ уже замѣтилъ тѣхъ, которые, очевидно, поколебались въ своей вѣрѣ подъ вліяніемъ его, Митрофановой, проповѣди... И теперь, увы, они опять поддались власти кебуновъ?..

Онъ налегъ на весла и торопливо поплылъ къ острову.

Остановивъ неподалеку отъ берега лодку, Митрофанъ сталъ смотрѣть на происходящее, ожидая, что будетъ потомъ.

Между тѣмъ пять лопарей подвели кебунамъ по оленю. Въ рукахъ у жрецовъ сверкнули ножи, хорошо отточенные. Въ ту же минуту зажглись пять костровъ, Вокругъ нихъ стали лопари. Послышались серебряные, будто дробящіеся звуки. То жрецы ударили въ бубны. Дикій окрикъ вырвался изъ устъ одного жреца, откликнулся въ устахъ другого, третьяго, остальныхъ двухъ жрецовъ—и тотчасъ повторился. Въ оленьихъ кожахъ, поверхъ которыхъ мотались разноцвѣтные лоскутки съ привязанными къ нимъ колокольчиками, кебуны стали притоптывать, взмахивать руками, опускать ихъ и кружиться. И въ то же время продолжали

выкрикивать. Выкрикиванія все учащались; кебуны начинали неистово кружиться, колокольчики звенѣли, бубны звучали. А костры разгорались. И толпа лопарей мало по малу притихала,—словно она цѣпенѣла.

Митрофана передернуло отъ такого зрѣлища. Не разъ онъ говорилъ лопарямъ по поводу его; неоднократно онъ имъ доказывалъ, что эти жертвоприношенія ненужны, нелѣпы, ужасны и что они выгодны исключительно для жрецовъ,—„дѣти пустыни“ все-таки не могли отказаться отъ пролитія оленьей крови...

Неистовство кебуновъ уже достигло крайняго предѣла. Старшій изъ нихъ что-то выкрикнулъ, какимъ-то стономъ отозвались остальные—и вдругъ всѣ они кинулись къ оленямъ; ножи сверкнули въ воздухѣ около шеи cadaго изъ пяти оленей. Кровь хлынула изъ зарѣзанныхъ животныхъ и забила фонтанами. Еще трепещущихъ оленей кебуны подхватили съ помощью прислуживавшихъ имъ такихъ-же изувѣровъ и бросили на костры. И сами снова забѣсновались, завывли, завопили.

„Господи! Господи!“—произнесъ Митрофанъ и, поднявъ правую руку, перекрестилъ гору Акко...

Будто вдругъ громъ глухо пророкоталъ.

Мигъ—и толпа ахнула. Толпа лежитъ ницъ. На Акко чудесно отпечатался крестъ...

Митрофанъ сошелъ на берегъ.

— Вставайте! Не бойтесь!—обратился онъ къ толпѣ.

Лопари понемногу пришли въ себя. Видятъ предъ собою Митрофана, и не видятъ ни кебуновъ, ни пылающихъ костровъ. Гдѣ они? Ищутъ глазами среди себя жрецовъ—и не находятъ. Точно въ воду тѣ канули.

— Гдѣ кебуны?

— Вотъ что случилось съ вашими кебунами, смотрите!—говоритъ Митрофанъ и показываетъ на каменья, лежащіе тамъ, гдѣ только-что бѣсновались жрецы.

— Гдѣ костры?

— Отъ костровъ только пепелъ остался.

— Такъ быстро это произошло?!

— Дѣло Божье.

Толпа пришла въ смятеніе. Дѣло Божье—чудесное дѣло. Но чудо совершилось такъ неожиданно, такъ быстро, что никто не успѣлъ опомниться. Митрофанъ успокоилъ лопарей. „Богъ покаралъ жрецовъ,—говорилъ онъ имъ,—за обманъ и изувѣрство ихъ. Отнынѣ васъ некому обманывать. Вѣруйте въ Бога единого, возлюбите Его и ближняго своего“.

Толпа, не спуская глазъ съ него, слушала его—и Митрофанъ проповѣдывалъ христіанство горячо, увлекательно.

А на горѣ Акко сіялъ чудесно запечатлѣвшійся крестъ.

IX. Митрофанъ въ Новгородѣ.

Итакъ, община увѣровавшихъ во Христа лопарей стала значительной; но увѣровавшимъ надо было принять святое крещеніе. А кто могъ совершать его? Митрофанъ не имѣлъ священническаго чина; священника по близости не было, — поэтому, Митрофанъ рѣшилъ отправиться въ Новгородъ, чтобы попросить владыку прислать іерея на сѣверъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало позаботиться и о постройкѣ церкви въ „прегорчайшей пустынѣ“. Такимъ образомъ, возникалъ еще вопросъ о наймѣ плотниковъ. Митрофанъ имѣлъ въ виду плотниковъ-новгородцевъ, которые, какъ извѣстно, славились своимъ искуснымъ мастерствомъ.

У Снегирева въ его *Памятникахъ* описывается зодчество того времени: церкви строились каменные и деревянные, безъ печей, холодныя, болѣе одноглавыя, о двухъ и трехъ верхахъ и пятиглавыя, съ нѣкоторыми отступленіями отъ древняго стиля зодчества, но съ точнымъ соблюденіемъ древней церковной символики. Своды въ церквахъ дѣлались крестовые, стрѣльчатые, купольные, безъ столповъ и на четырехъ столпахъ; твердыя стѣны ихъ съ желѣзными связями состояли изъ квадратныхъ камней или вѣскихъ кирпичей. Наружность ихъ украшалась узорчатыми произведеніями орнаментнаго искусства; также ценными фигурами (образцами), кои замѣняли на сѣверѣ мозаику. Стѣнные окна церквей были въ одинъ свѣтъ,

какъ и въ предшествующемъ (то-есть, XV) вѣкѣ, высоко отъ полу, длинныя, узкія, косящатыя, съ слюдяными въ желѣзныхъ и жестяныхъ переплетахъ оконницами; какъ въ окнахъ, такъ и въ дверяхъ церковныхъ удерживался то готическій стиль по сочетанію пересѣченныхъ дугъ, то мавританскій, соединяющій два каблучка, сходящіеся мысомъ. Потолки и своды между желѣзными связями слагаемы были изъ глиняныхъ кувшиновъ, или горшковъ. На церковныхъ главахъ, подъ крестами, по большей части четвероконечными, ставились полумѣсяцы, которые обыкновенно изъясняются побѣдою креста надъ луною или памятникомъ сверженія ига монгольско-татарскаго, а по толкованію Максима Грека преобразуютъ высоту крестнаго восхожденія Христа *).

Отправился Митрофанъ въ Новгородъ...

Лопарская община провожала его безъ печали, зная, что добрый наставникъ-московъ скоро воротится назадъ и привезетъ съ собою владычныя милости. Конечно, какъ всякое разставаніе, и это было обвѣяно грустью, но не тяжелой грустью. Лопари были убѣждены, что недолго имъ оставаться безъ руководителя. Въ свою очередь, благословивъ общинниковъ, Митрофанъ просилъ ихъ объ одномъ: не слушать кебуновъ, не страшиться и гнѣва ихъ, если жрецы откуда-либо появятся и, пользуясь отсутствіемъ его, вздумаютъ увѣщевать лопарей возвратиться къ язычеству. Общинники обѣщали, клялись Митрофану, что никому уже не смутить ихъ и что крѣпка ихъ привязанность къ христіанству.

Митрофанъ уѣзжалъ, поэтому, безъ боязни за какія-либо неожиданности...

Ильмариненъ, который очень любилъ его, какъ старшаго брата, и всюду слѣдовалъ за нимъ, подобно

*) Это чисто-внѣшнее сближеніе основано на томъ, что полумѣсяцъ напоминаетъ греческую букву «ипислонъ» (ипислось—высокій). *Ред.*

тѣни, не захотѣлъ оставаться въ тундрѣ безъ „наставника и друга“ и на этотъ разъ просилъ Митрофана взять его съ собою въ Новгородъ. Напрасно тотъ указывалъ лопарю, что его присутствіе необходимо въ общинѣ; Ильмариненъ стоялъ на своемъ.

— Ты твердъ, братъ мой,—говорилъ ему Митрофанъ,—ты можешь вліять на болѣе слабыхъ своимъ примѣромъ, ты въ случаѣ чего можешь поддержать поколебавшагося. Твой уговоръ, при надобности, можетъ удержать отъ тяжкаго грѣха другого брата. Останься въ тундрѣ. Напоминай братьямъ безъ меня обо мнѣ, который, молъ, отправился въ Новый-городъ ради нашей-же, общинной, пользы.

Не помогали слова Митрофана: Ильмариненъ все-таки стоялъ на своемъ.

— Я не останусь безъ тебя, братъ,—отвѣчалъ онъ Митрофану:—я затоскую по тебѣ и умру отъ тоски.

И лопарь говорилъ это такимъ искреннимъ и грустнымъ голосомъ, а въ глазахъ его, ясныхъ, какъ вешнее утро, свѣтилась такая мольба, что Митрофанъ не могъ не согласиться—и взялъ его съ собою.

Далеко, вплоть до Колы, проводили ихъ общинники; Митрофанъ съ Ильмариненомъ стали мало-помалу выбираться изъ „прегорчайшей пустыни“. До Новгорода путь не близокъ. Но каждый новый день, каждая слѣдующая ночь приближали Митрофана и его спутника къ славному городу. Съ каждымъ днемъ все больше и больше вѣяло на нихъ „новгородскимъ духомъ“. Духомъ промышленности и предпріимчивости. Чѣмъ - то сказочнымъ представлялся Новгородъ въ воображеніи лопаря; Ильмариненъ много слышалъ о немъ; „чудеса да и только“ рассказывали объ этомъ городѣ всѣ, кто хоть разъ въ немъ побывалъ. Не городъ, а то тридесятое царство, гдѣ непочатые углы всякой благодати. Красота, дива-дивныя. Въ храмахъ Божіихъ благолѣпіе. Стоишь за богослуженіемъ, ровно

вотъ не на землѣ ты, а въ небесахъ. И поютъ не люди, а ангелы. Взглянуть бы на все это хоть однимъ глазомъ,—думалъ Ильмариненъ:—возликовать, и ликуя взлетѣть до неба, а потомъ жить этими впечатлѣніями и умереть съ ними тамъ, на далекомъ сѣверѣ, гдѣ ни городовъ съ сіяющими храмами, ни сладкогласнаго пѣнія, ни жизни кипучей, но дремлютъ лѣса на мрачныхъ высокихъ горахъ, воютъ вѣтры, грозятся метели, да лежатъ снѣга большую часть года.

И, предвкушая уже близкое счастье увидѣть Новгородъ, все ближе и ближе подъѣзжая къ нему, Ильмариненъ испытывалъ тотъ особенный трепетъ, какой испытываетъ человѣкъ, ѣдущій осенью въ холодъ и дождь полемъ на горящій впереди, привѣтливый огонекъ. Ильмариненъ спрашивалъ Митрофана о Новгородѣ. Митрофанъ отвѣчалъ, что зналъ. Точнѣе—что слышалъ, такъ какъ самому ему Новгородъ былъ вѣдомъ мало. Мелькомъ онъ его видѣлъ.

— Славный городъ, это истинно можно сказать,—отозвался Митрофанъ.

Онъ былъ взволнованъ не менѣе Ильмаринена. Но волненіе, имъ овладѣвшее, было иное. Не могъ онъ спокойно ѣхать по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по какимъ ѣхалъ и шелъ на подвигъ, послѣ того какъ Незримый указалъ ему этотъ путь. Воспоминанія всколыхнулись и перенесли назадъ—къ дѣтству, отрочеству и далѣе. Пригорки, лѣса, деревни, проселочныя дороги—все напоминало подвижнику прошлое, хотя и не далекое еще, но уже неуловимое, кромѣ какъ въ воспоминаніяхъ, невозвратное. Показывался-ли вдали убогій домъ подъ сѣнью развѣсистыхъ яблонь,—Митрофану вспоминался тотчасъ отчій домъ. И сердце начинало биться, какъ молоточекъ. Воскресали мать и отецъ въ памяти, зимніе вечера, ласки, согрѣвавшія его, ребенка. За слюдяными окнами зимняя стужа, а въ домикѣ стараго іерея тепло, хорошо.

Онъ, Митрофанушка, сидитъ на лавкѣ, прижался къ старику. Отецъ гладитъ его по головкѣ и наставляетъ, какъ надо жить, чтобы „Богу угодить“. Церковь-ли выплываетъ въ дали, изъ утренняго тумана, или изъ-за пригорка, или лѣска,—Митрофану опять-таки кажется: вотъ храмъ, гдѣ отецъ его приносить безкровную жертву... Впрочемъ, приносить-ли?.. Не умеръ-ли уже старикъ? Встрѣчался-ли попутно городъ какой-нибудь,—хотѣлось видѣть въ немъ родной Торжокъ, а въ звонѣ колоколовъ его слышать звуки благовѣста торжковскихъ церквей. Воспоминанія воскрешали въ Митрофанѣ все, что онъ похоронилъ въ себѣ, покидая родныя мѣста и поселясь на далекомъ сѣверѣ... Но, воскрешая прошлое, воспоминанія не кололи сердца; нѣтъ, они только волновали. Митрофанъ не ликовалъ при видѣ знакомыхъ и родныхъ мѣстъ.

Связь порвана и уже не возстановить ея.

Новыя мѣста—холодныя, пустынные, дикія,—приковали къ себѣ Митрофана, овладѣли всѣми его чувствами и помыслами. И въ родныхъ мѣстахъ онъ чувствовалъ себя чужимъ, ненужнымъ... Здѣсь и безъ него много пчелъ, а тамъ, въ Лапландіи, ихъ нѣтъ. И онъ тамъ—многополезная пчела, которая несетъ воскъ. И изъ этого воска дѣлается великая свѣча Христовой вѣры. И горитъ она, и озаряетъ мрачный край; и освѣщаетъ путь правый тѣмъ, кто до сего времени предавался „самому поганскому идолобѣсію“...

Тутъ, гдѣ они теперь ѣдутъ, и другая природа, и люди менѣе суроваго, чѣмъ сѣверные дикари, вида... Здѣсь солнце щедрѣе на ласки, лѣса гуще, величественнѣе, травы ароматнѣе, цвѣты—ярче. Здѣсь въ поднебесьи слышны переливы птичьихъ голосовъ, которые почти совсѣмъ не будятъ далекой тундры, и тѣмъ не менѣе уже не влечетъ это Митрофана, чуждо ему. Уже не промѣняетъ онъ на это дичь глухого сѣвера... Съ сѣверомъ онъ сроднился, сжился. На сѣверѣ откры-

вались передъ нимъ пути, которыхъ онъ искалъ въ Торжкѣ.

Волненіе выразилось въ умиленіи, когда они съ Ильмариненомъ въѣхали, наконецъ, въ Новгородъ...

— Вотъ онъ славный городъ!—воскликнули оба. Но въ голосѣ Митрофана звучала радость, какая овладѣваетъ человѣкомъ, достигшимъ желанной цѣли, а въ голосѣ Ильмаринена звучалъ восторгъ.

„Новгородъ Великій“ встрѣтилъ ихъ рано утромъ. Стоялъ іюнь—ведренный, ясный. Солнце золотило храмы Божіи и играло на поверхности Волхова, бурлившаго въ своихъ зеленыхъ берегахъ. Балокъ, въ которомъ ѣхали Митрофанъ съ Ильмариненомъ, быстро скользилъ по новгородскимъ улицамъ, обращая вниманіе новгородцевъ; хоть и раннее время, а городъ уже проснулся. Народъ валилъ въ церкви. На торговыхъ площадяхъ пробуждалась жизнь. Откуда-то доносились обрывки, пѣнія слѣпыхъ; тутъ и тамъ покрикивали калачники и сбитенщики, предлагая „честнымъ господамъ“ свой товаръ.

— Калачи горячи!

— Сбитень! Сби-тень!.. Сла-адкій!..

Горячіе калачи и сбитень сладкій покупались шибко. О-бокъ съ калачниками и сбитенщиками торговали медами сытными; огородники — дарами земли-кормилицы, а молодые парни изъ тѣхъ, что, бывало, не послѣдними красовались на вѣчѣ,—соколами для охоты. Ильмариненъ не зналъ, куда и на кого глядѣть ему. Все ново, все такъ захватываетъ вниманіе.

— Куда править-то, братъ Митрофанъ?—спрашивалъ онъ, а у самого глаза разбѣгаются.

— Правь прямо, а потомъ я скажу, гдѣ свернуть въ сторону,—отвѣчалъ ему Митрофанъ.

— Прямо къ владыкѣ ѣдемъ?

— Нѣтъ, мы остановимся у купцовъ, кои къ намъ въ тундру ѣздятъ. Оставимъ у нихъ оленей, а сами

въ святую Софію къ обѣднѣ. Обѣдню отстоявши, тогда и къ владыкѣ подѣ благословеніе.

— Быть такъ,—кивнулъ головою Ильмариненъ.

И вновь онъ дивится, ахаетъ, головой качаетъ, по сторонамъ гляючи. Колокольный звонъ густыми волнами плавалъ надъ городомъ, и долго-долго не замирали малиновые звуки, хотя ихъ смѣняли новые. На Ильмаринена этотъ благовѣстъ дѣйствовалъ въ особенности сильно. Никогда онъ не слыхалъ еще ничего подобнаго. А тутъ... И диво на каждомъ шагу, и такіе звуки, за сердце хватающіе!..

Приѣхали они къ Ярославову Дворищу, гдѣ прежде собиралось вѣче по звону вѣчевого колокола; тутъ и жили купцы, наѣзжавшіе къ лопарямъ за ихъ промысловымъ товаромъ. Сѣверянъ новгородскіе „гости“ встрѣтили, что называется, съ распростертыми объятіями и долго дивовались, какъ это они неожиданно-негаданно пожаловали. Стали-было потчевать всѣмъ, что „было въ печи“ да въ подклѣтѣхъ да въ погребкѣхъ, но Митрофанъ и Ильмариненъ наотрѣзъ отказались отъ ѣды и питья, потому что торопились въ святую Софію къ обѣднѣ. Перво-на-перво помолиться да натошакъ ко кресту приложиться, а ужъ потомъ не грѣшно и попить, и поѣсть. Хозяева согласились и отпустили приѣзжихъ.

Святая Софія (т. е. Софійскій соборъ) составляла величайшую святыню древняго Новгорода. Недаромъ говорилось тогда: „Къдѣ святая Софія, ту Новгородъ“. Другими словами—Новгорода, вольнаго, вѣчевого города, нельзя было отдѣлить отъ дѣтинца (кремля), сердце котораго составлялъ Софійскій храмъ. „Въ важныхъ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ, а иногда и въ вѣчевыхъ распряхъ, новгородцы обращались къ святой Софіи и собирали вѣче на архіерейскихъ дворахъ, въ особенности при избраніи владыки, новаго князя и при началѣ войны“.

Нужно-ли было кому-нибудь убѣжище, его давала „святая Софія“. Каменный храмъ, построенный княземъ Владимиромъ Ярославичемъ,—Софійскій соборъ—служилъ не только домомъ молитвы, верховнымъ судилищемъ и оплотомъ правды, но также усыпальницей князей, владыкъ новгородскихъ и наиболѣе именитыхъ новгородскихъ гражданъ.

„Святой Софіи“ новгородцы отдавали всѣ свои надежды, упованія; ей же несли свои мольбы и благодарности за великія и богатыя милости. Въ толстыхъ стѣнахъ Софійскаго храма испрашивалось благословеніе Премудрости на призывъ новаго князя; изъ „святой Софіи“ выходилъ владыка, подъ сѣнію креста, и шелъ на вѣче, гдѣ, какъ нерѣдко случалось, страсти преодолевали всякое благоразуміе и грозили бѣдами рабамъ ихъ—новгородцамъ.

„Святая Софія!“—было кличемъ новгородца и онъ бился за нее до послѣдней капли крови и готовъ былъ ради нея кинуться въ огонь и въ воду.

Загорался Новгородъ, — жилия постройки того времени были сплошь изъ легко воспламеняющагося матерьяла,—новгородцы сносили все цѣнное подъ покровъ святой Софіи и она сохраняла добро новгородцевъ. Софійская „кладовая“—соборная достопримѣчательность.

Митрофанъ и Ильмариненъ пришли во-время. Обѣдня еще не началась, и они успѣли помолиться передъ мѣстными иконами и оглядѣть всѣ уголки просторнаго храма. Ильмариненъ надъ всѣмъ останавливался. Его вниманіе захватывалось всякимъ священнымъ предметомъ. Каждый столбушекъ казался ему диковиной. А верхніе-то своды,—да, вѣдь, это само небо, опустившееся пониже къ землѣ, чтобы люди могли лучше созерцать его!

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ Ильмариненъ,—сколь Ты великъ!

Послѣ обѣдни, возвратясь къ купцамъ, Митрофанъ и Ильмариненъ услышали, что пріѣхали-де въ Новгородъ удачно.

— А что такое?—спросилъ Митрофанъ.

— Да какъ же,—отвѣчали хозяева, потчуя ихъ.— Вѣдь послѣ завтра пойдетъ крестный ходъ на Ху-тынь. Какое торжество-то!..

Въ историческомъ очеркѣ Хутынского Варлааміева Спасо-Преображенскаго монастыря читаемъ, что въ 10 верстахъ отъ Новгорода, на берегу рѣки Волхова находилось возвышенное мѣсто, покрытое густымъ лѣсомъ. Мѣсто это называлось Хутынь (худынь, худое мѣсто) и пользовалось дурною славою; по мнѣнію народному, здѣсь жила нечистая сила, и всѣ боялись ходить сюда.

Желая проводить жизнь въ совершенномъ уединеніи, преподобный Варлаамъ (въ мірѣ Алексѣй—сынъ богатыхъ и именитыхъ гражданъ Великаго Новгорода, жившій въ XII вѣкѣ), вознамѣрился поселиться на этомъ, страшномъ для всѣхъ, мѣстѣ. Подходя къ Ху-тыни, онъ увидѣлъ свѣтлый лучъ, просіявшій изъ густой чащи лѣса, и изъ этого знаменія понялъ, что его намѣреніе поселиться здѣсь согласно съ волею Божіею. Съ чувствомъ благодарности къ Господу воскликнулъ преподобный словами пророка! „Это — покой мой и здѣсь вселюсь навѣки (Псал. 131, 14). Помолвившись усердно Господу, поставилъ себѣ преподобный келію посреди глухой чащи и началъ вести подвижническую жизнь, весь день проводя въ трудахъ, самъ обрабатывая землю для необходимаго посѣва, а ночь въ молитвѣ и изнуряя свое тѣло строгимъ постомъ, суровою одеждою и веригами. Много нападеній долженъ былъ перенести строгій подвижникъ отъ діавола, но преподобный усердно слезною молитвою и строгимъ постомъ подавлялъ всѣ эти помыслы и разрушалъ всѣ ухищренія діавола.

Высоконравственная жизнь св. Варлаама скоро сдѣлалась извѣстною въ странѣ и къ нему стали приходять и князья, и бояре, и простые люди просить наставленія, совѣта и благословенія; многіе просили позволенія поселиться вмѣстѣ съ нимъ. Какъ ни любилъ уединеніе преподобный, но, помня заповѣдь Господню о любви къ ближнимъ, по которой каждый прежде и болѣе всего долженъ заботиться о пользѣ другихъ, съ готовностью и любовію принималъ всякаго и давалъ совѣтъ и наставленіе. Его строгая нестяжательность, знаніе человѣческаго сердца и слабости людской, любовь и снисходительность къ раскаявающимся, кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутое силою искренняго чувства слово назиданія производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ приходившихъ къ нему. Каждый получалъ наставленіе примѣнительно къ своему положенію.

Число иноковъ, желавшихъ подвизаться въ обители преподобнаго, постоянно увеличивалось. Св. Варлаамъ построилъ небольшую деревянную церковь въ честь Преображенія Господня, въ память того чудеснаго свѣта, который осіялъ это мѣсто, когда св. Варлаамъ принималъ намѣреніе поселиться здѣсь, и нѣсколько келлій.

Пустыня св. Варлаама начала цвѣсти подвижниками.

Однажды преподобному пришлось быть у Новгородскаго архіепископа. При прощаніи архіепископъ велѣлъ ему побывать чрезъ недѣлю. Св. Варлаамъ отвѣчалъ: „Если Богъ благословитъ, я пріѣду къ твоей святынѣ на саняхъ въ пятокъ первой недѣли поста свв. апостолъ Петра и Павла“.

Удивился архіепископъ такому отвѣту, но не потребовалъ объясненія. Дѣйствительно, наканунѣ опредѣленнаго дня въ ночь выпалъ глубокій снѣгъ, и въ пятницу цѣлый день былъ сильный морозъ.

Преподобный на саняхъ пріѣхалъ въ Новгородъ къ архипастырю. Видя печаль архіепископа по случаю та-

кой безвременной непогоды, вслѣдствіе которой могли вымерзнуть хлѣба, св. Варлаамъ сказалъ ему:

— Не печалься, владыка, не скорбѣть, а благодарить Господа нужно за этотъ снѣгъ и морозъ. Если-бы Господь не послалъ этого снѣга и мороза, то былъ бы голодъ во всей странѣ, которымъ Господь хотѣлъ наказать насъ за грѣхи наши; но по молитвамъ Богородицы и святыхъ умилился надъ нами и послалъ морозъ, чтобы перемерли черви, подтачивавшіе корни хлѣбовъ. Наутро же наступить опять тепло; снѣгъ этотъ растаетъ и вмѣсто дождя напоить землю, и будетъ, по милости Господа, плодородіе.

На другой день дѣйствительно наступило тепло. Архіепископъ послалъ принести съ поля ржанныхъ колосьевъ съ корнями; на корняхъ оказалось множество вымершихъ червей. Вмѣсто голода, котораго опасались, было такое плодородіе, какого давно не было. Этотъ замѣчательный случай прозорливости св. Варлаама остался навсегда памятнымъ въ Новгородѣ и ознаменованъ крестнымъ ходомъ, который совершается ежегодно въ Хутинскій монастырь.

Митрофанъ обрадовался и рассказалъ Ильмаринену, въ чемъ дѣло. Лопарь просіялъ. Еще-бы, увидеть такое торжество! За всѣ прожитые годы онъ не видѣлъ того, что здѣсь видитъ, и увидитъ въ теченіе немногихъ дней...

Заморивъ голодъ, Митрофанъ съ Ильмариненомъ отправились къ владыкѣ Макарію. Архіепископъ Новгородскій списывалъ житія святыхъ, въ чемъ ему помогаль боярскій сынъ Василій Тучковъ, когда служба ввелъ Митрофана и Ильмаринена въ келью.

У Митрофана, какъ говорится, сердце захолонуло при видѣ владыки и Василя Михайловича Тучкова. Думалъ-ли онъ когда-нибудь, живя въ Торжкѣ, что войдетъ въ покой владыки да еще станетъ разговаривать со святителемъ? Онъ, который считалъ себя

ничтожнѣйшимъ въ мірѣ!.. Увидаль святителя — и преисполнился благоговѣніемъ къ архипастырю.

Митрофанъ отвѣсилъ владыкѣ, а потомъ Тучкову по нижайшему поклону и, молвивъ: „благослови, свя-
тый отче“, подошелъ къ нему. И когда Макарій бла-
гословлялъ его, то Митрофанъ опустился на колѣни;
Ильмариненъ послѣдовалъ его примѣру и въ точ-
ности повторилъ все, что сдѣлалъ „старшій братъ“.
Владыка усадилъ ихъ рядомъ съ собою — на лавкѣ.
Онъ слышалъ о Митрофанѣ. Мѣстные купцы, бывав-
шіе у „лопи“ за товарами, сказывали о молодомъ
подвижникѣ, эту самую лопь просвѣщающемъ истинною
христіанства. И архіепископъ мысленно благословилъ
апостола. А вотъ теперь довелось и свидѣться. И вла-
дыка съ самаго начала заговорилъ съ Митрофаномъ
просто, привѣтливо, какъ равный съ равнымъ. Освѣ-
домился новгородскій святитель объ Ильмариненѣ.
Митрофанъ отвѣчалъ, что это новая овца стада Хри-
стова, кроткая, послушная овца. Потомъ владыка
Макарій сталъ спрашивать, какъ и почему Митро-
фанъ избралъ сей великій, но и тяжкій путь и ка-
кимъ образомъ „освѣщаетъ онъ прегорчайшую пу-
стыню“. Митрофанъ все повѣдалъ владыкѣ. Сказалъ
онъ ему, что всегда искалъ уединенія и что еще въ
дѣтствѣ тяготѣлъ къ „дѣлу Божьему“; — сказалъ,
какой гласъ ему былъ свыше и, наконецъ, сообщилъ,
какъ онъ началъ проповѣдь среди лопарей. Завя-
залъ-де торговыя дѣла съ пастухами, а потомъ повелъ
рѣчь о Богѣ и жизни во Христѣ.

— Сталъ я имъ говорить о слѣпотѣ и дьяволь-
скомъ омраченіи; когда кротко говорилъ, а когда и
дерзновенно обличалъ ихъ. Такъ, сказывалъ я имъ
объ истинномъ Богѣ, въ Троицѣ славимомъ, о созда-
ніи міра, потомъ о разсѣяніи языковъ, объ Авраамѣ, отъ
невѣдѣнія познавшемъ Бога. Перешелъ я къ Моисею,
пророкамъ и царю-псалмопѣвцу. Я возвѣстилъ имъ о

воплощеніи Бога, о страстяхъ Господнихъ, о смерти, воскресеніи, вознесеніи, второмъ пришествіи...

— И внимали они тебѣ? — прервалъ его владыка, въ голосъ котораго зазвучала какая-то особенная нѣжность.

— Внимали, владыка, внимали! — отвѣчалъ восторженно Митрофанъ. — Я говорилъ далѣе забытымъ всѣми язычникамъ, что Вознесшійся сидитъ одесную Отца... Я говорилъ имъ о всеобщей смерти, — и внимали они, внимали! Я говорилъ имъ о воскресеніи мертвыхъ, о безконечномъ царствіи, — и внимали они, и очевидно было, что души ихъ смягчались и что слова: „безконечное царствіе“ вызывали въ нихъ чувство блаженства, неизъяснимо-сладкой отрады! Я говорилъ о страшныхъ мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ — и лопари содрогались, и лица ихъ темнѣли, и, казалось, на души ихъ ложились грозовыя тучи!..

Чѣмъ болѣе говорилъ Митрофанъ, тѣмъ восторженнѣе и торжественнѣе звучалъ его голосъ. Словно хвалебный хоръ пѣлъ. Словно радость изливалась чарующими звуками, — великая радость, затаенная всей глубиной сердца и души. И когда Митрофанъ рассказывалъ, — лицо его вспыхивало румянцемъ, а въ глазахъ точно зарницы отражались, сверкая... Онъ трепеталъ весь. И пріятенъ былъ ему этотъ трепетъ; онъ чувствовалъ, что въ этомъ трепетѣ выражается все его великое ликованіе.

Онъ кончилъ.

Владыка также молчалъ. Онъ какъ смотрѣлъ на рассказчика, такъ и остался. Восторгъ Митрофана сообщался и ему. Архипастыръ, видимо, сдавливалъ рыданія. Изъ горла его вылетали тихіе хрипящіе звуки. Но слезы были сильнѣе владыки — и онѣ заблистали на его добрыхъ, вдумчивыхъ, отражавшихъ такую же душу, глазахъ. Минуты двѣ-три или больше продолжалось молчаніе. Наконецъ, владыка очнулся

отъ очарованья и, медленно протягивая свою руку къ рукамъ Митрофана, сердечнымъ тономъ произнесъ.

— За коимъ дѣломъ, любимый братъ, ты пріѣхалъ сюда? Сказывай, авось, и я въ чемъ пособлю тебѣ. Знаю, что безъ нужды ты бы не поѣхалъ, не оставилъ бы своихъ сиротами.

Митрофанъ опустился передъ нимъ на колѣни и отвѣсилъ земной поклонъ. Ильмариненъ — тоже.

— До тебя нарочито, святой отче, и ѣхалъ я, — сказалъ Митрофанъ.

Владыка вновь усадилъ ихъ рядомъ съ собою и просилъ рассказать, что имъ угодно отъ него.

Митрофанъ сказалъ:

— Владыка святой, ѣхали мы къ тебѣ слезно умолять прислать въ пустыню прегорчайшую іерея, дабы онъ крестилъ увѣровавшихъ во Христа лопарей. Община наша стала значительна и требуетъ благоустройства. Тамъ, на мѣстѣ-то, нѣтъ іереевъ, чтобы приобщить увѣровавшихъ черезъ таинство крещенія къ церкви православной. Помози, владыка. А далѣ, благослови насъ на строеніе обители и на наемъ новгородскихъ плотниковъ.

Владыка обѣщалъ прислать іерея немедленно и далъ Митрофану грамоту благословенную на построеніе церкви. Благословилъ онъ „сѣверянъ“ и на наемъ плотниковъ, причемъ указалъ, какихъ и гдѣ нанимать.

Митрофанъ и Ильмариненъ воротились отъ владыки — сіяющіе. До вечеренъ пошли они по Новгороду — поглядѣть на все примѣчательное. Было надъ чѣмъ остановиться, было на что поглядѣть въ славномъ городѣ. Митрофанъ, само собой разумѣется, рассказывалъ своему спутнику, какое воспоминаніе связано съ тѣмъ ими другимъ мѣстомъ. Вотъ тутъ, на Ярославовомъ Дворищѣ, собиралось вѣче. Эна, высится, вѣчевая башня. Замолкъ вѣчевой колоколъ... Не позоветъ ужъ никого никогда его протяжный звонъ...

— А то еще близъ Новагорода, — дѣлился съ Ильмариненомъ Митрофанъ, — есть Городище. Тамъ — княжой дворъ, гдѣ живали новгородскіе князья.

— Далеко отъ города? — любопытствовалъ Ильмариненъ.

— Въ двухъ верстахъ.

— Поглядѣть бы!

— Пойдемъ.

И они побывали на быломъ княжомъ дворѣ, что раскинулся живописно на высотѣ — на зеленомъ холмѣ. Оттуда весь Новгородъ былъ виденъ, какъ на ладони — со всѣми башнями, кремлемъ, святой Софіею и неугомоннымъ сѣдымъ Волховомъ. Именитый городъ! Эва, Плотницкій, а эна — Словенскій конецъ. И всѣ девять башенъ грознаго дѣтинца (кремля). Будто муравейникъ, кишитъ Гостинный дворъ съ рядами: коженными, суровскими, хлѣбными, щепными.

— Отчего княжой дворъ не въ самомъ Новѣгородѣ? — спросилъ Ильмариненъ Митрофана.

Тотъ отвѣчалъ:

— Таковъ обычай. Князья новгородскіе не имѣли права жить въ самомъ городѣ.

— Отчего такъ?

— Чтобы не перечить вольницѣ.

Осмотрѣвъ мѣсто вѣча, Ярославово Дворище и побывавъ въ Городищѣ, Митрофанъ съ Ильмариненомъ побывали у вечеренъ, а на слѣдующій день отправились на Красное поле въ скудельничій монастырь. День спустя, довелось имъ итти за крестнымъ ходомъ въ Хутынъ.

Едва только начало разсвѣтать, едва только солнце зарумянило зеленныя верхушки окрестныхъ лѣсовъ и поплыло по кровлямъ новгородскимъ, вышелъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора и направился къ Владычнымъ водянымъ воротамъ. Въ утреннемъ воздухѣ, сквозь холодокъ, полилось церковное пѣніе.

Колокольный звонъ висѣлъ надъ дѣтинцемъ. Владыка Макарій прошелъ въ водяныя ворота и вышелъ къ волховскому берегу. На рѣкѣ выстроились насады *). Богоносы, владыка и духовенство вошли въ насады, въ одномъ изъ коихъ нашлось мѣсто и Митрофану съ Ильмариненомъ. Поплыли. Начался молебенъ. Оба волховскіе берега были запружены народомъ, благочестивымъ, богомольнымъ... Духовенство запѣло церковныя стихиры.

Въ половинѣ третьяго пополудни выходилъ крестный ходъ изъ Св. Софіи. И по мѣрѣ того, какъ плыли 10 верстъ до Хутины, утро занималось, занималось, изъ румянаго дѣлалось золотымъ. Солнечные лучи падали на Волховъ рѣку, на зеленые берега, на деревни и лѣса окрестные и золотили ихъ. И толпы текли за крестнымъ ходомъ въ ту же Хутынь, купаясь въ волнахъ колокольнаго трезвона. Говорили колокола на новгородскихъ колокольныххъ, говорили колокола со звонницъ монастырей Юрьева и Антоніева. Откликалась малиновымъ благовѣстомъ Хутынская звонница.

Молебное пѣніе лилось и лилось въ воздухѣ, замирая въ лѣсахъ, въ которыхъ подъ утреннимъ солнцемъ пернатые голосили столь-же торжественно, какъ-бы вторя человѣческимъ голосамъ. Народъ, что тянулся за крестнымъ ходомъ — берегомъ, подпѣвалъ клиру, и такимъ образомъ создавалось зрѣлище торжественное, великое, величественное. Оно умиляло, оно хватало за душу, до слезъ трогало.

Хорошо чувствовалось въ это время Митрофану. Ему казалось, что онъ не на землѣ, а въ небесахъ. Молитвословія, стройное пѣніе, восторгъ какой-то особенный, охватившій всѣхъ паломниковъ и нескрывае-

*) Насадами встарину назывались лодки на подобіе нынѣшнихъ паромовъ.

мый ими, все это такъ далеко отъ суетной земли, на которой выстроились города, хоть и красующіеся церквами, но погрязшіе въ мелкихъ расчетахъ и денежныхъ дѣлахъ. Ильмариненъ же совсѣмъ растерялся. Всего онъ ожидалъ отъ Нова-города—всякихъ дивъ и чудесъ, но этакое торжественнаго зрѣлища и благолѣпія лопарь и не чаялъ. Во вѣкъ онъ не забудетъ ихъ.

Онъ слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ, жадно ловилъ звуки клирнаго и народнаго пѣнія и отъ удовольствія плакалъ. О, будетъ что рассказать своимъ! Впрямь, жизнь москововъ и новгородцевъ не имъ чета.. Сколько пышности, величія! Богу молятся, Бога молятъ, Бога просятъ—безъ жертвъ, безъ кровопролитія, безъ того бѣснованія, которое неразлучно съ кебунскимъ моленіемъ. И, стало быть, Богъ слышитъ христіанскія молитвы и даетъ людямъ, если, на что ни посмотришь,—на всемъ виденъ отпечатокъ довольства, или красоты, или пышности.

Здѣсь народъ живетъ по иному, не по ихнему, лопарскому. Они, лопари, точно звѣри, на мху спятъ или въ вѣжахъ (палаткахъ) укрываются—въ духотѣ, нечистотѣ, тѣснотѣ. Опять таки, какъ звѣри. И подивиться не на что, и умилиться нечѣмъ, поучиться чему-либо не у кого. Вотъ только съ появленіемъ Митрофана прояснилась ихъ жизнь. Раскрылся смыслъ человѣческаго существованія; становится понятнымъ, почему именно человѣкъ—вѣнецъ творенія и созданъ быть царемъ природы.

Между тѣмъ насады подплыли къ Хутыни.

Изъ-за монастырскихъ воротъ выплываетъ пятиглавый храмъ Преображенія Господня. Заиграло солнце на главахъ и полукружійхъ его. Самимъ преподобнымъ Варлаамомъ построенный храмъ просуществовалъ около 312 лѣтъ, и такъ какъ онъ пришелъ въ ветхость, то въ 1515-мъ году освятили новый — по

грамотѣ митрополита московскаго и всея Россіи Варлаама.

Навстрѣчу новгородскому святителю вышелъ ху-
тынскій настоятель также съ крестами. Крестные ходы
сошлись и двинулись въ монастырь. Святитель благо-
словилъ не служащихъ съ нимъ пѣть молебенъ за
спасо-преображенскимъ соборнымъ алтаремъ.

За молебномъ шла литургія, во время которой нов-
городское духовенство перенесло кресты опять въ на-
сады, гдѣ готовилась также трапеза. Святитель, на-
стоятели монастырей и софійское духовенство трапе-
зовали послѣ литургіи въ монастырѣ. И тутъ Ильма-
риненъ видѣлъ, какъ они вкушали хлѣбъ богородич-
ный и подымалась чаша о Государевомъ многолѣтнемъ
здравіи и благоденствіи.

Послѣ стола, опять по Волхову, воротились въ
Новгородъ.

Митрофану и Ильмаринену понадобилось еще
нѣсколько дней, прежде чѣмъ они могли нанять
плотниковъ и выѣхать изъ Новгорода восвояси на
сѣверъ. Смастерили второй балокъ для плотниковъ.
Новгородскіе купцы пожертвовали—кто деньгами, кто
товаромъ, кто съѣдобнымъ. Боярскій сынъ Василій Ми-
хайловичъ Тучковъ подарилъ облаченія и далъ священ-
ныхъ книгъ, имъ писанныхъ. Владыка—архіепископъ
Макарій—благословилъ Митрофана грамотой, образами
и крестами для будущей церкви и новыхъ христіанъ.

Сдѣлавъ дѣло, Митрофанъ и Ильмариненъ покло-
нились святынямъ новгородскимъ, да и въ обратный
путь. Съ ними же выѣхали и плотники. Вздохнулъ
Ильмариненъ, когда выѣхали изъ Новгорода. Оглянулся
въ послѣдній разъ на древній городъ и не подавилъ
тяжелаго вздоха. Нелегко было очарованному всѣмъ
видѣннымъ лопарю разставаться съ такимъ мѣстомъ.
Онъ думалъ: „скажи теперь Митрофанъ: — останемся,
Ильмариненъ, въ Новѣгородѣ; будемъ доживать тутъ,

подлѣ святой Софен, вдали отъ выростившей тебя тундры, вдали отъ близкихъ, вдали отъ оленей и студенаго моря!—и я бы не задумался, въ ту же минуту согласился бы. Какъ тутъ хорошо! Боже ты мой, какъ хорошо тутъ!“ Сидѣвшіе рядомъ въ балкѣ плотники точно угадали его думу. Онъ вздохнулъ — они спросили: „о чемъ вздохнулъ, кого вспомнилъ?“ Ильмариненъ вздрогнулъ, вспыхнулъ. Глядитъ на всѣхъ виноватыми глазами. Тѣ продолжали: „аль Новый городъ пожалѣлъ?“ Ильмариненъ, опуская голову, тихо отвѣчалъ:

— И то. Какъ тутъ хорошо, не уѣхалъ бы отсюда вовѣкъ.

— Свой домъ - отъ лучше, — сказалъ плотникъ.

— Знамо, — добавилъ другой.

Митрофанъ молчалъ. Молчалъ и тогда, когда Ильмариненъ виновато взглянулъ на него.

Х. Обитель созидается.

Съ неопикуемой радостью встрѣтили лопари своего наставника. Митрофанъ разсказалъ имъ обо всемъ, что видѣлъ онъ съ Ильмариненомъ въ Новгородѣ, гдѣ побывали, какъ ихъ встрѣчали новгородцы. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали общинники Митрофана, дивились, восторгались; но толкамъ не стало конца, когда Ильмариненъ заговорилъ и поразсказалъ о Новгородѣ и новгородскихъ храмахъ такихъ чудесъ, какія имъ, кочевникамъ глухой тундры, никогда и во снѣ не снились.

— А это кто-же?—спрашивали лопари, указывая на плотниковъ, кафтанниковъ и сермяжниковъ, въ мягкихъ шапкахъ. — Купцы, что-ль? За товаромъ, знать, пріѣхали?

— Это плотники, искусники новгородскіе, — отвѣчалъ Митрофанъ. — Мы наняли ихъ построить намъ храмъ. Владыко новгородскій благословилъ и грамату далъ. Съ Богомъ примемся за святое дѣло.

И принялись. Закипѣла работа на Печенгѣ близъ океана студенаго. Новгородскіе плотники, общинники, самъ подвижникъ — всѣ отдались этой работѣ. Подъ рокоть океанскихъ волнъ, подъ шумъ ближайшаго падуна (водопада) спорилась она, нелегкая хотя бы ужъ потому, что на мѣстѣ не было матерьяла и бревна приходилось носить за двѣ версты. Стѣны храма воздвигали бревенчатыя. Митрофанъ не зналъ, каза-

лось, устали. Соблюдая строгій постъ, онъ самъ рубилъ деревья, строгалъ ихъ и носилъ на своихъ плечахъ на мѣсто стройки. Дивились всѣ—откуда у него, съ виду слабаго, такая сила берется и чѣмъ эта сила питается, поддерживается. Плотники—народъ закаленный и къ такой работѣ привычный,—а и тѣ нѣтъ-нѣтъ да и присядутъ отдохнуть... „духъ перевести“. Лопари съ благоговѣніемъ глядятъ на своего руководителя, просятъ его не слишкомъ утруждать себя,—никакія просьбы не дѣйствуютъ.

— Да вѣдь трудно тебѣ, непосильный ты трудъ взялъ на себя, наставникъ нашъ!—говоритъ Митрофану Ильмариненъ.

Увы, тотъ не внемлетъ.

— Долго-ль такъ-то дойти до полного изнеможенія,—продолжаетъ Ильмариненъ и глаза его съ мольбою смотрятъ на апостола.—Долго-ль заболѣть?

Другіе поддерживаютъ его.

Митрофанъ грустно качаетъ головой, какъ-бы сожалѣя, что они могутъ такъ говорить. Словно, въ его глазахъ, подобный трудъ—трудъ незначительный. Кто онъ?—Пчела, несущая медъ въ соты человѣческаго сознанія и самосовершенствованія. Пчела, молъ, не возьметъ ноши непосильной, которая-бы придавила ее или заставила раскаяться. И что его, Митрофанова, ноша въ сравненіи съ той, какую взялъ на себя Христосъ ради спасенія человѣческаго рода?—Пушинка.

Одновременно съ сооруженіемъ храма строилась и мельница для обителѣ. Подъ рукой не было жернововъ, достать ихъ можно было только въ Колѣ. И Митрофанъ отправился туда, чтобы купить жернова и на себѣ переносить потомъ къ устью Печенги, гдѣ строился храмъ.

— Умоляемъ, не трудись самъ!—взывали къ нему ученики. Митрофанъ отвѣчалъ:

— „Братія моя! не празднество веліе создано бытъ

всякому человѣку; иго тяжело на сынѣхъ Адамлихъ отъ дне исхода отъ чрева матери ихъ до дне погребенія въ мать всѣхъ. Уне бо тебѣ, Митрофане, на выи своей обѣсивъ осельскій камень носить, нежели братію праздностью соблазнять!“

И онъ ушелъ въ Колу, гдѣ купилъ жернова, одинъ изъ которыхъ и понесъ къ себѣ. Не взирая ни на крутые горные подъемы, ни на болота, ни на топи, онъ несъ жерновъ—голодный, жаждущій, но не потому, чтобы нечего было ѣсть и пить, а потому что исполнялъ данный имъ обѣтъ воздержанія. Потомъ онъ воротился въ Колу за другимъ жерновомъ.

Построеніе храма не мѣшало Митрофану продолжать проповѣдь христіанства среди лопарей и укрѣплять въ христіанствѣ обращенныхъ. Ночь—время отдыха послѣ трудового дня. Но Митрофанъ и ночью почти совсѣмъ не отдыхалъ: онъ или молился, или шелъ на проповѣдь. По горамъ и тундрамъ, утопая въ болотахъ, онъ переходилъ отъ кочевья къ кочевью, отъ шалаша къ шалашу и проповѣдывалъ лопарямъ Евангеліе. Ни непогода, ни сѣверный морозъ не останавливали его. Надо было претерпѣть—онъ претерпѣвалъ; надо было снести поруганіе—онъ терпѣливо сносилъ ради Христа Спасителя. И увеличивалъ и увеличивалъ семью сѣверныхъ христіанъ. Проповѣдь его до такой степени захватывала иныхъ лопарей, что они отрекались отъ міра и обѣщались уйти навсегда въ обитель, какъ только она будетъ отстроена. Поступали пожертвованія—скудныя и щедрыя,—Митрофанъ отсылалъ ихъ въ строящійся храмъ, ничего не оставляя себѣ—„нищему ради Христа“. Такимъ образомъ, пока обитель создавалась, она уже владѣла землями, озерами, оленями. Были уже и денежныя средства.

Близъ строящагося при устьѣ Печенги храма, во имя св. Живоначальной Троицы, Митрофанъ срубилъ себѣ келійку. Здѣсь, въ убогой обстановкѣ, онъ про-

водилъ часы въ молитвѣ и поучалъ всѣхъ, кто являлся къ нему за совѣтомъ, или оказывалъ помощь. Здѣсь онъ, оставшись наединѣ съ собою, думалъ крѣпкую думу и, можетъ быть, неоднократно заглядывалъ впередъ, предугадывая судьбу основанной имъ обители. И не разъ, можетъ быть, омрачалось чистое чело его, когда сквозь тьму грядущаго вырисовывалась кровавая ночь подъ Рождество 1589 года. Онъ предвидѣлъ эту ночь. Онъ предвидѣлъ, что многіе въ его обители „падутъ подъ остріемъ меча“ и въ то же время зналъ, что „сильный Богъ“ возстановитъ обитель. И не плакалъ-ли онъ въ своей убогой кельѣ, прозорливый?

Между тѣмъ, край, до сего времени дикій, пустынный, безжизненный, принималъ уже новый видъ. „Благодатію Божіею, — какъ сказалъ препод. Максимъ Грекъ, — многіе иновѣрные обратились въ православную вѣру. Прежде того они жили, какъ звѣри, въ непроходимыхъ пустыняхъ, въ пещерахъ и разсѣлинахъ, не имѣя ни храма, ни необходимаго для жизни, питаясь животными, звѣрями, птицами, морскими рыбами, и кто что ловилъ, тѣмъ и торговалъ, а теперь православіе распространилось до г. Варгава; устроенъ частный монастырь, и собралось большое братство иноковъ на Печенгѣ, близъ моря“. А самъ Митрофанъ представлялъ какъ-бы солнце этой убогой страны. Кроткій, самоотверженный труженикъ, онъ сіялъ нравственною чистотою и смиреніемъ; святость жизни и сила его вѣрующей души были настолько велики, что дикіе звѣри безмолвно повиновались его слову. Однажды, замѣсивъ хлѣбъ, онъ вышелъ изъ кельи. Въ келью же вошелъ медвѣдь и сталъ ѣсть находившееся въ квашнѣ тѣсто. Возвратившись и увидя медвѣдя, Митрофанъ сказалъ медвѣдю: „Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Богъ мой, повелѣваетъ тебѣ выйти изъ кельи и стоять смирно“ *). Медвѣдь вышелъ

*) Иеромонахъ Никодимъ: «Преподобный Трифонъ».

и сталъ у ногъ преподобнаго. Митрофанъ взялъ вѣтвь и сталъ бить ею звѣря, говоря при этомъ: „во имя Іисусъ Христово даю ти многи раны, яко грѣшному“. Наказавъ звѣря и запретивъ ему впредь подходить къ обители, старецъ отпустилъ его въ пустыню. Съ того времени медвѣди никогда никакого вреда не дѣлали ни оленямъ, ни другимъ животнымъ обители.

Въ бытность мою въ Печенгскомъ монастырѣ, въ 1901 году, я спросилъ у от. казначея, заходятъ-ли теперь медвѣди въ обитель.

Монахъ даже обидѣлся:

— Какъ же они могутъ заходить, если преподобный не приказалъ. Лисицы иногда посѣщаютъ, волкъ забѣгалъ, вылъ, а медвѣдямъ нельзя ходить.

Впрочемъ, — говорили, — въ недавнее время, когда рѣшено было возстановить монастырь на прежнемъ мѣстѣ, — въ колоніи Баркино, — медвѣди появились неожиданно. Предложили власти колонистамъ переселиться на другое мѣсто, тѣ отказались; имъ въ другой разъ предложили, — опять не желаютъ; тогда медвѣди собрались изъ разныхъ мѣстъ и давай допекать упрямыхъ. У одного колониста корову задерутъ, у другого — ягненка утащатъ, — такъ и выжили. И опять ушли невѣдомо куда.

Построенъ, наконецъ, храмъ во имя св. Живоначальныя Троицы. Но протекли три года, прежде чѣмъ освятили его. То и дѣло Митрофанъ навѣдывался въ Колу, не прибылъ-ли іереи по указу новгородскаго владыки. Іереи не пріѣзжали. Наступилъ 1533 годъ. Просинецъ (январь) переломился уже, а все нѣтъ да нѣтъ священника. Наконецъ, почти передъ самымъ сѣченемъ (февралемъ) Митрофанъ, придя въ Колу, встрѣтилъ тамъ іерея. Низко поклонившись ему, Митрофанъ сталъ звать іерея Ілію на Печенгу. Онъ говорилъ ему, что вотъ уже три года прошли, какъ тамъ построенъ храмъ и стоитъ неосвященный, и новые

христіане тщетно ждуть церковнаго торжества... Ілія отправилися съ Митрофаномъ на Печенгу и перваго февраля крестилъ лопарей, освятилъ церковь, а самого Митрофана постригъ въ монашество подъ именемъ Трифона.

Такъ было положено начало Печенгской обители, значеніе которой для сѣвернаго Русскаго края неизмѣримо велико. Не оцѣнить словами то, что сдѣлалъ пришедшій изъ Торжка подвижникъ. Для этой оцѣнки немогущъ нашъ языкъ. Историки дальней обители многое уже сказали съ цѣлью выясненія слѣдовъ церковнаго и просвѣтительно-культурнаго вліянія Трифоновой обители на Кольскомъ полуостровѣ. Какъ ни бѣдна была, — говорить одинъ изъ историковъ, — болѣе или менѣе видными событіями исторія Печенгской обители, тѣмъ не менѣе эта обитель съ успѣхомъ выполнила многое въ пользу родной земли.

Созидаая Печенгскую обитель, преп. Трифонъ полагалъ твердое основаніе и опору для распространенія православія на Кольскомъ полуостровѣ. Крестивъ лопарей, преподобный ввелъ этотъ народъ въ лоно православной церкви. А основанная имъ обитель, за все время своего существованія, была имъ какъ-бы матерью; объ этомъ краснорѣчиво говоритъ грамота царская (7115 г. 9 декабря на имя игумена Ефрема): „Монастырь Живоначальной Троицы сталъ въ лоно въ дикой для крещенія лопскаго. А приходятъ въ тотъ монастырь лопяне и нѣмцы, крестятся и стригутся многіе нужные люди, и коли голодъ бываетъ и приходятъ къ нимъ кормитись многіе люди и лопяне и самоѣды въ монастырь“. Обитель была источникомъ свѣта Христова и питательницею для обездоленныхъ. А то, что лопари и донинѣ всѣ православные (хотя имъ легко было подпасть вліянію католицизма и протестантизма) и свято чтутъ память преп. Трифона, ясно говоритъ, что Печенгскій монастырь закончилъ дѣло преп. Три-

фона въ этомъ отношеніи. Преподобный крестилъ лопарей, а его обитель утвердила ихъ въ православіи.

По словамъ другого историка, когда преподобный Трифонъ основалъ на Печенгѣ свою обитель, нашлось много желающихъ потрудиться тамъ подъ его руководствомъ, такъ что къ концу его жизни число монастырской братіи возросло до 100 человѣкъ. Извѣстно, что во всѣ вѣка, начиная съ насажденія православной вѣры на Руси, пустыня съ неудержимою силою влечетъ къ себѣ благочестивыя души, ищущія спасенія и равноангельскаго житія. И недивно: человѣку, удрученному житейскими скорбями и невзгодами, уловляемому сѣтью мірскихъ соблазновъ и искушеній, волнуемому грѣховными помыслами, вожделѣніями и страстями, какъ и слабому и скорбному духомъ грѣшнику, желающему обрѣсти миръ съ собственною совѣстью и милость отъ небеснаго Судіи и Мздовоздателя, пустыня—тихая, желанная пристань, куда удаляются люди, по выраженію псалмопѣвца, *въ чашии Бога, спасающаго отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54, 9). Нельзя указать болѣе пригоднаго мѣста для монашескихъ подвиговъ покаянія и поста, терпѣнія и самоотверженія и въ то же время для развитія укрѣпленія въ себѣ дара молитвы, возвышающейся до пламеннаго рвенія немолчно славить Бога во псалмѣхъ и пѣніяхъ и пѣснѣхъ духовныхъ, и въ молитвахъ и славословіяхъ почерпать для себя утѣшеніе и мирное, свѣтлорадостное настроеніе духа и обновленныя силы для благочестивой жизни. Послѣ всего сказаннаго понятны становаются слова глубоко поучительной церковной пѣсни: „пустынныхъ непрестанно божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ“ (Октоихъ, степенна, антифонъ 1-го гласа). Вотъ почему древніе отцы и между ними преподобный Трифонъ избирали для своихъ иноческихъ трудовъ и для устроенія иноческихъ обителей мѣста уединенія, удаленія отъ

суеты и треволненій міра. Вотъ почему преимущественно пустынные монастыри прославились и славятся и строгою иноческою жизнію, и умиляющимъ духъ стройнымъ, благолѣпнымъ церковнымъ чиномъ и служеніемъ, многими и долгими молитвами за живущихъ и умершихъ. Таковы монастыри св. горы Аѳонской и у насъ въ Россіи Валаамскій, Соловецкій и другіе.

Многое, сказанное о Печенгской обители, однако, не выясняетъ всецѣло ея значенія. Года, будущее дополнять устами новыхъ историковъ то, что произнесли прежніе бытоописатели сѣверной святыни. Итакъ, 1-го февраля 1533 года въ „прегорчайшей пустынѣ“ происходило духовное торжество. Подобнаго ему еще не было тамъ. Новые христіане съ умиленіемъ молились Богу, въ храмѣ передъ иконами святыхъ, лики которыхъ озарялись возжженными свѣчами. И дымъ кадильный носился, какъ фиміамъ, наполняя ароматомъ храмъ. Ароматъ этотъ проникалъ въ души крещеныхъ лопарей и, такъ сказать, сдувалъ съ нихъ послѣднюю пылъ языческаго существованія. Митрофанъ, теперь уже не Митрофанъ, а инокъ Трифонъ, пѣлъ и читалъ, и своимъ примѣромъ благочестія увлекалъ всѣхъ. Глядя на него, всѣмъ становилось еще отраднѣе; всякій чувствовалъ себя счастливымъ какимъ-то особеннымъ, неизвѣданнымъ до этого времени счастьемъ. Трифонъ ликовалъ, можетъ быть, больше всѣхъ. И какъ было не ликовать ему, если сбылось наконецъ то, къ чему онъ такъ стремился, если сбылась мечта его юношескихъ лѣтъ, и свѣтъ христіанства озарилъ десятки человѣческихъ душъ! Сѣверъ осіянь! Сѣверъ пробужденъ! Мракъ язычества разсѣивается! Надъ тундрой слышится слово: Христосъ! Разрушены жертвенники кебуновъ, и сами они либо удалились невѣдомо куда, посрамленные, либо познали всю ложь своего положенія, всю несостоятельность своего ученія и увѣровали въ Распятаго. Давно-ли только шумъ океана да

страшный говоръ его волнъ, вздымаемыхъ бурей, оглашали эти мѣста? Давно-ли только „плачъ“ бѣлой чайки нарушалъ тишь, мертвую тишь тундры, затерявшейся среди горъ, а теперь ...чу! звучить хвала, честь и благодареніе Царю царей, Владыкѣ неба и земли. Точно сквозь пологи тучъ, распахнувъ ихъ края, солнце выглянуло и согрѣло землю, и освѣтило горы, и шепнуло людямъ, чтобы они стали совершеннѣе и старались разгадать, въ чемъ смыслъ ихъ жизни. Отнынѣ уже не царить мраку! Прошлое не возвращается. Свѣтъ, начавшись у печенгскаго устья, разольется по всему великому сѣверному краю, и никто уже и ничто не заглушить благовѣста колоколовъ печенгско-монастырской звонницы...

Если Митрофанъ еще принадлежалъ міру, то Трифонъ былъ уже чужой для него. Иноку чужды всѣ мірскія блага, радости и невзгоды. Онъ живетъ духомъ въ небѣ и всецѣло угождаетъ Богу. Для него уже нѣтъ міра. И теперь Трифономъ овладѣло одно желаніе, именно: устроить обитель. Устроеніе святыни — вотъ чему онъ долженъ теперь посвятить себя. Это необходимо для того, чтобы свѣтъ, проливаемый обителью, не гасъ, не заходилъ, вотъ такъ же не заходилъ, какъ не закатывается солнце съ мая по августъ, когда тамъ стоитъ постоянный день. Обитель должна быть такимъ постояннымъ днемъ послѣ царившей здѣсь въ продолженіе вѣковъ ночи язычества. Но при этомъ Трифонъ ни за что не хотѣлъ стать во главѣ обители. Игуменство не соотвѣтствовало его смиренію. Онъ считалъ себя не равнымъ, а тѣмъ паче не большимъ среди всѣхъ, но послѣднимъ, меньшимъ. Онъ умалиалъ себя. И смиренный инокъ уже намѣтилъ игумена для созданной имъ обители. Но если являлась надобность къ игуменѣ, значить были иноки? Да, были.

Послѣ того какъ новгородскій іерей Ілія крестилъ лопарей, они стали приносить въ даръ обители мно-

гое, если не все, изъ того, что имѣли. Не побуждаемые къ этому никѣмъ, кромѣ своего внутренняго голоса, лопари отдавали лишнее, оставляя себѣ самое необходимое. Оленьи стада приводились къ священнымъ стѣнамъ и посвящались Богу; озера и рѣки, кишѣвшія рыбой, дарились новому храму. У кого были деньги, тотъ несъ деньги. Словомъ, у лопарей не оказывалось ничего, чего бы они жалѣли. Да и какъ могли они цѣнить рыбныя ловли, деньги или оленьи стада, если самихъ себя посвящали на служеніе Богу въ міра? Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ по крещеніи, многие изъ нихъ постриглись въ монашество и, такимъ образомъ, уже на первыхъ порахъ существованія Печенгской обители образовалась братія. Ильмариненъ принялъ христіанское имя Петра. Это имя далъ ему Трифонъ. Петръ означаетъ: камень, т. е. твердый въ вѣрѣ. И Ильмариненъ имѣлъ право назваться такимъ именемъ, потому что, дѣйствительно, какъ пошелъ онъ за Митрофаномъ, такъ уже и шелъ бодро, твердо, убѣжденно. И другихъ убѣждалъ онъ отречься отъ заблужденій и согрѣть себя свѣтомъ христіанства.

Ильмариненъ вступилъ въ число братіи и все, чѣмъ онъ владѣлъ, отдалъ обители.

— Миѣ ничего не надо, — говорилъ онъ.

Если бы сокровища и богатство, нужны были для человѣческаго благополучія, то тогда бы Трифонъ не разставался съ ними, и все, что ему дарили, оставлялъ-бы себѣ, а онъ, межъ тѣмъ, ничего себѣ не оставляетъ, но все отдаетъ обители. И въ Писаніи сказано, что трудно богатому войти въ царствіе небесное. А мы-ли не въ него стремимся?

Трифонъ, принимая дары, благодарилъ жертвователей и пояснялъ имъ, что всякое такое доброе дѣло будетъ зачтено имъ Верховнымъ Судіей; при этомъ, онъ установилъ, чтобы всѣхъ благотворителей поминали о

здравіи; если же случалось, что дары поступали въ обитель послѣ смерти жертвователя, въ такомъ случаѣ имя его заносилось въ синодикъ и поминалось за упокой.

Оставалось избрать игумена.

Братія, само собой разумѣется, просила подвижника и апостола сѣвера принять на себя управленіе обителью, но Трифонъ отказывался.

Его стали умолять.

Онъ тогда сказалъ:

— Мнѣ-ли, грѣшному и худшему изъ васъ управлять вами!

— Желаемъ, Трифоне, чтобы ты управлялъ нами! — отвѣчали всѣ.

— Нѣтъ, трижды нѣтъ, братіе, — отвѣтилъ онъ твердымъ голосомъ. — Недостойнъ я править слово истины. Это выше моей мѣры.

— Кому же тогда игуменствовать?

— Сей достойнъ.

И смиренный инокъ указалъ на своего ученика Гурія.

— Гурій да будетъ начальникомъ вашимъ.

Никакія просьбы и мольбы не могли повліять на Трифона. Онъ оставался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи быть простымъ инокомъ; такимъ образомъ, безвѣстному дотолѣ Гурію суждено было сдѣлаться первымъ игуменомъ далекой сѣверной обители, вѣсть о которой вскорѣ разнеслась по всему Русскому государству. Но оно уже и въ ту пору было значительно, а потому вѣсть не сразу охватила его, а охватывала постепенно, какъ пламя на большомъ пожарищѣ охватываетъ сосѣднія съ горящими стройки. Въ обителяхъ Русской земли молвь пошла о новой святынѣ. Имя ея основателя, Трифона, уже давно стало извѣстнымъ даже въ глухихъ углахъ, благодаря тому, что калики-перехожіе и чернецы, странствуя по отечеству, захо-

дили и въ холодную, т. е. сѣверную, даль. И они разносили по городамъ и весямъ славу о сѣверномъ подвижникѣ. Среди этихъ каликъ и чернецовъ бывали и такіе умудренные годами старцы, которые помнили еще Трифона-юношу, когда онъ пѣвалъ на клиросѣ въ торжковскомъ храмѣ, за обѣдней, всенощной или утреней. У такихъ въ сказаніяхъ недостатка не было.

Всѣхъ ближе изъ обитателей къ Печенгской — Соловки. До нихъ скорѣе всего и извѣстія доходили отъ устья Печенги. Когда былъ освященъ храмъ во имя Св. Троицы, взоры соловецкой братіи обратились къ новой обители и многихъ сталъ влечь къ себѣ величавый своей добродѣтелью образъ Трифона. Одни изъ соловецкихъ монаховъ отправились на поклоненіе вновь возникшей святыни, другіе затѣмъ, чтобы навсегда поселиться въ „Печенгѣ“. Въ числѣ послѣднихъ былъ іеродіаконъ Θεодоритъ. Его благочестивая душа искала болѣе суроваго, чѣмъ Соловки, убѣжища; ей хотѣлось еще болѣе суровыхъ, чѣмъ совершенные до этого времени, подвиговъ; Θεодоритъ хотѣлъ перемѣнить Соловки на Печенгу еще и потому, что она нуждалась въ устройствѣ, и каждый грамотный инокъ былъ для нея особенно цѣненъ, такъ какъ являлась надобность въ переводѣ молитвъ и священныхъ книгъ на лопарскій языкъ. А іеродіаконъ былъ не только инокомъ высокой жизни, а грамотнымъ, начитаннымъ. Пребываніе въ Соловкахъ научило его лопарскому языку. Θεодоритъ испросилъ благословеніе у своего игумена и удалился на Печенгу. Съ радостью принялъ его Трифонъ и вдвоемъ они принялись за переводъ церковныхъ книгъ.

Въ то же время со всей Руси стали стекаться въ Печенгскую обитель калики, богомольцы, чернецы. Впервые надъ дикимъ просторомъ лопарской тундры послышалось пѣніе духовныхъ стиховъ — стройное, проникновенное пѣніе. И печенгская братія, и просто

лопарь-христіане внимали ему съ сладостнымъ замираніемъ сердца. Пѣніе переносило однихъ въ Новгородъ или Москву, именно тѣхъ, кто тамъ бывалъ, другихъ знакомило съ красотой христіанскаго пѣнія. Въ промежуткахъ, между церковными службами, калики и чернецы захожіе садились въ рядъ или въ кругъ и пѣли. Сердце радостно трепетало отъ такого пѣнія. Ухо слушателя не хотѣло разставаться со словами, которыя, однако, замирали, чтобы уступить мѣсто другимъ.

Любимая моя мати,
Прекрасная пустыня!
Ты пріими меня, пустыня,
Яко мати свое чадо,
Научи меня, пустыня,
Волю Божію творити,
Приведи меня, пустыня,
Въ небесное царство!

Развѣ пустыня лучше мірскаго житія? Развѣ „міръ“ не приведетъ въ небесное царство? Или, кромѣ какъ въ пустынѣ, нельзя ужъ и спастись?—Трудно на землѣ спастись среди людей, отъ которыхъ правда отвернулась и пошла на небеса. Кривда осталась на землѣ. И царитъ она, хоть и сказано:

Кто будетъ кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Господа:
Та душа не наслѣдуетъ
Себѣ царства небеснаго;
А кто будетъ правдой жить,
Тотъ причаинный ко Господу:
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное.

Да, не живетъ человѣческій родъ по заповѣдямъ Господнимъ, а межъ тѣмъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все приближается и приближается Судъ Божій. Гляди, ужъ и скоро, — пѣли калики, — архангелъ Михаилъ вострубитъ:

И первый онъ разъ вострубить—
И души въ тѣлеса пойдутъ;
Второй разъ онъ вострубить—
Отъ гробовъ мертвы встаютъ;
И третій разъ вострубить—
Всѣ на судъ Божій пойдутъ.

Всѣ на судъ Божій пойдутъ и придутъ. И что, вѣдь, должны пріять тѣ, кому скажетъ Праведный Судія:

Вы воли Господней не творили,
За крестъ, за молитву не стояли,
Вы нищую братію обиждали,
Вы другъ друга не любили,
Заповѣдь Божью преступали:
Меня Христа не поспѣтили,
Вы нагого не одѣли,
Вы босого не обули,
Вы гладнаго не накормили,
Жаднаго (жаждущаго) не напоили.

Что должны такіе пріять? Что примутъ? Что? Зато легко будетъ нищей братіи, потому что она въ земной юдоли имя Христово носила. Лазарь спасется, ибо убогъ былъ и болѣзнями угнетаемъ. Алексѣй Божій человѣкъ будетъ возвеличенъ тамъ — въ надзвѣздной сторонѣ, такъ какъ на землѣ былъ нищимъ. Въ худую ризу облачился, роздалъ все свое княжеское достояніе неимущимъ, самъ сдѣлался нищимъ, дабы лучше „усерднѣе“ Богу потрудиться.

Калики приходили и уходили. Но чернецы не всѣ уходили. Иные изъ нихъ, добравшись до Печенги, просили Трифона благословить ихъ на иночество въ его монастырѣ. И, получивъ благословеніе, оставались, разставшись такимъ образомъ, съ недавнимъ прошлымъ. Благодатный югъ, съ его благоухающими степями, синими задумчивыми ночами и красотами, промѣнивали на угрюмый сѣверъ. Изъ шумныхъ городовъ съ горделивыми палатами и хоромами и съ величественными храмами, изъ этихъ городовъ, гдѣ все ласкаетъ глазъ

п, казалось бы, много пріятнаго для души и тѣла,— и оттуда уходили въ холодную даль, въ бѣдную обитель.

Обитель, какъ мать дѣтей, всѣхъ принимала пріятливо, тепло. Являлись труждающіеся, обремененные, ищущіе успокоенія душевнаго — и „Печенга“ облегчала и успокаивала ихъ. Число братіи, естественно, все возрастало. Трифонъ былъ какъ свѣточъ для нея. Онъ окрылялъ упавшій духъ однихъ, наставлялъ другихъ, служилъ примѣромъ истиннаго подвижничества для третьихъ. И продолжалъ проповѣдь, уходя къ лѣзвникамъ — лопарямъ. Но вдругъ братія слышитъ, что апостолъ на время оставляетъ ее. Печали ея нѣтъ границъ.

Зачѣмъ понадобилось Трифону вновь покидать Печенгу?

Голодъ начался на сѣверѣ и не въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а охватилъ весь край. Морозы, стоявшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, побивали посѣвы. Лапландія и смежныя съ нею мѣста должны были погибнуть: населенію грозило вымирание! И вотъ Трифонъ, чтобы спасти лопарей отъ очевидной гибели, идетъ на сборъ въ новгородскую область. Съ нимъ нѣсколько иноковъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, и Петръ, бывшій Ильмариненъ.

Отслуживъ молебенъ, Трифонъ съ иноками попрощались съ остающимися въ обители и вышли на новый путь любви къ ближнему. Не пышно выѣзжали они изъ Лапландіи, а выходили въ видѣ нищихъ — смиренно. Любовью къ брату горѣли ихъ души и эта святая любовь придавала силъ имъ и дѣлала тяжелый путь легкимъ и пріятнымъ. Опять новгородская область раскрывается передъ ними. „Ужель я опять увижу великъ Новый городъ?“ — думалъ Петръ и имъ овладѣвала радость.

Спутникамъ изъ тѣхъ, которые еще не видали вѣ-

чевого города, онъ рассказывалъ о немъ, задыхаясь отъ удовольствія. Трифонъ мало разговаривалъ: онъ какъ будто весь ушелъ въ себя. Онъ, можетъ быть, незаметно для другихъ молилъ Бога вложить большую отзывчивость въ сердца имущихъ. И въ головѣ его тѣснились воспоминанія изъ прочитаннаго. Ему вспоминался Іосифъ, который прокормилъ цѣлый Египетъ, когда эту страну поразили голодъ.

XI. Любовь къ ближнему.

Въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ разсказъ, никакое народное бѣдствіе не происходило неожиданно. Народъ чаялъ чего-нибудь недобраго послѣ того, какъ являлось предзнаменованіе. А предзнаменованія являлись нерѣдко. Перелистывая отечественную исторію на протяженіи двухъ-трехъ столѣтій, то и дѣло наталкиваешься на эти знаменія. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, сверхъ всякихъ мнимыхъ ужасовъ, страшному голоду въ княженіе великаго князя Мстислава (XII столѣтіе) предшествовали солнечныя затменія и легкое землетрясеніе въ южной Россіи. Передъ нашествіемъ татаръ, или закрѣпленіемъ такъ называемаго монгольскаго ига, были ужасныя предзнаменованія: „Явилась комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю показывалась на западѣ, озаряя небо лучомъ блестящимъ. Сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись, густыя облака дыма затмевали свѣтъ солнца; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыми на землю. 3 мая 1230 года произошло землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменные церкви разсѣдались. Черезъ 10 дней—необыкновенное затменіе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрешили народъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего, стонали на улицахъ и прощались другъ

съ другомъ. Десятилѣтнее княженіе Андрея, сына св. Александра Невского, сдѣлало весьма много зла отечеству—и это княженіе сопровождалось явленіями воздушными и небесными, обыкновенно страшными для народа. Появилась „славная“ комета, были вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сильные пожары. Въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу, отчего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и скотъ“. Въ частности, Новгородская область и самъ „господинъ Великій Новгородъ“ были очень часто посѣщаемы голодомъ. Голодъ обрушивался на нихъ всѣмъ своимъ ужасомъ и что тогда испытывало населеніе, это легко понять изъ описаній, оставленныхъ намъ знаменитымъ историкомъ.

Въ голодный 1128 годъ осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копѣекъ. Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скитались, какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ, трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, а наемники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ иноземныхъ. Въ голодное время 1215 года въ Новгородѣ четверть ржи стоила около 3 руб. 60 коп. нынѣшними деньгами, овса—рубль семь копѣекъ, возъ рѣпы—два рубля 86 копѣекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору; отдавали дѣтей всякому, кто хотѣлъ ихъ взять, томились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на съѣденіе псамъ... Жестокій морозъ 14 сентября 1230 г. побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: за четверть ржи платили въ Новгородѣ пять

гривень или около семи нынѣшнихъ рублей серебромъ, за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 р. 65 к. Хотя жители славились богатствомъ, но такая неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался, по крайней мѣрѣ, уменьшить дѣйствіе его. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скорого погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы и въ короткое время схоронилъ 3,030.

Время текло.

Но голодъ и моръ, между тѣмъ, свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра, или семь гривень кунами. Бѣдные ѣли мохъ, жолуди, сосну, ильмовый листъ, собакъ, кошекъ и даже трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ, но эти злодѣи были наказаны смертію. Другіе, въ отчаяніи, зажигали дома гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили ихъ, а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было насчитано до 42.000; на улицахъ, на площади, на мосту голодные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слышать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. „Не было жалости въ людяхъ,—говорить лѣтописецъ,—„казалось, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любить. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣба“ (Карамзинъ). Трехъ этихъ картинъ голодовокъ достаточно для того, чтобы представить весь ужасъ, всю отчаянность положенія населенія. Подробности вездѣ почти одни и тѣ-же, но тѣмъ внушительнѣе и страш-

нѣе онѣ. Повторяется одно и то же: трупы, трупы, трупы... Живые, похожіе на тѣни, ѣдятъ мохъ, кору, листья, собакъ, кошекъ и даже человѣческое мясо. Въ воздухѣ зараза. Кругомъ стоны, плачь, вопли. Безсиліе передъ борьбой съ „попущеніемъ“, цѣпи рабства, въ которыя заковываютъ родители своихъ дѣтей, лишь-бы они остались живы, лишь-бы ихъ не постигла участь тѣхъ, чьи трупы, вонь, треплютъ голодные псы...

Въ то время печатное дѣло было только въ зародышѣ. Газетъ не существовало и извѣстія не могли передаваться изъ конца въ конецъ Россіи съ быстротою птичьяго полета; но „языкъ доводилъ до Кіева“, и языкъ предковъ передавалъ потомкамъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, бывальщину, старь, все изжитое ими и ихъ предками. Въ монастырскихъ келіяхъ, скудныхъ, темныхъ, сѣдовласые иноки записывали передъ лампадой „земли родной минувшую судьбу“, оставляя свои хартіи для тѣхъ, кто не боится архивной пыли и любитъ разбирать пожелтѣвшіе листы. Перехожіе-калики дѣлились съ „медвѣжьими“ углами, забредая въ ихъ глушь, новостями, припасенными по пути—отъ самой дальней окраины какой-нибудь. Трифонъ, живя еще въ Торжкѣ, совсѣмъ юнымъ, не могъ, конечно, не слышать о народныхъ бѣдствіяхъ, хотя и давнихъ, но живущихъ въ памяти народа. Отецъ, старики, монахи—все могли рассказывать ему о грозной, страшной бывальщинѣ, и чуткій къ чужому горю Трифонъ, естественно, не могъ оставаться равнодушнымъ. Онъ пылалъ любовью къ ближнему своему, и если эта любовь не могла выразиться иначе, кромѣ какъ однимъ только сочувствіемъ, въ Торжкѣ, то теперь она имѣла возможность выразиться на дѣлѣ. Тогда слово, теперь дѣло. И теперь она является истинно-великой, ибо знаменуетъ собою вѣру, а вѣра безъ дѣла мертва.

Поразившій весь сѣверъ голодъ воскресилъ въ

памяти подвижника тѣ ужасныя картины, которыя рисовались ему въ дѣтствѣ отцомъ и переходжими-ка-ликами. „Значить опять,—думалъ Трифонъ,—несчастливымъ умирать со стонами, съ мученіями. Значить, опять сѣверяне должны продавать въ рабство своихъ дѣтей, лишь-бы тѣ остались живы. Опять они вынуждены будутъ ѣсть мохъ, древесную кору, собакъ и кошекъ. О, Господи, помилуй и спаси! Не попусти, Всеблагій!“ Оставаться въ обители и спокойно смотрѣть на приближающійся призракъ голода онъ не могъ.

Это было выше его силъ.

И вотъ почему Трифонъ разстался со своимъ ста-домъ. Онъ призванъ пасти овецъ Христовыхъ, но развѣ онъ также не призванъ и спасать погибающихъ или обреченныхъ на гибель? И кто-же изъ христіанъ, вообще, не обязанъ спасать тонущаго въ морѣ житейскомъ? Кому разрѣшается отвернуться отъ брата, взывающаго о помощи? Никому!

Легче предупредить болѣзнь, чѣмъ потомъ лечить ее, потому что болѣзнь входитъ золотниками, а выходитъ пудами; равнымъ образомъ, легче побороть первые приступы голода, чѣмъ одолѣть его, когда онъ разрастется и, расправивъ крылья, станетъ мощно летать туда и сюда, унося свои многочисленныя жертвы...

Уходя изъ Печенгской обители за сборомъ подаяній, Трифонъ взялъ съ собою иноковъ для того, чтобы все собранное немедленно отсылать съ ними нуждающимся. Вотъ они идутъ по пути въ Устюгъ Великій.

— Бывало, иначе онъ назывался.

— А какъ именно?

— Гладѣнь.

— Великій, ишь!

— Какъ Ростовъ али Новый городъ!

Устюгъ Великій расположился съ 1212 года на Черномъ прилуки и вотъ онъ сіяетъ и красуется храмами и кипитъ, какъ котелъ, торговлею. Сюда-то, три

вѣка тому назадъ, пришелъ изъ нѣмецкой земли человѣкъ и, принявъ православіе, принялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Христа ради образъ юродиваго. Это былъ Проконій. При немъ, рассказываютъ, приближалась къ Устюгу каменная туча. Страхъ обуялъ городъ. Господь, однако, не попустилъ: верстахъ въ 20-ти отъ Глядѣня туча разразилась надъ дремучимъ лѣсомъ...

Тутъ чудо совершилось.

Въ Успенскомъ соборѣ икона Благовѣщенія Божіей Матери источила миро.

— Диво-дивное!

— Еще-бы, не диво!..

Въ то время, которое описываемъ мы, Устюгъ цвѣлъ. Къ нему съѣзжались „гости“ заморскіе, привозили они свои товары, а увозили за сине-море—мѣстные. Городъ богатѣлъ, и такъ какъ этому способствовали иноземные купцы, то они пользовались особеннымъ почетомъ и уваженіемъ устюжанъ. Для нихъ городъ отвелъ мѣсто. Въ „Нѣмчиновомъ ручьѣ“, возникла слобода.

Трифонъ зналъ, что русскіе купцы добротою отличаются и, разъ дѣло касается братской помощи, откликнутся на нужду. Притомъ голодъ вѣдь грозитъ тѣмъ самымъ лопарямъ, съ которыми имъ, устюжанамъ, приходится вести торговля дѣла споконъ-вѣка. Лопари—народъ честный. Не помочь имъ—значить лишиться навсегда хорошихъ людей и прервать сношенія съ тѣми, кѣмъ нельзя не дорожить. Трифонъ имѣлъ въ виду немедля отослать все собранное въ Устюгъ домой для раздачи нуждающимся.

И онъ не ошибся въ расчетѣ на устюжанъ. Дѣйствительно, на помощь сѣверянамъ, по зову его, откликнулись не только купцы русскіе и „нѣмчины“, а вообще горожане, у которыхъ что-либо имѣлось.

„Съ міру по ниткѣ — голому рубаха“. Такъ и здѣсь. Собралось пожертвованій всякаго рода столько,

что можно было отослать съ ними двухъ иноковъ, давъ имъ оленей. И Трифонъ благословилъ иноковъ и отправилъ въ родныя мѣста обратно. Сказалъ онъ, какъ распредѣлить пожертвованія, присовокупивъ утѣшеніе, чтобы несчастные не отчаивались, а, уповая на милосердіе Божіе, ожидали дальнѣйшихъ его, Трифона, посланцевъ.

Иноки уѣхали изъ Устюга на Печенгу.

Трифонъ съ остальными, возблагодаривъ Бога за все, покинулъ Устюгъ и пошелъ въ глубь Новгородской области, не минуя по пути ни одного городка, ни одной деревни.

— Всякое даяніе благо.

И ради него онъ стучался въ каждую избу, въ каждыя палаты, въ каждую лавку.

— Подайте, милостивіи, Христа-ради.

Звучали голоса сборщиковъ:

— Хри-иста ра-ади!..

И дающія руки не переставали протягиваться къ нимъ.

Восемь лѣтъ странствовалъ Трофимъ, собирая пожертвованія, и въ теченіе этого времени онъ обошелъ, конечно, всю новгородскую область изъ конца въ конецъ. Кажется, не было такого уголка, куда бы не заглянулъ онъ и гдѣ бы не прозвучалъ его голосъ, призывающій на помощь.

Послѣ холодной зимы наступала весна красная. На поляхъ рыхлѣлъ и темнѣлъ снѣгъ, еще недавно отливавшій серебромъ, и, понемногу тая, открывалъ проталины, на которыхъ торопился вырасти первый цвѣтокъ-подснѣжникъ. Первый вѣстникъ весны и теплыхъ дней— онъ вызывалъ своимъ появленіемъ пѣсни жаворонковъ. Поднебесные странники, эти милыя птички, слетались надъ пробуждающимися отъ зимняго сна полями, щебетали и пѣли славу Творцу. Солнце съ каждымъ восходомъ своимъ все теплѣе дышало, все усерднѣе

*

согрѣвало землю. Начинался шумъ: ручьи зарождались и стремились въ бурливыя рѣки, одѣвались въ зелень лѣса, возвращались изъ-за синя-моря птички щебетуньи—и всѣ онѣ говорили каждый по своему. Всѣ спѣшили заявить о своемъ существованіи, о томъ, что весна принесла новыя радости людямъ.

Трифонъ и его спутники видѣли пробужденіе природы. Солнце ласкало ихъ своими горячими лучами и бодрило, и наполняло души ихъ новыми надеждами на человѣческое состраданіе и отзывчивость.

Дышалось легко на лонѣ матери-природы.

А мать-природа все одѣвалась наряднѣе. Май наступилъ. Встрѣтили его приходъ сорокъ-сороковъ птичьихъ; встрѣтили пѣснями бойкими, пѣснями звонкими. Что ни день, то краше поля, луга и лѣса. Наконецъ, покрылись поля цвѣточнымъ ковромъ. Ярокъ, пестерь онъ. Ароматенъ, какъ мѣро какое-нибудь. На лугахъ точно изумрудъ кто разметалъ. Глядишь—не нагладисься, не налюбуйешься. Свѣжая, сочная трава... То-то любо скотинушкѣ. Егорій отомкнулъ росу, и съ того дня апрѣльскаго искрится она, роса, на травѣ луговой—чистая-чистая, какъ слеза младенца. И сверкаетъ она алмазомъ, когда мѣсяцъ взойдетъ надъ землей и освѣтитъ спящій міръ. Хорошо! Хорошо! Дышитъ грудь луговымъ воздухомъ, будто бальзамъ пьетъ. И крѣпнуть силы, крѣпнуть... крѣпнуть...

За весной вслѣдъ идетъ лѣто съ зорями ясными. Отъ зари до зари вдосталь нарабotaешься. Рано солнце всходитъ, поздно закатывается. Сумеркамъ негдѣ сгуститься,—гонитъ ихъ мрачныя тѣни солнышко-ведрышко. И рано утромъ, и днемъ, и вечеромъ, и ночью свѣтло. Въ чащѣ зеленыхъ лѣсовъ томно кукуетъ кукушка; соловей,—птичка невеличка,—сидя у гнѣзда своей сѣрой подружки, распѣваетъ всю ночь напролетъ. На болотахъ, на озерахъ стонъ стоитъ отъ переклички утокъ, куликовъ, бекасовъ. Сѣрый зайка по лѣсу ме-

чется, медвѣдь дозоромъ обходитъ лѣсныя заросли бирюкъ-волкъ рыскаетъ, ища, гдѣ-бы поживиться чѣмъ-нибудь. А изъ травы выглядываютъ разныя ягоды, грибы гнѣздятся семьями. Зрѣетъ хлѣбъ на поляхъ. Какъ море колышется нива. Крестьяне „страдаютъ“ около своихъ полей. Думы лѣзутъ въ головы труженниковъ, изъ года въ годъ однѣ и тѣ-же думы: что-то дастъ нива? каковъ будетъ урожай? не побилъ-бы градъ посѣвовъ, морозы не отняли-бы у нихъ — страдающихъ хлѣбъ.

Лѣтнимъ утромъ или вечеромъ, проходя мимо посѣвовъ въ деревню, боярскую усадьбу или ближайшій городъ, Трифонъ благославлялъ труды крестьянъ и молилъ Творца, да не разрушить Онъ скромныхъ надеждъ и упованій бѣдняковъ!.. „Крестьяне“... Не опредѣляетъ-ли это слово людей, несущихъ крестъ? Въ самомъ дѣлѣ, ихъ-ли жизнь отрадна и красна? До поту зарабатываютъ они свой скудный хлѣбъ, да и тотъ, случается, отнимаетъ у нихъ стихія или хищники въ родѣ саранчи, жучковъ, мышей... Боже, не остави ихъ, — говорилъ Трифонъ. Лѣто вспыхнуло и уже блѣднѣетъ. Солнце ровно-бы на убыль идетъ, дни становятся короче. Сумерки стали ложиться на землю, миновали бѣлыя ночи. Уже рано смеркается и поздно разсвѣтаетъ. Солнце дольше прячется на небѣ. Утренничками за лицо пощипывается. Гдѣ стояли лужицы, тамъ, глядишь, ужъ лежатъ словно-бы стеклышки. Свертывается листь на деревьяхъ, и мало-по-малу теряютъ они свой зеленый нарядъ. Упавшіе листья подъ ногами шелестятъ. Заходили въ поднебесья тучи тяжелыя, мрачныя, словно свинцомъ налитыя.

На осень переходитъ...

Грязнымъ проселкомъ вечеромъ шли два человѣка. Оба были въ убогихъ одеждахъ и мало похожи другъ на друга. Одинъ повыше ростомъ, другой пониже. У перваго, немного сутуловатаго, изогнутый носъ и длинная

борода, пронизанная насквозь сѣдиною, большой открытый лобъ. Это Трифонъ. У второго борода короче, и сѣдина только начинаетъ серебрить волосы. Это Петръ-Ильмариненъ. Впереди на изволокѣ показалась деревня. Высокія избы выстроились въ два ряда, образуя улицу, по которой уныло бродить скотъ. Полчаса спустя Трифонъ и его спутникъ были уже на деревенской улицѣ и стучались въ окно первой избы. Вышелъ старикъ изъ сѣней и долго всматривался въ прохожихъ.

— Кто будете?—спросилъ онъ ихъ.

Трифонъ отвѣчалъ:

— Мы люди странные. Пришли, Христа-ради, что отъ самаго моря Студенаго. Посѣтилъ лютый голодъ горькій нашъ край: оттого и пришлось итти да собирать милостыню.

Старикъ вздохнулъ.

— Инъ, пойдѣте въ избу,—сказалъ онъ,—пойдемте. Дѣло къ ночи,—не на улицѣ-жъ вамъ ночевать! Холодно, я чай. Не лѣтчко, уже, когда на травкѣ, подъ Божьимъ небомъ, всюды постеля готова.

Трифонъ и Петръ направились за старикомъ, благодаря его.

А старикъ на ходу говорилъ:

— Какъ не пріютить и не согрѣть перехожихъ людей! Какъ отказать вамъ въ пріѣтливомъ словѣ, ежели самъ Богъ явился Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ у дуба Мамврійскаго!.. А, можетъ быть, вашъ приходъ принесетъ съ собою облегченіе намъ въ нашемъ горѣ. За страннымъ-то, сказываютъ, самъ Господь шествуетъ.

— Какое горе тебя посѣтило, добрый человѣкъ?—живо спросилъ Трифонъ.

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Внучекъ мой помираетъ,—отвѣчалъ онъ.—Какой ласковый да работающій былъ, а теперь лежитъ на по-

лателяхъ, чисто полымемъ пышетъ. Охватило, я чай, его, распаленнаго, вѣтромъ. Знать, вышелъ изъ теплой избы на дворъ, не прикрывшись овчиной, вотъ и поплатился.

И старикъ заплакалъ.

Трифонъ и Петръ вошли въ избу. Она была довольно просторная, но темная, такъ какъ оконца уже не пропускали свѣта, а лучина, хоть и ярко горѣла, да слишкомъ и коптѣла. Немногочисленная семья старика сидѣла за столомъ и дожда не ахти какой разносольный ужинъ; съ полатей шелъ стонъ больного человѣка. Онъ и стоналъ, и охалъ, и временами просилъ воды. Утирая слезы, пожилая женщина, дочь старика, подавала ему берестяную кружку и говорила при этомъ:

— Господи, помилуй! На-ко, выпей, Иванушка!

Введя странниковъ, старикъ вымолвилъ, обращаясь къ своимъ:

— Вотъ, родненькіе, я приютилъ двоихъ каликушекъ. Не гнушайтесь ими, а накормите, напоите ихъ, чѣмъ Богъ послалъ. Садитесь, люди странные. Садитесь, богоданные. Не осудите наше убожество.

Трифонъ и Петръ, отвѣчая на поклоны и привѣтствія, отвѣсили хозяевамъ по низкому поклону.

Трифонъ сказалъ:

— Миръ дому сему! Пошли Господь свою отраду вамъ, дай вамъ доброе здоровье...

— Охъ, старичекъ,—плаксиво заговорила женщина, подавая хворому Иванушкѣ питье,—прогнѣвали, видно, мы Царя Небеснаго; нутко, какое попущеніе—свалился работничекъ нашъ. Слышь, стонетъ-то! Ахъ-ти, мой бѣдный Иванушка, ахъ, дитятко мое ласковое!..

Женщина заголосила. Ее стали успокаивать, уговаривать, чтобъ не тревожила своими причитаніями больного, который еще, невѣсть, что подумаетъ. Она успокоилась. Хозяева стали потчевать гостей, но Трифонъ сказалъ:

— Не надлежитъ-ли сперва совершить великое, а потомъ ужъ сѣсть за столъ?

— Да вы-жъ, я чай, проголодались? — возразилъ старикъ.— Сколько времени шли-то до насъ, небось не часъ и не два?

— Много больше,—поправилъ его Петръ.

— Ну, то-то вотъ,—покачалъ головою старикъ.—А вблизи ни деревень, ни выселокъ нѣту. Голода негдѣ было заморить. Садитесь-ка, да похлебайте водицы съ лучкомъ. Хлѣбъ-отъ недавно печенъ, хо-орошій. Можно, ежели вы пьете, и квасу достать съ погребицы. Эй, Настя, сбѣгай-ка на погребицу...

— Благодаримъ, благодаримъ, — удерживая побѣжавшую было дѣвушку, сказалъ Трифонъ,—по насъ и хлѣба съ водою и лукомъ довольно. Хлѣбъ да вода—самая хорошая ѣда, самая здоровая...

— Квасъ-отъ сытнѣе...

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ,—возразилъ старику Трифонъ и добавилъ:— итакъ, помолимся, братья и сестры, Господу-Богу. Можетъ, дойдетъ наша молитва до престола Всевышняго и Онъ, Всемогушій и Всемиловитый, исцѣлитъ болящаго.

— Помолимся, помолимся!—отвѣчали всѣ находившіеся въ избѣ въ одинъ голосъ, въ которомъ звучала искренность,

Трифонъ, Петръ и семья старика стали молиться. Они молились долго и горячо. Наконецъ, молитва кончилась, и дорогіе гости сѣли за столъ. Накормивъ ихъ, хозяева уложили ихъ спать, започивали и сами. Все затихло въ избѣ. Только сверчокъ чирикалъ гдѣ-то за печкою да время отъ времени охалъ на полатяхъ Иванушка. Со вторымъ пѣтухомъ притихъ и онъ. Забылся во снѣ. Разсвѣтъ робко занялся на востокѣ, а ужъ въ избѣ поднялись. Мать подошла къ Иванушкѣ.

— Ну, что, жалкой?—спрашиваетъ, а у самой сердце бьется-бьется.

Иванушка улыбнулся.

— Полегчало за ночь, мамонька. Не горю, какъ съ вечера. Отлегло... отлегло...

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестилась мать.

Въ семьѣ всѣ повеселѣли. Дошла молитва до престола Всевышняго, и воззрилъ Онъ, Премогущій и Все-милостивый, на грѣшныхъ рабовъ Своихъ! Всѣ благодарятъ Трифона, всѣ преисполняются глубокимъ чувствомъ уваженія и почтенія къ страннику-старцу и его спутнику. Между тѣмъ, Трифонъ подходитъ къ Иванушкѣ, благословляетъ его и говорить: Не отчаивайся, Иванушка, отчаяніе — великій грѣхъ. Моли Бога и Онъ подастъ тебѣ здоровье. Живи по правдѣ, по заповѣдямъ Христовымъ. Кто живетъ въ Богѣ, тому легко жить; и жить и умирать. Лучше, говоришь, тебѣ, полегчало. Такъ Господь хотѣлъ: Онъ милостивъ. Богъ дастъ, къ вечеру съ полатей подынешься, а потомъ справишься и вновь за честный трудъ примешься. Богъ труды любить.

И всѣхъ утѣшалъ старецъ. Благословляемый, напутствуемый добрыми пожеланіями хозяевъ, вышелъ онъ вмѣстѣ съ Петромъ изъ избы и пошелъ по деревнѣ. А деревня вся знала уже о приходѣ странниковъ—людей Божіихъ,—и слышала, что по молитвѣ ихъ стало легче угасавшему было Иванушкѣ. Поэтому, всюду ихъ встрѣчали привѣтливо и умножалось число даровъ въ пользу голодающихъ лопарей.—Трифонъ съ Петромъ пошли далѣе, въ сосѣднее селеніе. Оттуда вернулись къ своимъ, оставшимся ради сбора въ ближнемъ городкѣ. Передавъ инокамъ пожертвованія, Трифонъ отправилъ ихъ на сѣверъ. Былъ уже седьмой годъ на исходѣ съ тѣхъ поръ, какъ они ушли изъ Печенги. Еще годъ странствовать.

Переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, не обходилъ Трифонъ и боярскихъ хоромъ, въ которыхъ доводилось ему и утѣшать скорбныхъ, и исцѣ-

лять больныхъ, и быть совѣтникомъ въ важныхъ вопросахъ.

Не запирались двери палатъ передъ нищенствующими. Смѣло входили они на боярскій дворъ. Челядь докладывала господамъ и вслѣдъ затѣмъ вводила „Божіихъ людей“ въ боярское жилье. Случалось, что самъ бояринъ первый замѣчалъ сырыхъ гостей, красуясь на глядѣльнѣ, т. е. большомъ крыльцѣ, и, не дожидаясь холопьяго доклада, звалъ странниковъ въ жилье, гдѣ кормилъ, поилъ ихъ и бесѣдовалъ цѣлыми часами подрядъ. А то проходили странники прямо въ свѣтлицу боярыни и тамъ-то ужъ разсказамъ конца не бывало. Замкнутыя въ четырехъ стѣнахъ, боярыни-то, случалось, и боярышни отводили душу въ занимательныхъ бесѣдахъ съ много выдававшими на своемъ вѣку странниками.

Трифонъ, впрочемъ, не былъ похожъ на другихъ странниковъ и каликъ перехожихъ. Онъ мало говорилъ и, притомъ, говорилъ лишь о томъ, что заставило его странствовать по Новгородской области. Онъ говорилъ о лопаряхъ, объ обители, осіявшей дальній сѣверъ, о первыхъ печенгскихъ инокахъ, о томъ, наконецъ, что не изсякла Русь добрыми дѣлами. Сдержанность, серьезность придавала его словамъ особенную цѣну, а истинно-подвижническая жизнь разсѣивала всякія сомнѣнія въ его величіи — у тѣхъ, у кого эти сомнѣнія зарождались на первыхъ порахъ.

Въ боярскихъ жильяхъ пожертвованія въ пользу лопарей текли обильной рѣкою.

XII. Видѣніе Грознаго.

Восемь лѣтъ миновали. Трифонъ возвратился на Печенгу. Избавителя отъ голодной смерти—лопарь и печенгскіе иноки встрѣтили радостно. Обитель устроена. Но неспокоенъ еще Трифонъ. Не даетъ ему покоя мысль, что въ будущемъ обитель можетъ подвергаться всякимъ случайностямъ со стороны властей. Оградить Печенгскій монастырь отъ этихъ случайностей становится завѣтною мечтою апостола далекаго сѣвера. Это послѣднее, что надо сдѣлать для обители. Конечно, придется въ третій разъ покинуть тундру, но развѣ можно останавливаться передъ трудностью путешествія, когда дѣло касается святыни, когда необходимо закрѣпить ея благополучіе? Кто-нибудь другой, но не Трифонъ, можетъ ставить собственные удобства выше братскихъ, выше благополучія обители и тѣхъ, кто удалился въ нее отъ мірскихъ суетъ... Отложить путешествіе Трифонъ также не можетъ. Куда-же надобно отправляться ему? Кто можетъ оградить обитель отъ случайностей—на вѣчныя времена? Надобно идти въ Москву. Царское слово—только оно и въ силахъ оградить.

Протекалъ 1573-й годъ.

Трифонъ въ это время несъ на своихъ плечахъ 88 лѣтъ. Глубокая старость не давала возможности, какъ говорится, откладывать на завтра то, что можно бы и не дѣлать сегодня; болѣзни подкрались давно

уже и могли уложить на одръ, такъ что пришлось-бы разстаться съ исполненіемъ завѣтной мечты; пришлось-бы погоревать—и только. Но Трифонъ глядѣлъ впередъ и старался предусмотрѣть непріятное и предохранить отъ этого новую обитель. Медлить нельзя,—говорилъ онъ себѣ:—надо итти въ Москву. Надо, надо. Надо просить царя охранить святыню отъ бѣдъ, хотя-бы и мимолетныхъ, и малыхъ. Царское слово—законъ. Царское слово—вѣрнѣйшій и надежнѣйшій оплотъ. Это щить, котораго не пробить никакой стрѣлѣ произвола и насилія. Царь благочестивъ,—думалъ инокъ.—Благочестіе—опора его. И наша. Красуясь благочестіемъ, царь щедръ на дары обителямъ; онъ разсылаетъ ихъ то-и-дѣло, сознавая, что иноки — лучшие молитвенники за грѣхи вольные и невольные. Правда, и до сѣверной тундры доходили слухи, будто перемѣнился царь Иванъ Васильевичъ. Омрачилось чело его. Сдвинулись брови сердито и взглядъ его царскій не изливаетъ той доброты, какъ при покойной царицѣ Анастасіи. Грозень сталъ Іоаннъ. Но для кого онъ грозень, и то сказать? Вѣдь, для мірянъ. Для бояръ, для народа—для кого угодно, только не для монаха.

Монахъ не отъ міра сего, лукаваго, грѣховнаго, ставшаго рынкомъ суеты суетъ. Иноческій санъ—что ангельскій. Отголоски земныхъ страстей не долетаютъ до честной обители. Она, словно небо, далека земли... И Грозный милостивъ къ инокамъ. Съ ними онъ, какъ равный съ равными... Если-же и прогнѣвается на него, Трифона, такъ, вѣдь, царскій гнѣвъ, какъ-бы отцовскій. А отецъ разсердится на сына, да скоро и смиляется. Свое чадо-то, свое—родное. Впрочемъ, за что-жъ на него, Трифона, и прогнѣваться царю? Нищъ онъ и убогъ, криво не мыслить и такимъ похотѣлъ быть, что среди равныхъ сталъ меньшимъ. Могъ-бы быть господиномъ, а онъ для всѣхъ слуга... И къ царю Грозному вотъ теперь собрался не ради того, чтобы

ходатайствовать о преимуществахъ себѣ, а для ближнихъ своихъ, для тѣхъ, кто переживетъ его, и для будущихъ, будущихъ иноковъ. А ему, восьмидесяти-восьмилѣтнему старцу, много-ли надо? У него все есть, что можетъ имѣть смиренный инокъ: келья, кусокъ черствого хлѣба, кружка воды, убогая постель, а надъ нею изображеніе Распятаго. Это все—и сверхъ этого ничего не надо. Ничего, ничего. Всѣ помыслы инока сводятся къ подвигу, посту и молитвѣ. Въ нихъ смыслъ монашескаго существованія. Они—ключъ къ вратамъ царствія небеснаго. Но для обители требуется гораздо большее. Обитель, вѣдь,—цѣлый міръ, великій міръ, которому необходимы опредѣленные, прочные устои для благополучія и процвѣтанія.

И Трифонъ идетъ въ Москву. Съ нимъ—настоятель Соловецкаго монастыря.

Москва временъ Грознаго во многомъ измѣнилась въ сравненіи съ тѣмъ, какою она была до XVI-го столѣтія. Она и приукрасилась, и обстроилась больше. Приукрасилась храмами, обстроилась домами. Однако, о красотѣ „царствующаго града“ еще рано говорить; царствованіе Іоанна Грознаго, по словамъ Снегирева, не ознаменовано успѣхами гражданской архитектуры, которой болѣе покровительствовалъ Борисъ Годуновъ. Войны, пожары, моровое повѣтріе, многія опалы на бояръ и на земщину, частое отсутствіе царя изъ столицы были причинами, что отъ его времени осталось мало памятниковъ гражданского зодчества. Но Борисъ Годуновъ (пользуясь языкомъ Никоновой лѣтописи) „Москву, яко нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою украси и величества ради и красоты проименова Царь-градъ“.

Воитель Грозный Іоаннъ обращалъ почти все свое вниманіе на литейное дѣло. А такъ какъ русскій челоуѣкъ безъ Бога ни до порога, то Иванъ Васильевичъ заботился о построеніи церквей и о благолѣпнѣ

ихъ. Литейное дѣло при немъ расцвѣло. Много было отлито колоколовъ, много пушекъ отлито; Андрей Чоховъ отлилъ дробовикъ такой, что онъ на вѣчныя времена остался служить образцомъ. Этотъ дробовикъ— знаменитая *Царь-пушка*. Да не одинъ Чоховъ въ ту пору славился. Первый Кузьминъ, Семенка Дубининъ, Богданъ и Игнатій не менѣе его извѣстны.—Что касается церковнаго строительства, то на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сооруженіе Покровскаго собора во Рву (храмъ Василия Блаженнаго). Въ память покоренія Казани царь Иванъ Васильевичъ построилъ этотъ единственный въ своемъ родѣ, прекрасный, величественный храмъ, близъ кремля, гдѣ лежалъ глубокій ровъ, въ которомъ росла лѣтомъ земляника.

Исторія не сохранила имени строителя собора; преданіе рассказываетъ недостоверное, именно, будтобы Іоаннъ Грозный, послѣ того, какъ храмъ былъ оконченъ, призвалъ къ себѣ зодчаго и спросилъ, можетъ-ли онъ построить храмъ лучше этого?

— Могу, государь,—отвѣчалъ зодчій.

Тогдаго сударь приказалъ его ослѣпить, вымолвивъ:

— Не хочу, чтобы гдѣ-нибудь былъ храмъ лучше этого.

Повторяю, рассказъ этотъ сомнителенъ, но изъ него можно понять уже, какой величественный, драгоценный и славный памятникъ пріобрѣла Москва въ видѣ храма Василия Блаженнаго. Кромѣ этого, Грозный соорудилъ еще нѣсколько храмовъ каменныхъ и деревянныхъ; такъ, въ Китаѣ-городѣ воздвигся храмъ во имя св. Дмитрія Солунскаго, учреждены соборы Всесвятскій, Борисоглѣбскій, Никитскій, Введенскій, Покровскій, Ивановскій, Варварскій. Церковныя маковки поднялись надъ Москвой.

Грозный обратилъ вниманіе и на живопись церковную. Въ дальнемъ Сольвычегодскѣ возникаетъ новая школа, которую создаютъ извѣстные Строгановы; „стро-

гановскій пошибъ отличается точностію обрисовки, тщательностію отдѣлки мелочей и доличнаго, разнообразіемъ въ лицахъ, яркостію красокъ и наконецъ золотою иконописью“. Но Строгонавы—что! въ самой Москвѣ появляются такіе икономазы и зоографы (живописцы), какъ Θεодоръ Ухтомскій, Θεодоръ Едикѣвъ, Діонисій Зоографъ. Святители-митрополиты занимаются иконописнымъ художествомъ, возвышая его своимъ званіемъ.

Новымъ повѣяло. Устами владыкъ и царя Стоглавъ предписываетъ: съ превеликимъ тщаніемъ писать образъ Господа Іисуса Христа и Пречистую Богоматерь и святыхъ пророковъ, апостоловъ, священномучениковъ и мученицъ и преподобныхъ женъ и святителей и преподобныхъ отцовъ, по образу и подобію, по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ, и знаменовати съ добрыхъ образовъ, а святителемъ таковыхъ живописцевъ беречи и почитати паче простыхъ человѣкъ. Чтобы святые и честные иконы и Бытейское писъмо были не на соблазнъ міру, но во утвержденіе православію и въ просвѣщеніе и умиленіе! Отъ самопомышленія и своими догадками Божества не описывать!..

Какіе споры велись по поводу иконнаго писанія. Самъ Грозный стоитъ на стражѣ православія и упорно отклоняетъ все, что противно духу православія.

Въ 1404 году Лазарь Сербинъ поставилъ на Москвѣ, на Великокняжескомъ дворѣ, первые боевые часы. Много дивились люди добрые на это часомѣрье. И какъ было не дивиться на него, если человѣческая рука не дотрогивается до часника, а онъ преисправно рассчитываетъ часы ночные и дневные, причемъ самъ движется, и самъ звонитъ, ударяя молотомъ въ колоколъ. Болѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя Грозному хотѣлось было преподнести вторые часы датскій король Христіанъ III, но царь Иванъ Васильевичъ уклонился отъ дара, выразившись:

— Иѣтъ надобности въ часахъ христіанскому царю, вѣрующему въ единого Бога и не занимающемуся планетами и знаками зодіака.

Помимо церквей, Москва не отличалась ни пестротой, ни особеннымъ разнообразіемъ или красотою зданій. Путешественники-иностранцы, въ отношеніи величины, сравнивали ее съ главнѣйшими городами западной Европы, но дальше этого сравненіе не могло идти. Улицы составлялись преимущественно изъ деревянныхъ домовъ и домишекъ. Точнѣе—это были брусяныя избы. Печь въ нихъ замѣнялась очагомъ, освѣщеніе было—лучинное. Избы крыли соломой. Окна рѣже были слюдяныя, чаще слюду замѣняли бычачій пузырь и намазанный масломъ холстъ. Черезъ низкія двери москвичи входили въ сѣни, причемъ не забывали пригнуться; изъ сѣней лѣсенка внизъ вела въ амбаръ, гдѣ сберегалось всякое добро, а жилище находилось надъ амбаромъ. Уютомъ отличались только жилища зажиточныхъ москвичей. Мостовыхъ и въ поминѣ не было. На улицахъ росла трава лѣтомъ, а зимою лежали снѣжныя горы. Домъ отъ дома, изба отъ избы отдѣлялись или плетнемъ, возлѣ котораго росла всякая сорная трава, или фруктовыми садами, гдѣ лѣтомъ щебетали птички.

Выдѣлялся царскій дворецъ. Все, что изобрѣталъ и изобрѣлъ уже человѣческій умъ въ области строительства,—всякія вычурности и украшенія не могли не коснуться царскаго жилища. Цвѣты, звѣри и птицы, болшею частью, сказочные виднѣлись на виѣшнихъ стѣнахъ дворца, кромѣ того, терявшихся въ орнаментахъ, которые переходили и на теремки, колонны и полуколонны.

Утро.

Успеневъ день.

Солнце поднялось изъ-за горъ, золотило Москву, играя своими лучами на маковкахъ церквей, на кров-

ляхъ домовъ, и красило день догорающаго лѣта. Колокольный звонъ повисъ надъ городомъ. Отъ густыхъ, тяжеловатыхъ звуковъ вздрагивалъ воздухъ.

Окруженный боярами, царь Іоаннъ Грозный шествовалъ въ Успенскій соборъ слушать обѣдню. Малюта Скуратовъ, Басмановъ, Вяземскій—все любимцы покорителя Казанскаго и Астраханскаго царствъ. Плотнымъ кольцомъ окружили они его. Глазъ не спускали съ Іоанна. А онъ шелъ, сдвинувъ густыя брови и наклонивъ нѣсколько впередъ голову, много передумавшю на своемъ вѣку. Было сурово царское лицо, на которомъ лежалъ крѣпкій отпечатокъ старости... старости преждевременной. Продолговатый, заостренный носъ придавалъ выраженію лица только больше хмурости, какъ и рѣдкая, короткая борода, пронизанная сѣдиной.

Царь былъ въ драгоцѣнномъ одѣяніи. На бармахъ (оплечье изъ золотой парчи съ священными изображеніями) солнышко сіяло. Тяжело опираясь на посохъ, блуждая глазами по сторонамъ, Іоаннъ шелъ, видимо, погруженный въ раздумье.

Раздумье было чуть-ли не постояннымъ спутникомъ и другомъ Грознаго.

Легкій, отрадный сонъ и спокойствіе, красящее жизнь, были утрачены вслѣдъ за тѣмъ, какъ умерла царица Анастасія. Словно съ нею ушло все, все хорошее, свѣтлое, радостное. Точно съ нею вмѣстѣ земля поглотила тепло и свѣтъ Іоанновой души.

Никто не осмѣливался сейчасъ прервать царскаго раздумья.

Нервной, торопливой походкой шелъ царь.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, глаза его изобразили не то испугъ, не то удивленіе. Онъ остановился и торопливо произнесъ:

— Кто вы?

Никто, кромѣ царя, никого не видалъ. Опричники

съ изумленіемъ смотрѣли на Іоанна. Кого-то видить онъ, къ кому-то обращается съ вопросомъ. Къ кому-же? Кто эти—неизвѣстные? Бояре озираются по сторонамъ. Все свои—кругомъ. Ни одного пришельца таинственнаго. А царь, между тѣмъ, съ кѣмъ-то разговариваетъ... Сонъ на-яву. Впрямъ—диво дивное.

Малюта Скуратовъ было приблизился къ Грозному.

— Государь,—началъ онъ.

Но Грозный отстранилъ его посохомъ.

— Отойди, — отвѣчалъ онъ, — Малюта... далѣ, далѣ... Кто вы?—повторилъ онъ прежній вопросъ трепетнымъ голосомъ.

Окружающіе пожимали плечами. Недоумѣніе ихъ росло. Всѣ переглядывались между собой. Кто передъ царемъ? Кто? Тѣни-ли выходцевъ съ того свѣта, страшныя, костлявыя, ужасающія выраженіемъ лицъ, или другіе — кто, незримые, лучезарные жители горныхъ райскихъ высотъ?

Передъ Грознымъ стояли на пути два инока. И отъ одного изъ нихъ, у котораго была длинная сѣдая борода, исходили какъ-бы лучи. Они стояли рядомъ. Ихъ лица свѣтились. Ихъ глаза сіяли кротостью. Ни утомленія, ни страсти не было написано на старческихъ лицахъ. Иноки низко поклонились царю.

На вопросъ, дважды повторенный: *кто вы?* Грозный услышалъ:

— Одинъ Соловецкаго монастыря, другой Кольской округи, начальникъ святыя проповѣди лопарскому народу и строитель церкви Живоначальныя Троицы, что на рѣкѣ Печенгѣ, смиренный Трифонъ.

И исчезли.

Грозный подался всѣмъ тѣломъ впередъ, словно онъ хотѣлъ удержать старцевъ, но ихъ уже не стало. На старческихъ щекахъ царя вспыхнулъ дряблый румянецъ; лихорадочно-горящими глазами обвелъ онъ

окружавшихъ его опричниковъ и бояръ; царь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы видѣли? — спросилъ онъ съ трепетомъ, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь.

— Никого не видѣли, государь, — отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Но они стояли предо мной! — произнесъ Іоаннъ настойчивымъ голосомъ.

Окружающіе вопросительно глядѣли на него.

Никто не осмѣливался уже, подобно Скуратову, приблизиться къ государю и спросить, — кто *они*?

И тайна осталась тайной.

Грозный вошелъ въ Успенскій соборъ подъ впечатлѣніемъ только-что происшедшаго. Отдаться молитвѣ онъ не могъ. Онъ не могъ отрѣшиться отъ земного и воспарить мыслью къ небесамъ, гдѣ нѣтъ страстей, откуда не доносятся до слуха царскаго ни слезы, ни стоны, ни жалобы, ни мольбы. Ставъ на обычномъ мѣстѣ, Грозный хотѣлъ слиться всѣмъ своимъ существомъ съ богослуженіемъ. И не могъ. Онъ пробовалъ подпѣвать клиру, повторять дьяконскіе возгласы; онъ страшился какъ-будто чудесной встрѣчи съ иноками, не зная, чего они хотятъ, зачѣмъ стали на его пути. Хотѣли просить о чемъ-то? Хорошо, если такъ. Но, можетъ быть, уста ихъ затаили укоръ?

Царь терялся въ догадкахъ. Царь трепеталъ...

ХІІІ. Царскія милости.

Тѣмъ временемъ, какъ Іоаннъ самъ не свой стоялъ въ Успенскомъ храмѣ, Трифонъ съ настоятелемъ Соловецкаго монастыря подходили къ Москвѣ. Великій путь былъ пройденъ. Усталость давала себя чувствовать, но оба подвижника не обращали на нее вниманія. Какъ и Трифона, соловецкаго настоятеля занимала одна мысль, что-то встрѣтитъ ихъ въ Москвѣ.

А Москва все приближалась.

Изъ-за зеленыхъ лѣсовъ и садовъ выплывала она, подставляя солнцу кровли домовъ и церковныя колокольни. Уже показался кремникъ, опоясанный бѣлыми стѣнами, съ зубчатыми башнями и стрѣльницами; уже словно шли навстрѣчу инокамъ посады, надъ которыми сіяли кресты церковные. Ближніе вливались въ дальніе посады, укрѣпленные рѣшетками и рогатками, окаймленные оградой изъ прочнаго дерева. Ворота, какъ темныя пасти, зіяли въ оградахъ, вознося къ бездонной лазури небесъ башни.

— Вотъ она и Москва! — сказалъ Трифонъ и сталъ истоиво креститься, опустившись на колѣни.

Спутникъ послѣдовалъ его примѣру.

— Помози намъ, Всещедрый!

— Вложи согласіе въ уста государевы!

Иноки молились долго и пламенно.

Праздничный благовѣстъ плылъ къ нимъ отъ города—малиновый, сладостный. Всѣ колокола, сколько

ихъ было въ городѣ, переговаривались, — и этотъ говоръ заносился за лѣса, за поля, за пригорки и таялъ на просторѣ, куда уже не долеталъ московскій гуль.

Но хотя и приближался стольный городъ, однако, идти до него надо было еще нѣсколько часовъ и не ранѣе, чѣмъ къ вечеру, могъ онъ принять гостей. Старыя ноги — не крылья: не очень-то быстро несутъ впередъ.

Въ виду города иноки сѣли отдохнуть на травѣ, уже начинавшей желтѣть. Они сѣли на пригорокъ, на которомъ гнѣздилися кустарникъ. Тонкая, прозрачная паутина тянулась отъ сучка къ сучку орѣшника.

Заговорили о Москвѣ. Всѣ надежды на нее. Она одна вольна вознести дальнюю лопарскую обитель или оставить ее на произволъ судьбы. Что-то Богъ дастъ? У обоихъ иноковъ лежали въ карманахъ челобитныя.

— Смилуется надежа-государь, — говорилъ соловецкій настоятель.

— Сердце царево въ руцѣ Божіей, — говорилъ въ отвѣтъ апостолъ сѣвера.

— Любитъ онъ обители и печется о благѣ иноковъ, моельниковъ своихъ...

И повелась, повелась бесѣда о томъ, какъ щедро Грозный одѣляетъ монастыри всѣмъ: и вкладами, и угодами, и утварью. Вѣдаетъ государь, что за монастырскими оградами, вдали отъ мірскаго суесловія, возносится пламенная молитва о его царскомъ здравіи и спасеніи въ будущей жизни. Долго бесѣдовали такъ далекіе гости; отдохнули — опять побрели.

День переливался въ вечеръ, когда они достигли дальняго посада. Городъ принималъ ихъ въ свои нѣдра.

За посадомъ — прямо муравейникъ! Домъ за домомъ, домъ надъ домомъ, домъ возлѣ дома. Ближе посада, отдѣляясь отъ него глубокимъ рвомъ, тянулись, казалось, безъ конца въ даль и ширь огороды, на кото-

рыхъ еще алѣла морковь, завивался горохъ, топорщилась рѣпа. Кудрявая яблоня царила надъ грядами, свѣшивая сочныя яблоки, еще не успѣвшія очутиться на зубахъ у дѣтвора, которая гдѣ-то шумѣла, а гдѣ — за плетнями не видать.

Старый-престарѣлый огородникъ, увидя иноковъ, проходящихъ мимо, окликнулъ:

— Здорово, божьи люди!

На привѣтствіе они отвѣчали такимъ-же привѣтствіемъ.

— Зашли-бы ко мнѣ въ убогую горенку, богоданные! Чай, умаялись. Издалеча, знать, бредете... — продолжалъ огородникъ.

— И то издалеча.

— Ну, то-то...

— Спасибо великое, зайдемъ, добрый человекъ.

— Отдохнете, подкрѣпитесь, чѣмъ Богъ послалъ.

Иноки завернули къ огороднику. Узкая дорожка между грядъ привела ихъ къ крылечку, которое въ свою очередь вводило въ горенку, бѣдную, но чистую. Полумракъ глядѣлъ изъ всѣхъ ея угловъ и хотя отчасти скрывалъ бѣдноту.

Гостепріимный хозяинъ усадилъ гостей въ передній уголъ и потчuya сталъ спрашивать, откуда они.

— Давненько я живу подъ Москвою, — говорилъ старый, — не мало хаживалъ по городскимъ улицамъ. И всѣхъ иноковъ, что на Москвѣ, вѣдаю, а только васъ доселѣ не доглядывалъ...

— Мы отъ моря Студенаго, — отвѣчали гости.

Хозяинъ слыхалъ о морѣ Студеномъ... Далече, молъ, оно... Сказываютъ, — кипить-шумить тамъ, гдѣ живутъ люди съ песьими головами, летаютъ птицы несбыточныя, бродятъ звѣри лютые, какихъ православному человекъ и видѣть не дано.

— Ужель оттудова вы, Божьи люди? — изумился

огородникъ и смѣрялъ иноковъ съ ногъ до головы. Знать, въ старческую голову закралось недовѣріе.

— Оттудова.

И иноки постарались разувѣрить старика, что никакихъ людей съ песьими головами у моря Студенаго не живетъ, птицъ не быточныхъ не летаетъ, звѣрей необыкновенныхъ нѣтъ, а и люди, и птицы, и звѣри живутъ тамъ обыкновенные. Народная молва сочиняла сказки, и только довѣрчивые этимъ сказкамъ вѣрятъ.

Отдохнувъ, подкрѣпивъ силы, Трифонъ и соловецкій настоятель поднялись съ лавки, чтобы уходить. Старикъ оставлялъ ихъ ночевать, но на ночевку они рѣшили добраться до московскаго монастыря и уснуть въ кельѣ у какого-нибудь инока. И пошли.

Совсѣмъ за вечерѣло.

Стоило захотѣть, и любой-бы боярскій дворъ съ величайшей радостью встрѣтилъ иноковъ: такимъ гостямъ бояре всегда были рады, не говоря о боярыняхъ... У боярина-ли Стриги, Семенова, Савостьянова, Тучкова, у князя-ли Телепни-Оболенскаго, даже во дворѣ самого казанскаго царя Сафакирѣевича—всюду ожидалъ божьихъ людей, за міръ грѣшный моельниковъ-иноковъ, привѣтъ и ласка. Но и Трифонъ, и соловецкій настоятель предпочли удобству боярскаго гостепріимства иноческую убогую келью въ Златоустовскомъ монастырѣ.

Ночь прошла.

Еще до благовѣста къ обѣднѣ, рано-рано поднялись они на ноги и отправились къ Успенскому храму ждать царскаго выхода. Челобитныя заготовили. Торопятся занять мѣста подлѣ пеперти церковной, гдѣ нищіе и слѣпцы располагаются. Конечно, не пили, не ѣли. Утро мало-по-малу теряетъ свой румянецъ, солнце всходитъ, но всходитъ какъ-то робко, медленно — не по-вешнему. Утренничекъ, правда, слабый

пріятно бодрить. Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, но такая пріятная дрожь. Откуда-то доносятся пастушьи рожки, гдѣ-то еще лаютъ собаки, въ саду чирикаетъ пичужка, въ другихъ — другія. Пробудились пернатые. Ихъ хоръ уже славить Творца.

— Хорошъ городъ Москва! — думаетъ Трифонъ и ему вспоминается его путешествіе въ Великій Новгородъ съ Ильмариненомъ. Какъ онъ тогда дивился новгородской пышности да благолѣпію новгородскихъ церквей. Посмотрѣлъ-бы на Москву лопарь, больше-бы сталъ изумляться.

И въ то же время, какъ стрѣла, мелькнула мысль о родномъ Торжкѣ. Но только мелькнула. Мелькнула и пропала, какъ зарница въ синевѣ вечернихъ небесъ. Далеко Торжокъ. Далеко онъ отъ него, Трифона. Порвалась цѣпь, связывавшая обоихъ. Нѣкогда дорогой звукъ отдается въ ушахъ глухо, безразлично, не волнуя ни сердца, ни ума. Никого, вѣдь, тамъ не осталось въ живыхъ. Могильные холмы на городскомъ кладбищѣ скрыли милые черты дорогихъ, близкихъ, родныхъ лицъ. Міра, открывшагося въ дѣтствѣ Митрофану, не стало. Онъ словно угасъ. Взамѣнъ него открылся новый — проповѣдничество... Новый міръ непохожъ на угасшій: первый въ граняхъ небесъ или небеснаго. Земля какъ-бы боится приблизиться къ нему со своей суетой.

Опять благовѣстъ загудѣлъ надъ Москвой.

Всколыхнулась престольная.

Въ кремникѣ, въ ожиданіи царскаго появленія, собрался народъ. Затянули „Лазаря“ слѣпые, завопили нищіе и убогіе, и калѣки. Съ каждой минутой росла и росла толпа, и къ тому моменту, какъ выйти царю Іоанну изъ дворца, площадь представляла собою цѣлое море головъ. Трифонъ и соловецкій настоятель остановились у соборныхъ дверей. Царь, проходя въ храмъ, не могъ не замѣтить ихъ. Легче нельзя было подать ему челобитныя.

Вотъ и царь шествуетъ.

За нимъ все тѣ-же приближенные, что и вчера шли. Тѣ-же выраженія лицъ, тѣ-же одѣянія; только одинъ—новый человѣкъ. Онъ совсѣмъ еще юнъ. Онъ идетъ ближе къ царю и одежда его — не боярская. Такъ одѣваются только царевичи. И это въ самомъ дѣлѣ царевичъ Θεодоръ. На лицѣ его съ блѣднымъ румянцемъ кротость написана. Кротость и какое-то чисто-иноческое смиреніе. Поглядѣть: будто-бы царевичъ не изъ дворца вышелъ, а изъ кельи. Снялъ монашескій подрясникъ и облачился въ пышное, златотканное одѣяніе, не себѣ въ удовольствіе, а кому-то другому. Онъ не земной житель. Его захватилъ церковный благовѣстъ. Волны звуковъ, тающихъ въ поднебесьи, словно колеблютъ небесный сводъ и онъ разверзается и въ синевѣ его видятся только одному ему, царевичу, небожителю, въ свѣтлыхъ ризахъ, свѣтлокудрые... И ни на кого не старается глядѣть Θεодоръ. Его мысли тамъ — въ бездонной глубинѣ, гдѣ по ночамъ звѣзды кроткія сіяютъ...

Грозный, тяжело опираясь на посохъ, неторопливо идетъ, раздавая милостыню направо и налево и испытующимъ окомъ оглядывая народъ. Слепые славятъ царя—покорителя казанскаго царства. Царь внимаетъ, но онъ по обыкновенію мраченъ. Это мрачное спокойствіе... Таковъ ужъ Іоаннъ!

Θеодоръ равнодушенъ къ словамъ, вылетающимъ изъ устъ поющихъ слѣпцовъ, но его жалобятъ самые голоса ихъ, надтреснутые, хриповатые, надрывчатые.

Онъ обернулся къ Малютѣ.

Скуратовъ подался къ нему.

— Дай имъ...—сказалъ Θεодоръ, протягивая пригоршню монетъ.

Скуратовъ поклонился, вымолвивъ:

— Тотчасъ, царевичъ.

И милостыня царевича потекла по жилистымъ, мо-

золистымъ рукамъ, которыя потянулись со всѣхъ сторонъ, едва только Ѳеодоръ опустилъ руку въ кошелекъ.

Вдругъ изъ царскихъ устъ вырвалось:

— Опять вы?!

Грозный ступилъ на паперть и увидѣлъ двоихъ иноковъ. Трифонъ и настоятель преклонили колѣна и, низко кланяясь царю, подали челобитныя.

— Вы?!—повторилъ Грозный какъ-то растерянно.

Онъ взялъ обѣ челобитныя и передалъ ихъ Ѳеодору. Грозный съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на монаховъ.

Трифонъ осмѣлился:

— Повели, благочестивый государь...

Царь прервалъ его взволнованно:

— Видѣлъ васъ вчера, а теперь иду къ божественной литургіи.

И Іоаннъ вошелъ въ соборъ. Опричники послѣдовали за нимъ. Ѳеодоръ, оттиснутый, остался на минуту на паперти. Онъ уставилъ свои задумчивые глаза на монаховъ — и сердце царевича какъ-то вдругъ забилось-забилось. И онъ вдругъ ощутилъ въ себѣ какую-то особенную теплоту. Между нимъ и этими невѣдомыми иноками сразу установилась тѣсная связь.

— Кто вы? Откуда? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Ѳеодоръ иноковъ и, услышавъ отвѣтъ, добавилъ:— Зачѣмъ пришли?

Трифонъ сказалъ.

— Благослови меня, мужъ праведный,—и Ѳеодоръ склонился предъ старцемъ для благословенія.

Затѣмъ онъ вошелъ въ соборный притворъ и торопливо снялъ съ себя золототканное одѣяніе.

— Стрига,—обратился онъ къ сѣдобородому боярину,—Стрига, поди и отдай, въ ней я шелъ, одежду мою странному иноку Трифону и скажи ему: благовѣрный-де царевичъ послалъ тебѣ свою одежду: да

ускорить его милостыня прежде всѣхъ. Пусть онъ передѣлаетъ эту одежду въ священную. Стрига, я вижу въ немъ мужа праведнаго!

Стрига въ точности исполнилъ царевичеву волю.

— Благодарю Бога, въ Его-же десницѣ сердце царя и царевича! Земно ти кланяюсь, бояринъ!—отвѣчалъ Трифонъ умиленный.

Послѣ обѣдни царевичъ Феодоръ торопливо отправился къ царевичу Іоанну и повѣдалъ ему о встрѣчѣ съ иноками и о томъ, что онъ пожаловалъ праведному мужу Трифону свое драгоцѣнное одѣяніе.

А въ то время, какъ Феодоръ бесѣдовалъ съ Іоанномъ и предлагалъ братцу единокровному принести инокамъ даръ и вмѣстѣ съ нимъ, Феодоромъ, умолять отца пожаловать щедро и Трифона, и Соловецкаго настоятеля, собиралась дума.

Оповѣстили бояръ, что угодно царю подумать съ ними.

Феодоръ и Іоаннъ — оба царевича пришли къ батюшкѣ умолять.

Грозный приласкалъ царевичей и общалъ щедро наградить странныхъ иноковъ.

Дума собралась.

Дьякъ прочиталъ челобитныя Трифона и Соловецкаго настоятеля.

— Чѣмъ пожаловать ихъ, сказывайте, бояре!—промолвилъ Іоаннъ:—думайте да молвите. Видѣлъ я тѣхъ иноковъ вчера и сказалъ мнѣ тайный голосъ, что оба странные иноки—мужи достойные. И не о себѣ они пекутся, а о нуждахъ обителѣй своихъ.

— Полно-ли такъ, государь?—отозвался первымъ матерой бояринъ:—изволилъ ты, надежда-государь, вымолвить, что будто видѣлъ тѣхъ иноковъ вчера. Сегодня, государь-батюшка, ихъ точно-что видѣли, а вчера-то никого.

Грозный сдвинулъ брови. Сердито посмотрѣлъ на боярина.

— Зря говоришь!—сурово произнесъ онъ:—я съ ними довольно разговаривалъ вчера.—И, окидывая собраніе глазами, въ которыхъ вспыхивалъ огонекъ, Грозный добавилъ:—вы-ль, бояре, не видѣли?

— Голосъ твой слышали, государь, иноковъ-же отнюдь не видѣли, ни голоса ихъ не слышали.

Грозный топнулъ о-земь посохомъ.

— Какъ не слыхали?

Гнѣвное царское слово, какъ громъ, отдалось въ палатѣ.

— Какъ вы не слыхали?

— Богъ свидѣтель, правду молвимъ, государь...

Грозный не слушалъ.

— Эй, сыскать иноковъ и предъ наше царское лицо поставить!—повелѣлъ онъ.

Сыскали Трифона и соловецкаго настоятеля и поставили предъ государевъ ликъ.

Вспыхнулъ и поблѣднѣлъ Іоаннъ, поблѣднѣлъ и вспыхнулъ вновь.

— Вы-ли вчера со мной говорили?—глядя въ упоръ на монаховъ, спросилъ Іоаннъ.

Трифонъ и настоятель выразили недоумѣніе.

Грозный широко раскрылъ глаза.

— Аль не говорили?—произнесъ онъ тише, но такъ, что въ нотахъ его голоса слышно было недовѣріе.

Трифонъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, великій государь, вчера мы и въ царствующемъ градѣ не были. Многими свидѣтельствуемся.

Грозный содрогнулся;

— Многими... свидѣствуетесь?

— Свидѣствуемся, государь, яко сегодня только видимъ тебя.

Грозный пожималъ плечами. „А съ кѣмъ-же говорилъ я вчера? Вѣдь не обманывали-же меня собственные глаза! Вѣдь, именно—этихъ двухъ иноковъ зрѣлъ я вчера—и на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они

стояли и сегодня! Не видѣніе-же это было? Или видѣніе, одно изъ тѣхъ, которыя такъ часто посѣщаютъ меня?“ Царь терялся въ догадкахъ.

— Такъ васъ не было вчера?

— Не было, государь.

— Бояре...—началъ царь и остановился. Онъ раздумался. И потомъ торопливо заключилъ:

— Ладно. Инъ быть такъ. Такъ Всевышній хотѣлъ. Наступило молчаніе.

Царь нарушилъ его.

— Чѣмъ пожаловать благочестивыя обители, бояре?—сказалъ онъ.—Молвите, а я Богомъ свидѣтельствуюсь, что хочу всею душою и всѣмъ сердцемъ щедро наградить ихъ. И царевичи къ тому насъ умоляютъ.

Дума заговорила.

За рѣшеніемъ дѣло не стало. Не первый разъ теперь доводилось осыпать милостью и щедротами обители. И раньше многократно бывало.

— Такъ рѣшено?

— Рѣшай самъ, великій государь.

— Читай, дьякъ,—повелѣлъ Іоаннъ.

Дьякъ прочиталъ рѣшеніе думы, скрѣпленное согласіемъ царя:

„По умоленію дѣтей своихъ, царевичей Іоанна и Θεодора, пожаловали мы, царскаго нашего богомольца, отъ Студенаго моря-океана, съ Мурманскаго рубежа, Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братією,—или кто въ томъ монастырѣ игумень, или братія будетъ, вмѣсто руги и вмѣсто молебныхъ и панихидныхъ денегъ, для ихъ скудости, на пропитаніе, въ вотчину: морскими губами Матоцкою, Илицкою и Урскою, и Печенгскою, и Позренскою, и Навденскою губами въ морѣ, всякими рыбными ловлями, и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита, или моржа, или иного какого звѣря,

и морскимъ берегомъ, и его островами и рѣками и малыми ручейками, верховьями и топиями и горными мѣстами и пожнями, лѣсами и лѣсистыми озерами и звѣринными ловлями и лопарями, которые лопари наши данные въ Матюцкой и Печенгской губахъ нынѣ суть и впредь будутъ, со всеми угодыми луговыми и нашими, царя и великаго князя, денежными оброками и со всеми доходами и волостными кормами, чтобы тѣмъ имъ питаться и монастырь строить; а нашимъ боярамъ Новгородскимъ и Двинскимъ и Усть-кольскія волости приказнымъ, и всякимъ Приморскимъ людямъ и корельскимъ дѣтямъ, и лопарямъ и никому иному... въ ту вотчину не вступаться“.

Щедро-одаренный царемъ, Трифонъ воротился въ свою обитель.

XIV. Передъ концомъ.

Отнынѣ Печенгскій монастырь обезпеченъ.

Инокамъ далекаго сѣвера уже нечего бояться или беспокоиться о томъ, что ожидаетъ ихъ мирное жилище завтра. Появились уголья, рыбныя ловли. Милостыня, собранная мимоходомъ апостоломъ лопарской земли, приумножила монастырское благополучіе. Эта милостыня помогла инокамъ построить на Пазѣ-рѣкѣ храмъ во имя святыхъ Бориса и Глѣба.

Обитель стала мало-по-малу процвѣтать.

Трифонъ исполнилъ завѣщанный ему отъ Бога долгъ. Солнце совершило свой ходъ и закатывалось. Но и закатываясь, оно посылало тепло и свѣтъ. Словомъ и дѣломъ служилъ братіи старецъ. Это былъ любящій братъ и учитель. Смирениемъ начался подвигъ, смиреніемъ-же подвигъ и заканчивался. Когда Грозный хотѣлъ назвать его создателемъ далекой святыни,—Трифонъ умолилъ царя не дѣлать этого.

— Я меньшій изъ равныхъ, великій государь!

— Но ты-же воздвигъ православіе у моря-океана Студенаго, честный отче!

— Упомяни, великій государь, имя достойнаго игумена Гурія,—стоялъ на своемъ старецъ,—а меня не надо. Что я? Слабый червь... Не моими трудами, а Божьимъ велѣніемъ создалась обитель.

И царь уступилъ мольбѣ праведника.

А онъ подвизался, какъ простой послушникъ, испол-

няя всякія работы, хотя стоялъ почти на порогѣ столѣтія. Уже слишкомъ 90 лѣтъ были изжиты. Постъ, молитва, труды по устроенію обители составляли, по-прежнему, смыслъ его жизни. Не довольствуясь церковной службой и келейной молитвой, онъ уходилъ изъ обители и гдѣ-нибудь на горѣ или въ тундрѣ молился цѣлыми часами или предавался богомыслию.

Солнце медленно закатывалось...

Кто знаетъ, можетъ быть, смерть потому и подкрадывалась такъ медленно къ подвижнику, что онъ служилъ правиломъ вѣры и образомъ кротости и на его примѣрѣ крѣпли вѣра и подвигъ остальной братіи. Можетъ быть, жизнь теплилась и теплилась потому, что обитель, пока жилъ Трифонъ, не могла испытать на себѣ того, что суждено ей было послѣ его смерти и что апостолъ предсказалъ на смертномъ одрѣ...

Но какъ-бы то ни было, солнце вѣры закатывалось. Жизнь избранника Божія таяла, какъ свѣча, и Трифонъ, идя навстрѣчу вѣчности, старался поучать и поучать иноковъ. Лопарь, который прежде назывался Ильмариненомъ, какъ-бы предчувствовалъ уже близкую разлуку съ наставникомъ и старался быть ближе къ нему. Онъ, какъ Марія у ногъ Христа, садился у ногъ Трифона и слушалъ его поученія и молился, и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ...

Съ престарѣлымъ учителемъ лопарь уходилъ на маленькіе островки, гдѣ стояли землянки и гдѣ жили иноки-рыболовы. А то они являлись въ поселокъ Викидъ, гдѣ была гавань и куда, случалось, заходили иноземные корабли.

Корабли привозили въ обитель необходимое для нея, а взаменъ увозили рыбу и лѣсъ... Тамъ-же строились лодки и карбасы. Трифонъ самъ входилъ въ переговоры съ корабельщиками, помогалъ нагружать корабль, благословлялъ тружениковъ, насаждалъ въ слабыхъ душахъ заѣзжихъ людей нравственность.

И все чаще и чаще сталъ уединяться въ своей кельѣ.

Смерть, между тѣмъ, подходила.

И вотъ уже, кажется, она близко. Но смерть какъ-бы не рѣшается сразу скосить благочестивую жизнь. Она сперва посылаетъ свою сестру болѣзнь и та подкашиваетъ апостола сѣвера.

— Значить, пора...— смиренно думаетъ онъ.

Закатъ гаснетъ.

Проповѣдь вѣры и правды, и чистоты души, однако, продолжаетъ раздаваться, какъ послѣдній румянецъ на западѣ.

Братія готовится встрѣтить сумерки. Спокойно? Нѣтъ.

— Наставникъ нашъ оставляетъ насъ...

Рыданья и горькія слезы чаще и чаще вторять шуму валовъ океана.

И вотъ закатъ погасъ...

XV. Кончина апостола Дальняго Сѣвера.

Декабрьскій день—темный, темный...

Темно и въ келіи Трифона. Не играютъ „зайчики“ на деревянныхъ стѣнахъ ея. Солнца нѣтъ. Въ маленькое слюдяное оконце робко пробивается свѣтъ и плаваетъ на подоконникѣ, озаряя лишь краешекъ образа, висящаго въ переднемъ углу. Возлѣ окна на стѣнѣ Распятіе. На полу разостлана рогожа, а на ней лежитъ, подложивъ полѣно подъ голову, старецъ. Измощенно его лицо; изрыли морщины высокій лобъ. Длинная сѣдая борода опускается на грудь. Старецъ тяжело дышетъ. Печать какой-то особенной печали легла на его лицѣ. Синія, безкровныя губы шепчутъ слова молитвы.

А за окномъ воетъ вѣтеръ и Ледовитый океанъ заходилъ сердитыми валами, встревоженный сѣверной бурей. Слышно, какъ шумятъ волны, какъ плачутъ онѣ, разбиваясь одна о другую, пѣняются и съ ревомъ несутся впередъ навстрѣчу новымъ валамъ, встающимъ высокими стѣнами во мракъ зимняго дня. И слышно, какъ кричитъ чайка, носясь надъ океанскимъ просторомъ... будто ищетъ она что-то и не находитъ, и вторитъ своимъ крикомъ стону сѣдыхъ волнъ, вольныхъ, гульливыхъ, всесокрушающихъ...

Старецъ прислушивается къ голосамъ океанской бури, шепчетъ, а брови его, густыя, нависшія, сдвигаются сурово-сурово. Онъ одинъ. Это—апостоль ди-

каго сѣвера, Трифонъ. И онъ чувствуетъ, что болѣзнь которою онъ страдаетъ уже давно, избавляетъ его. Легче ему становится. Точно буря развѣваетъ эту болѣзнь... Съ другой стороны — апостолъ также чувствуетъ, что жизнь его таетъ и что недолго уже ему озарять сѣверную пустыню собою. Келейникъ-ученикъ его пошелъ за игуменемъ и братіей, съ которыми умирающій хочетъ проститься. Чу, шаги... Это они. Дѣйствительно, отворились дверь и въ келью вошли игумень Гурій и братія. У игумена въ рукахъ чаша со святыми дарами.

— Пришли... — проговорилъ Трифонъ и приподнялся съ пола. Кроткимъ, проникательнымъ взглядомъ окинулъ онъ всѣхъ ихъ и едва-едва замѣтная улыбка появилась на лицѣ добраго наставника.

Одни изъ иноковъ опустились передъ нимъ на колѣни. Другіе низко опустили головы. Кто-то тяжело вздохнулъ, кто-то не выдержалъ и глухо зарыдалъ.

— Я хочу... проститься съ вами, — сказалъ Трифонъ спокойно. — Затѣмъ и звалъ васъ, любимая братія моя...

Игумень Гурій заплакалъ. Плача онъ вымолвилъ:

— Затѣмъ, наставникъ нашъ, оставляешь насъ сирыми?

Трифонъ кротно посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ:

— Братія моя, не скорбите, и добрый путь теченія моего не прерывайте. Все свое упованіе возложите на Бога. Иисусъ Христосъ, Богъ и Спаситель мой, меня, во всѣхъ приключавшихся со мною несчастіяхъ, не оставилъ, тѣмъ болѣе не оставитъ васъ, собранныхъ во имя Его. Я же заповѣдую вамъ: любите Его, въ Троицѣ славимаго, всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и всею мыслию своею.

Трифонъ пересталъ, съ любовью посмотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ и, поднимая правую руку, продолжалъ:

— Чадца моя! Любите и другъ друга. Храните

иночество честно и воздержно. Начальствованія избѣгайте; вы видите: много лѣтъ не только своимъ, но и вашимъ нуждамъ послужили руки мои, и всѣмъ я былъ послушникомъ, власти же не искалъ...

Силы оставляли апостола...

Голосъ его звучалъ все слабѣе, прерывчато... Медленно дыша, Трифонъ говорилъ:

— И еще молю васъ—не скорбите о моей кончинѣ. Смерть мужу покой... У всякаго человѣка душа въ тѣлѣ; какъ странникъ пребываетъ нѣкоторое время, но потомъ уходитъ, и мертвенное тѣло вскорѣ же обращается въ прахъ, ибо всѣ мы—гной, и всякій человѣкъ—червь... А разумная душа уходитъ въ свое отечество, небесное... Любимцы мои, стремитесь туда, гдѣ нѣтъ смерти, гдѣ вѣчный свѣтъ. Тамъ одинъ день лучше тысячи дней земныхъ. Не любите міра и того, что въ мірѣ. Вѣдь знаете, какъ окаянень сей міръ.

Трифонъ опять смолкъ.

А буря выла за окномъ и океанъ клокоталъ, вздымая холодныя волны. Онѣ росли горами, шли къ берегу, точно желая поглотить его. Пѣной обдавали онѣ прибрежныя скалы. Казалось, волны сердились, не слыша ни откуда отклика, жалобъ или мольбы.

Расходился Сѣверный океанъ. Будто злые духи—эти адскія силы — собрались на холодномъ просторѣ и справляли свой шабашъ, замышляя вмѣстѣ съ тѣмъ козни противъ людей. Въ воѣ вѣтра чудились голоса бѣсовъ, въ плескѣ и шумѣ волнъ—ихъ фырганье... Чудилось, это они пѣнили океанъ и, собирая кипень, кидали ее на берегъ, гдѣ стояла одинокая обитель. Кидали, чтобы смыть, стереть съ лица земли ненавистное имъ... Трифонъ повелъ рукою къ оконцу.

— Слышите, братія?—сказалъ онъ.

— Это океанъ расходился,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Какъ океанъ, и міръ невѣренъ и мятеженъ, — продолжалъ Трифонъ. — Точно пропасти въ немъ уловки злыхъ духовъ; какъ вѣтрами, волнуется онъ губительною ложью, и горекъ діавольскими навѣтами, и точно пѣнится грѣхами и вѣяніемъ злобы свирѣпствуетъ. Врагъ только и думаетъ о погруженіи міролюбцевъ, всюду простираетъ свою пагубу, вездѣ плачь. Наконецъ, всему смерть...

И умирающій старецъ склонилъ голову. „Смерть... всему смерть“... Да, она уже стояла за согбенными плечами апостола сѣвера и протягивала къ нему свои худыя, костлявыя руки, чтобы увести его отъ жизни... Она уже готова была скосить плодотворную жизнь — и коса смерти, острая, всепобѣждающая, видѣлась уже слабѣющему избраннику Христа. И Трифонъ безъ страха, безъ волненія смотрѣлъ на развязку. Голосъ смерти слышалъ онъ... онъ одинъ. И не содрогался. „Смерть, вѣдь всему смерть“... Онъ слегка коснулся одежды игумена Гурія и произнесъ:

— Еще заповѣдую вамъ. Когда, по волѣ Божіей, душа моя разлучится отъ тѣла моего, погребите меня у церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, въ пустынь, куда часто отходилъ я на Богомыслие и безмолвіе.

Послѣ этихъ словъ Трифонъ попросилъ пріобщить его Святыхъ Таинъ. Братія стала на колѣни. Ученикъ умирающаго — Петръ помогъ ему подняться съ рогожки. Петръ плакалъ. Но спокоенъ былъ самъ старецъ. Только лицо его свѣтилось, какъ будто оно отражало внутреннее торжество апостола. Трифонъ сталъ на колѣни передъ чашей со Святými Дарами и игумень Гурій пріобщилъ его.

Всѣмъ стало вдругъ какъ-то особенно отрадно. Горечь предстоящей разлуки навсегда съ любимымъ руководителемъ на житейскомъ пути на минуту отпала отъ всѣхъ, уступивъ мѣсто, хотя бы и непродолжительной, радости и умиленію при видѣ причастника.

Братія облобызала умирающаго.

И вдругъ онъ, поникнувъ головою, горько заплакалъ.

Всѣхъ охватило крайнее недоумѣніе... Всѣ переглянулись между собою. Что это значитъ. Откуда эти слезы? Почему вдругъ умиленіе старца смѣнилось горькими слезами? Не тоска же по жизни проснулась въ немъ. Не страхъ же смерти...

Взволнованный и удивленный игумень склонился къ плачущему и сказалъ:

— Преподобный отче, ты намъ запрещаешь о тебѣ скорбѣть, ибо съ радостью идешь къ сладкому своему Иисусу; скажи же намъ, отчего ты прослезился?

Умирающій не сразу отвѣчалъ.

Онъ довольно долго, какъ бы испытующе, смотрѣлъ на иноковъ и потомъ, переводя взглядъ кверху, проговорилъ пророчески:

— Будетъ на сію обитель тяжкое искушеніе и многіе примутъ мученіе отъ острія меча; но не ослабѣвайте, братія, упованіемъ на Бога, не оставитъ Онъ жезла грѣшныхъ на жребіи своемъ, ибо силенъ и паки обновитъ свою обитель.

И обратясь къ своему ученику-келейнику, тихо добавилъ:

— Я хочу лечь... силы слабѣютъ...

Ему помогли лечь на рогожѣ нѣсколько иноковъ. Трифонъ легъ. Снова просвѣтилось его лицо. Холодѣющія губы зашептали молитву... Черезъ минуту—старецъ скончался.

Игумень Гурій склонился надъ нимъ.

Всматривается, дышетъ-ли основатель обители. Нѣтъ, не дышетъ...

— Братіе... нашъ наставникъ... оставилъ... насъ,—глотая слезы, проговорилъ игумень Гурій.

И убогая келья огласилась рыданіями иноковъ.

Это совершилось 15-го декабря 1583 года.

Семь лѣтъ прошли.

Умеръ и Грозный. Меньше, чѣмъ на годъ, пережилъ онъ великаго подвижника сѣвера. Царствовалъ кроткій Ѳеодоръ Іоанновичъ. Онъ велъ войну съ нѣмцами и осаждалъ Нарву.

Однажды на разсвѣтѣ, когда благочестивый царь спалъ, явился во снѣ ему старецъ, высокій, сгорбленный, съ большою бѣлою бородой.

— Встань, государь, выйди изъ шатра, а то будешь убитъ.

Ѳеодоръ спросилъ:

— Кто ты, инокъ?

— Я тотъ Трифонъ, которому ты подаль свою одежду, чтобы твоя милостыня предварила другія. Господь Богъ мой послалъ меня къ тебѣ.

Царь Ѳеодоръ открылъ глаза. Проснулся. Огляделся—никого нѣтъ. Но сонъ былъ чудесенъ. Царь поспѣшно вышелъ изъ шатра. Ядро изъ осажденной Нарвы ударило прямо въ постель Ѳеодора.

— Чудо свершилось!

Ѳеодоръ горячо возблагодарилъ Бога за милость Его къ нему, царю, и отправилъ въ дальнюю Печенгскую обитель гонца, который-бы нашелъ Трифона.

Гонецъ отправился.

Вотъ онъ въ обители.

Иноки радостно встрѣтили царскаго посланца.

— Гдѣ праведный старецъ Трифонъ? Отведите меня въ его келію,—просилъ онъ и услышалъ отвѣтъ:

— Вотъ уже семь лѣтъ минуло, какъ праведный старецъ скончался.

Эпилогъ.

„Всѣхъ ихъ 116 иноковъ шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они также всѣ постройки, церковь, большую часть имущества, скотный дворъ и мельницу. Сожгли также поселокъ подъ названіемъ Викидъ, гдѣ была монастырская гавань, всѣ карбасы и лодки, а оставшіяся въ гавани суда изрубили на части. Итакъ, отъ монастыря не осталось ни одного строенія, кромѣ бани, стоявшей невдалекѣ, да двухъ землянокъ, находившихся на двухъ маленькихъ островахъ, куда шведы не могли проникнуть. Вардехусъ“.

Изъ стариннаго датскаго документа.

Ни день, ни ночь. Хаосъ какой-то. Хаосъ, какъ наканунѣ мірозданья. Въ двухъ шагахъ ничего не видать, ни зги. Стелется мгла по землѣ, подымается отъ земли, все, все заволакиваетъ. Кажется, не стало моря Студенаго, нѣтъ уже и горъ, и земли. Исчезла тундра. Кто-то гудитъ, воетъ, не то плачетъ, не то стонетъ. Кто-то чудится, носится въ этомъ хаосѣ и извергаетъ проклятія. Кто?—Злой духъ... Онъ стонетъ и сѣетъ зло, преступленія... „У самаго моря, въ одномъ днѣ пути отъ Печенги, поставилъ свою вѣжу фильманъ (кочевой лопарь—владѣлецъ оленьяго стада) Иванъ. Его самъ преподобный Трифонъ окрестилъ; только онъ крестился изъ жадности, ожидая даровъ, и, не получивъ ихъ, питалъ большую злобу и на преподобнаго, и на самого Бога и продолжалъ жить какъ язычникъ.

„И Богъ, видимо, отъ него отступился.

„Въ этомъ году (1590) его оленямъ приходилось плохо, стужа сковала снѣга, олени каждый день

издыхали отъ безкормицы, и стадо его таяло, какъ таетъ лѣтомъ льдина на солнцѣ.

„Обозлился въ конецъ лопарь Иванъ и началъ думать, какъ ему наверстать убытокъ. Думалъ, думалъ, запрегъ кережу (сани) и отправился въ Норвегію, въ такое мѣсто, гдѣ, какъ онъ зналъ, живутъ зимою морскіе пираты.

„Онъ предложилъ пиратамъ довести ихъ до Печенгскаго монастыря, чтобы его ограбить. Разбойники обрадовались: давно точили они зубы на монастырь, да боялись и не знали дороги. Ивану атаманъ обѣщаль 50 серебряныхъ шведскихъ монетъ да еще двадцать далъ впередъ. Разбойники надѣли пачеки (нѣчто въ родѣ дахи), вооружились, запрягли цѣлую райду (оленій поѣздъ) кережъ, поѣхали и пріѣхали на Печенгу въ самый день Рождества“.

Сбылось пророчество умирающаго апостола сѣвера. Явилось „на обитель тяжкое искушеніе“, наступалъ часъ „многимъ принять мученіе отъ острія меча“.

Вотъ что было дальше, какъ то записалъ Евг. Львовъ со словъ лопарскаго преданія. За два часа до нашествія разбойниковъ 51 человекъ братіи и 65 послушниковъ послѣ обѣдни сѣли за столъ въ трапезной, а от. настоятель, прежде чѣмъ благословить трапезу, взялъ святую книгу и только-что раскрылъ, чтобы прочесть ее, именно въ томъ мѣстѣ поученія, гдѣ у него была закладка, какъ поблѣднѣлъ, зашатался и упалъ на землю.

Братія подумала, что онъ ослабъ отъ воздержанія, одинъ подбѣжалъ поднять настоятеля и хотѣлъ читать, какъ, вскричавъ, закрылъ лицо отъ страха. Всѣ поднялись и увидѣли съ ужасомъ, что тамъ, гдѣ лежала закладка настоятеля, кровавыми буквами появилось поминаніе по вновь представившимся убіеннымъ и слѣдовалъ списокъ ихъ именъ, начиная съ имени настоятеля.

Поднялся плачь и смятеніе, но настоятель твердо приказалъ идти всѣмъ въ церковь и тамъ вмѣстѣ съ братіей палъ предъ иконами. Въ это время подъѣхали разбойники, стали ломиться въ двери освѣщеннаго храма и, окруживъ деревянный монастырь, подожгли его со всѣхъ сторонъ. Между иноками былъ одинъ страшно сильный великанъ, бывшій воинъ; взглянувъ въ окно и увидѣвъ, что разбойниковъ не больше 50, онъ сталъ просить настоятеля благословить его и другихъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ иноковъ защищать обитель, такъ какъ у нихъ-де есть топоры и ломы. Но настоятель сказалъ:

— Нѣтъ, это воля Божія, о ней предъ своей кончиной, не упоминая часа, предсказалъ преподобный Трифонъ, а потому нельзя ей противиться и необходимо безпрекословно приготовиться принять вѣнецъ мученическій.

Услыхавъ эти слова, братія смирилась и смолкла. Съ горячей молитвой пали иноки ницъ передъ алтаремъ.

Въ это мгновеніе ворвались разбойники, но ни одинъ изъ монаховъ не пошевелился, не отвѣтилъ на вопросъ о монастырскихъ деньгахъ и рухляди. Разбойники озвѣрѣли, и иноки всѣ до единого приняли мученическую кончину, не поднимая головы и съ молитвою на устахъ. Перебивъ всѣхъ, разбойники бросились искать добычу, грабить утварь и монастырь, но нашли очень мало, такъ какъ монахи, будучи скромной, богобоязненной жизни, о накопленіи земныхъ благъ не заботились. Между тѣмъ, пожаръ охватилъ всю обитель и разбойники, боясь сгорѣть, поспѣшили выйти изъ церкви, взошли на сосѣднюю скалу и стали дѣлиться, причемъ Ивану досталась серебряная св. чаша, которую онъ, трясясь отъ жадности, спряталъ за пазуху.

Стоя на скалѣ, разбойники ожидали, когда заго-

рится церковь, но огонь пылалъ кругомъ, не трогая деревянной церкви. Вдругъ въ воздухѣ надъ пылающимъ монастыремъ показались три бѣлоснѣжныхъ лебедя.

Разбойники стали спрашивать другъ друга въ смятеніи:

— Откуда эти лебеди? Теперь зима, а ихъ зимой никогда еще у насъ не бывало.

А лебеди поднимались надъ горѣвшимъ монастыремъ все выше и выше и вдругъ разлились на небѣ въ золотой кругъ, загорѣвшійся ярче пожара. Затѣмъ изъ пламени стали вылетать одинъ за однимъ 116 бѣлыхъ какъ снѣгъ птицъ, ростомъ съ чайку, только красивѣе и бѣлѣе, подниматься вверхъ и сливаться съ золотымъ кругомъ, который разгорался и расширялся такъ, что стало глазамъ больно. „Видно, большой грѣхъ сдѣлали мы, проливъ праведную кровь“, — вскричалъ испуганный атаманъ, и всѣ вмѣстѣ съ проводникомъ въ смятеніи бросились съ горы къ своей райдѣ и погнали оленей. Долго неслись они, совсѣмъ замучивъ оленей, а на утро стали перебираться въ Норвегію. Иванъ, не довѣряясь разбойникамъ и боясь быть ограбленнымъ, ѣхалъ шаговъ на пятьсотъ впереди ихъ на сильномъ оленѣ, а за нимъ тянулася райда съ разбойниками и добычей. Вдругъ на самомъ крутомъ мѣстѣ задній олень споткнулся и вмѣстѣ съ санными и сѣдокомъ полетѣлъ въ пропасть, потащивъ за собою всѣ остальные привязанные ремнями другъ за друга кережи съ ихъ сѣдоками; полные ужаса и отчаянія крики огласили воздухъ; адскимъ хохотомъ отвѣчалъ злой духъ изъ пропасти, а ему громко и безконечно стало вторить насмѣшливое эхо горъ.

Вздрогнулъ и оглянулся ѣхавшій впереди Иванъ; видитъ, всѣ разбойники вдругъ пропали изъ вида; повернулъ онъ оленя и бросился назадъ, но у обезумѣвшаго отъ страха животного шерсть стала дыбомъ;

закинувъ рога на шею и не слушаясь болѣе хозяина, бросилось оно въ сторону и какъ разъ на томъ-же мѣстѣ сорвалось и полетѣло въ пропасть. Долго летѣлъ внизъ Иванъ и упалъ на что-то мягкое. На небѣ горѣли всполохи (сѣверное сіяніе); при ихъ свѣтѣ увидалъ онъ, что лежитъ на кучѣ своихъ разбитыхъ и окровавленныхъ спутниковъ, а подъ нимъ шевелятся ихъ руки и ноги, поднимаются головы и молятъ о помощи; кругомъ цѣлая стая волковъ съ жадностью рветъ еще живыхъ и пьетъ ихъ кровь. Съ алчностью накинулись ближайшіе волки и на еще живого оленя.

Иванъ съ силой отчаянія выхватилъ ножъ и, поражая бросавшихся на него волковъ, въ ужасѣ кинулся стремглавъ по ущелью. Долго бѣжалъ онъ и очутился, наконецъ, въ тундрѣ. Кругомъ лѣсъ, посрединѣ прогалина, а на ней большой, высоко и широко бьющій изъ земли ключъ. Обрадовался ему Иванъ; изнывая отъ жажды, онъ вытащилъ изъ-за пазухи серебряную монастырскую чашу, зачерпнулъ ею воды и жадно поднесъ къ губамъ, но вода оказалась теплой, красной. Попробовалъ — кровь!.. Съ ужасомъ бросилъ онъ чашу въ воду, а она не тонетъ, стала на водѣ стоймя и сіяетъ, какъ огненная, а внутри кровь горитъ, какъ рубинъ. Волосы поднялись у Христопродавца, глаза полѣзли изъ лба; хочетъ перекреститься — рука не двигается, виситъ какъ плеть. Но вотъ поднялся изъ ручья водяной столбъ и осторожно понесъ чашу къ небу; какъ солнце горѣла въ воздухѣ святая чаша; кругомъ сразу сдѣлался свѣтлый лѣтній день, пока Самъ Господь не протянулъ десницу и не взялъ чашу на Свое святое лоно. Тогда опять все померкло, сразу наступила темная ночь; съ ревомъ обрушился внизъ поднявшійся до неба водяной столбъ, охватилъ полумертваго Ивана, завертѣлъ и втянулъ въ подземную пучину.

И теперь въ Норвегіи за Варонгеръ-фіордомъ есть,

говорять, бездонное озеро, воды коего до сихъ поръ имѣють красноватый цвѣтъ. Никто: ни человѣкъ, ни дикій олень не пьютъ этой красноватой воды, а изъ середины озера поднимается большой желтоватый камень, имѣющій форму чаши. Нѣтъ въ этомъ озерѣ рыбы и не живутъ на немъ птицы; оно не замерзаетъ и зимой. Только разъ въ годъ—на самое Рождество—прилетаютъ къ нему три бѣлоснѣжныхъ лебедя, плаваютъ въ его водѣ, садятся на камень, затѣмъ поднимаются и исчезаютъ изъ глазъ.

До конца сбылось пророчество преподобнаго Трифона. Богъ „не оставилъ жезла грѣшныхъ на жребіи своемъ, ибо силенъ и паки обновилъ обитель“.

И она красуется нынѣ въ далекой сѣверной пустынѣ, вѣнчанная горами, уходящими въ блѣдную синь полярныхъ небесъ.

А къ юго-востоку отъ нея—Колокольное озеро. Рассказываютъ: ограбивъ монастырь, разбойники повезли черезъ это озеро колокола, но ледъ подломился и колокола потонули.

И въ ясныя ночи, хоть и рѣдко, — если вѣрить лопарямъ,—оттуда, изъ глубокихъ нѣдръ, доносится глухой звонъ, таинственный звонъ.

Онъ какъ-бы напоминаетъ потомкамъ о кровавомъ, страшномъ дѣлѣ ихъ предковъ въ ночь на Рождество 1589 или 1590 года...

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Горькая пустыня	3
II. Дикая лопь.	10
III. Голосъ Незримаго	21
IV. Лицомъ къ лицу.	33
V. Кебуны	38
VI. Первые подвиги Митрофана	46
VII. Злое дѣло	63
VIII. Божье дѣло	70
IX. Митрофанъ въ Новгородѣ	74
X. Обитель созидается.	93
XI. Любовь къ ближнему	109
XII. Видѣніе Грознаго	123
XIII. Царскія милости	132
XIV. Передъ концомъ	142
XV. Кончина апостола Дальняго Сѣвера	146

Дешевая Библиотека Русскаго Паломника.

МУЧЕНИЧЕСТВО ЗА ХРИСТА. С. П. 28 стр., цѣна 10 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ учен. библ. среди учебн. завед.

НАШИ ЗАГРАНИЧНЫЯ МИССИИ. Очеркъ о русскихъ духовныхъ миссияхъ. С. *Архангелова*. 208 страниц., ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ учен. библ. среди учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущено въ учен. библ. ср. уч. зав.

НАШИ ЧЕРНЫЯ ЕДИНОВѢРЦЫ. Сост. В. *Бучинскій* и С. *Базлановъ*. 237 стр. ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ учен. библ. среди учебн. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущено въ учен. библ. духов. семина.

О КРЕСТѢ ХРИСТОВОМЪ противъ раскольниковъ, соч. о. *Іоанна Сергіева* (Кронштадтскаго). 125 стр., цѣна 35 к.

Учен. Ком. при Св. Синодѣ одобрено для фонд. и уч. библ., дух. семина. и жен. дух. уч.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ въ XVIII вѣкѣ. Е. *Поселянина*. 176 страниц., цѣна 50 к.

ПАДЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. Истор. очеркъ. О. Е. *Шеляговскаго*. 182 стр., ц. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ учит. библ. низш. учебн. завед. и въ безплатч. народныя читальни.

ПАЛЕСТИНА подъ властью христіанскихъ императоровъ. Историческ. очерки. 145 стр., ц. 30 к.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущено въ фонд. и учен. библ. духов. учеб. зав. муж. и женск.

ПАЛОМНИКЪ ПО СВ. ЗЕМЛѢ. Подарокъ родникъ. Соч. К. И. *Конева*, крестьянина села Михайловск., Ставропольск. губер. Изданіе 6-е, 46 страницъ, съ 16 рисун., цѣна 25 к.

ПО ЕВАНГЕЛЬСКИМЪ СЛѢДАМЪ. Картины изъ земной жизни Спасителя. Въ 2-хъ частяхъ. Л. *Шнеллера*. 352 страниц., ц. 50 к.

ПО СЛѢДАМЪ АПОСТОЛА ПАВЛА. Жизнь и дѣятельность Св. Апостола языковъ. Соч. *Шнеллера*. Съ картою. 232 страниц., ц. 25 к.

Мин. Нар. Пр. допущено въ учен. библ. среди учебн. заведений.

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА. Изъ исторіи Византии. А. *Воскресенскаго*. 228 страниц., цѣна 25 к.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О ЖИЗНИ ИСУСА ХРИСТА. Соч. *Оомы Келпійскаго*, пер. съ англ. свящ. М. *Славнитскаго*. 260 стр., цѣна 50 к.

Его Импер. Выс. Главн. Нач. воен.-учебн. зав. РЕКОМЕНДОВАНО для фундам. библ.

РУССКІЯ МИССИИ НА ОКРАИНАХЪ. Историко-этногр. очеркъ Прот. Г. *Бѣляева*. 308 стр., ц. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ уч. библ. среди учебн. завед. и въ безпл. нар. библ. и чит.

Учен. Ком. при Св. Синодѣ допущено въ учен. библ. среди учебн. зав.

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ XIX ВѢКА. Историко-біографическіе очерки, въ 2-хъ част. Е. *Поселянина*. 540 страниц., ц. 75 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. допущено въ уч. библ. среди и низш. учебн. зав. и въ безпл. народн. чит. и библ.

Учен. Ком. при Св. Синодѣ одобрено для уч. библ. дух. сем. мужск. и женск. дух. уч.

СВѢТЪ АЗИИ. Распространеніе христіанства въ Сибирь въ связи съ описаніемъ быта, нрав., обычаевъ и рел. вѣров. инород. этого края. Сост. Т. *Догуревичъ*. 186 стр., ц. 25 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ уч. старш. воар. библ. ср. учебн. зав., въ уч. библ. низш. учил. и безпл. нар. библ. и чит.

СВЯТЫНИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. Съ описаніемъ жизни и подвиговъ святыхъ и знаменій, бывшихъ отъ чудотворныхъ иконъ. Сост. Е. *Поселянинъ*. 218 страниц., цѣна 25 к.

Уч. Ком. М. Нар. Пр. допущено въ библ. ср. уч. зав.

СВЯТЫНИ НАШЕГО СѢВЕРА. Путешествіи по обитаемымъ Сѣверной Россіи. Очерки и разск. И. *Остроумова*. 185 стр., ц. 25 к.

Уч. Ком. Соб. Его Имп. В. Канц. РЕКОМЕНДОВАНО для приобр. въ фонд. и учен. библ. учебн. зав. Вѣдом. учр. Имп. Маріи

СКАЗАНИЕ О СВАТОПОЛКѢ, князѣ Поморскомъ, Н. Н. *Филиппова*. 88 страниц., ц. 15 к.

СОЛОМЕЯ. Повѣсть изъ быта поволжскихъ сектаторовъ. Л. *Воронина*. 132 стр., ц. 75 к.

СОЛОМОНЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ. Соч. Ф. В. *Фаррара*. Переводъ съ англійскаго священника М. *Славнитскаго*. 240 страниц., ц. 50 к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ учен. библ. ср. учебн. зав. мин. и въ безпл. нар. читальни и библиот.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущено въ фонд. учебн. библ. дух. семина.

СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВЪ И СЕКТАНТОВЪ ПОВОЛЖЬЯ. Историко-бытовые очерки С. *Архангелова*. 176 стр., ц. 25 к.

Историческія повѣсти.

АДСКІЙ ГОДЪ. (Іезуиты въ Россіи). Церковно-историческ. хроника. *Н. О. Лихарева.* 208 стр. 50 коп.

АЛИШІЙ ИЗЪ ТАГАСТЫ. Повѣсть изъ исторіи гоненій на христіанъ IV вѣка. 208 стр. 50 коп.

БУРЪ-АНЪ. Повѣсть изъ древне-зырянск. жизни. *М. Н. Лебедева.* 168 стр. 25 к.

ВЕЛИКІЙ СТРАДАЛЕЦЪ. Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Гермогена. *Вл. П. Лебедева.* 160 стр. 50 к.

ВЪ ДАЛИ ВѢКОВЪ. Историческ. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. *А. П. Лаврова.* 192 стр. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч., младш. и средн. возр., библи. средн. учебн. зав. Мин. и въ безпл. нар. чит. и библи.

ДОВМОНТОВЪ МЕЧЪ. Историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.* 156 стр. 25 к.

ЗА БРАТЬЕВЪ-СЛАВЯНЪ. (По поводу 25-л. войны 1877—78 гг.). *И. В. Преображенскаго.* 192 стр. 50 к.

ЗА КРЕСТЬ И ВѢРУ. Историческая повѣсть. *А. И. Красникова и В. А. Пичука.* 190 стр. 25 коп.

ЗА СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ. Историч. повѣсть изъ эпохи смутнаго времени на Руси. *Вл. П. Лебедева.* 240 стр. 50 к.

Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библи., средн. и младш. возр., средн. учебн. зав., а также и въ безпл. читальни.

ИСТОРИЯ РОССІИ ДЛЯ НАРОДА, въ 12 разсказахъ, съ 21 рис. и портр. *А. Н. Салыникова.* 176 стр. 30 к.

КНЯЗЬ МУЧЕНИКЪ. Историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.* 200 стр. 25 к.

Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библиотекѣ всѣхъ учебныя завѣденій мин. средн. и низшихъ и въ безпл. народн. чит.

МУЧЕНИКИ. Церковно-историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ. *Шатобріана.* Перев. *А. С. Мерказиной.* 380 стр. 50 к.

НА СТРАЖѢ ПРАВОСЛАВІЯ. Повѣсть изъ жизни украин. духов. XVIII в. *В. А. Радича.* 208 стр. 50 к.

НЕБЕСАМИ ПОВѢЖДЕННЫЕ. Историч. пов. въ 3-хъ частяхъ. *А. П. Лаврова.* 192 стр. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч., младш. и средн. возр., библи. средн. учебн. зав. Мин. и въ безпл. нар. чит. и библи.

ОТЕЦЪ ГЕРАСИМЪ. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецк. игомъ. *Д. Илича.* 220 стр. 50 к.

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ. Историческій романъ въ 2-хъ томахъ. *М. А. Филиппова.* 812 стр. Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ УНИИ. Историч. пов. изъ быта Бѣлороссіи XVIII в. *Н. Стрѣшнева.* 230 стр. 40 к.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Историческая повѣсть изъ эпохи княженія на Руси Ольги. *А. П. Лаврова.* 192 стр. 25 к.

ПУТЕМЪ НЕИСПОВѢДИМЫМЪ. Историческая пов. изъ жизни патріарха Филарета Никитича. *Вл. П. Лебедева.* 144 стр. 25 к.

ПУТИ ПРОВІДѢНІЯ. Повѣсть изъ времёнъ Константина Великаго. Переводъ съ англійскаго. 190 стр. 25 к.

СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСІЙ. Историческая повѣсть. *П. А. Россіева.* 190 стр. 25 к.

СЕСТРЫ ФАБЮЛЫ. Пов. изъ врем. гоненія на христіанъ. Соч. *К. Семенова.* 186 стр. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Н. П. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библи.

СКВОЗЬ ПРАКЪ КЪ СВѢТУ, или на разсвѣтъ христіан. Пов. изъ врем. Нероовск. гоненія на христіанъ. *Ф. Фаррара,* въ излож. *Ф. Волгина,* 168 стр., изд. 2-е. 25 к.

Первое изданіе Уч. Комит. М. Н. П. **ДОПУЩЕНО** въ учен., старш. возраста, библи. средн. учебн. завед., въ учительскія библи. низшихъ училищъ и въ безпл. народн. библи. и читал. Учбн. Ком. С. Е. И. В. Канцелярн **РЕКОМЕНДОВАНО** для учен. библи., средн. и старш. возраста, ср. учебн. завед. и старш. возр. Маринскихъ уч. и низш. уч. завед. Вѣдом. Учрежд. Имп. Марин.

СОНЪ ВЕЛИКАГО ХАНА. Историческая повѣсть. *М. Н. Лебедева.* 176 стр., 50 к.

СЫНЫ АРІЯ. Пов. изъ ист. борьбы съ арианствомъ Запада. 224 стр. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Н. П. **ДОПУЩЕНО** въ учебн. библи. средн. уч. завед. и въ безпл. нар. чит. и библи.

ТРИ ПОВѢСТИ. I. Рабы и владыки. II. Последній всплескъ. III. Въ бурю. *Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.* 431 стр., 1 р.

ТУЧА СЪ ЗАПАДА. Историческ. повѣсть. *Ө. Рскаго.* 144 стр., 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библи.

ФЕЛИНИСЪ. Повѣсть изъ исторіи гоненій христіанъ при Доміціанѣ. *Гено.* Переводъ *И. В. Новгородской.* 176 стр. 25 к.

ЦАРСКІЙ ДУХОВНИКЪ. Истор. пов. изъ врем. Іоанна Грознаго. *Вл. П. Лебедева.* 208 стр. 50 к.

ШУТЪ БАЛАКИРЕВЪ. Повѣсть изъ временъ царствованія Петра Великаго. *З. В. Осстрова.* 124 стр., 40 к.

ФЕДОСЕЕВСКІЙ ВЛАДЫКА. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. *Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.* 176 стр., 50 к.

ГПБ Русский фонд

38.26.7.6.